

№ 7541
А. Г. ТИМОФЕЕВЪ.

СУДЕБНОЕ КРАСНОРЪЧІЕ

ВЪ РОССІИ.

КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

15065
Перевъ, 1850

(Судебныя рѣчи А. Ѳ. Кони, М. Ѳ. Громницкаго, В. И. Жуковскаго, Н. В. Муравьева, В. Д. Спасовича, П. А. Александрова, С. А. Андреевскаго, К. К. Арсеньева, Н. П. Карабчевскаго, А. В. Лохвицкаго, П. Г. Миронова, А. Я. Пассовера, Ѳ. Н. Плеваго, кн. А. И. Урусова и К. Ф. Хартулари).

ПРОВЕРКА 2007

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книжный Магазинъ А. Ф. Цинзерлинга,
бывшій Мелъе и К^о.
20. Невскій проспектъ. 20.
1900.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

Обвинительныя рѣчи.

СТРАН.

✓ I. А. Ѳ. Кони	1
II. М. Ѳ. Громницкій	35
III. В. И. Жуковскій	42
IV. Н. В. Муравьевъ	48
V. Общая характеристика рѣчей прокуроровъ	63

Защитительныя рѣчи.

I. В. Д. Спасовичъ	73
II. П. А. Александровъ	105
III. С. А. Андреевскій	111
IV. К. К. Арсеньевъ	126
✓ V. Н. П. Карабчевскій	130
VI. А. В. Лохвицкій	139
VII. П. Г. Мироновъ	145
VIII. А. Я. Пассоверъ	148
IX. Ѳ. Н. Плевако	151
X. вн. А. И. Урусовъ	162
XI. К. Ф. Хартулари	168
XII. Заключение	174

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящей книгѣ мною сдѣлана попытка дать критическій разборъ рѣчей русскихъ судебныхъ ораторовъ, насколько это было возможно при матеріалѣ, имѣвшемся въ моемъ распоряженіи, не касаясь данныхъ біографическаго характера и пользуясь исключительно рѣчами, напечатанными въ различныхъ сборникахъ процессовъ и въ собраніяхъ сочиненій ораторовъ. Эта работа находится въ тѣсной связи съ двумя моими предшествовавшими работами: „Рѣчами сторонъ въ уголовномъ процессѣ“, въ которой излагается теорія судебного краснорѣчія, и „Очерками по исторіи краснорѣчія“, посвященными изслѣдованію приемовъ и особенностей судебного краснорѣчія въ Греціи, Римѣ и западно-европейскихъ государствахъ (главнымъ образомъ Франціи) до конца XVIII столѣтія.

А. Тимофеевъ.

1900 г.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЯ РѢЧИ.

I.

А. О. Кони.

1.

Русское (свѣтское) краснорѣчіе вообще не можетъ быть названо стоящимъ на высокой степени развитія, и въ этомъ отношеніи больше всего сходства замѣтно между Россіей и Германскими народами, краснорѣчіе которыхъ стало развиваться лишь съ половины настоящаго вѣка. Такой выводъ отнюдь не свидѣтельствуетъ о нелюбви русскихъ къ слову или объ ихъ ораторской неспособности, но всецѣло объясняется историческими причинами, строемъ русской общественной жизни. До эпохи реформъ императора Александра II не представлялось и возможности для проявленія ораторскаго таланта, за исключеніемъ, да и то очень условнымъ, университетскихъ кафедръ.

Земское и городское самоуправленіе и новые суды внесли иной порядокъ, дали возможность дѣйствовать словомъ и убѣжденіемъ. Но такъ какъ кругъ дѣятельности земскихъ и городскихъ собраній ограниченъ тѣсными предѣлами хозяйственныхъ вопросовъ, то въ нихъ и не имѣется особенно благоприятныхъ условій для развитія краснорѣчія. Несомнѣнное

преимущество въ этомъ смыслѣ на сторонѣ суда, созданнаго Судебными уставами 1864 года на началахъ гласности и публичности производства съ участіемъ общественнаго элемента въ лицѣ присяжныхъ при разборѣ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ, хотя и здѣсь ограниченія, изыятія и существованіе особыхъ порядковъ для разсмотрѣнія дѣлъ, глубоко затрогивающихъ общественную и государственную жизнь (напр. преступленія по дѣламъ печати и т. п.), суживаютъ область дѣятельности русскихъ судебныхъ ораторовъ сравнительно съ дѣятельностью адвокатовъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Но и при наличности этихъ препятствій изученіе русскаго судебного краснорѣчія, считающаго за собой всего тридцатилѣтній періодъ жизни, является весьма интереснымъ и поучительнымъ. Оно доказываетъ, что русскіе судебные ораторы, начавшіе свою дѣятельность при отсутствіи историческихъ традицій, въ сравнительно тѣсныхъ рамкахъ, предоставленныхъ имъ судебныхъ дѣлъ, сумѣли и успѣли сдѣлать многое. При этомъ рѣчи нѣкоторыхъ нашихъ выдающихся ораторовъ несомнѣнно носятъ отпечатокъ оригинальности и самостоятельности, позволяютъ говорить о русскомъ судебномъ краснорѣчіи, а не о простомъ подражаніи.

Рѣчи прокуроровъ въ Россіи, какъ на это, впрочемъ, указывается и въ другихъ странахъ, напр. во Франціи, обыкновенно уступаютъ защитительнымъ рѣчамъ, такъ какъ въ рядахъ адвокатуры по большей части сосредоточиваются лучшія силы, что вполнѣ естественно, такъ какъ оратору требуется прежде всего независимое положеніе, дозволяющее высказывать свое убѣжденіе безо всякихъ стѣсненій; служебныя условія не всегда оказываются легко совмѣстимыми съ этимъ требованіемъ. Другое обстоятельство, дурно вліяющее на рѣчи прокурора, какъ указываетъ А. Левенстимъ въ своей интересной работѣ о рѣчи государственнаго обвинителя, заключается въ массѣ различной административной работы, возлагаемой на прокурора, въ необходимости для него обвинять въ теченіе сессіи по цѣлому ряду дѣлъ. Къ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ еще прибавить и общее замѣчаніе о томъ, что у насъ слишкомъ мало вниманія обращается на

ораторскую подготовку; она не считается необходимой, и мѣста, требующія въ извѣстной степени ораторскихъ дарованій замѣщаются по большей части безъ соображеній о способности кандидата въ этомъ отношеніи. Однако за тридцатилѣтнюю дѣятельность новыхъ судовъ прокуратура успѣла выдвинуть нѣсколько даровитыхъ ораторовъ. Въ ней начали свою дѣятельность и нѣкоторые выдающіеся адвокаты (П. А. Александровъ, С. А. Андреевскій, В. И. Жуковскій и друг.). Русская прокуратура имѣетъ право гордиться тѣмъ, что къ ней принадлежит и извѣстный русскій судебный ораторъ А. Θ. Кони, въ рѣчахъ котораго члены прокуратуры имѣютъ цѣнные образцы обвинительныхъ рѣчей, замѣчательныхъ какъ по внѣшней формѣ, такъ и по содержанію. Какъ судебный ораторъ А. Θ. Кони, кромѣ прокурорскихъ рѣчей составлялъ въ качествѣ предсѣдателя суда напутствія присяжнымъ и затѣмъ кассационныя заключенія, даваемые имъ по званію оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента. И напутствія и заключенія отличаются глубокимъ знаніемъ права, умѣньемъ толковать законъ, не поступааясь его духомъ въ пользу буквы, равно какъ и хорошимъ изложеніемъ, но слишкомъ тѣсныя рамки этихъ специальныхъ формъ судебного краснорѣчія не даютъ достаточно простора для проявленія таланта оратора и не на нихъ основывается его извѣстность. Впрочемъ и въ нихъ А. Θ. Кони не всегда въ состояніи уйти всецѣло въ область чисто юридическихъ соображеній, и въ кассационныхъ заключеніяхъ время отъ времени проглядываетъ прежній боевой ораторъ: сухія комментаріи закона прерываются эффектными общими мѣстами и разсужденіями. Таково, напр., мѣсто въ кассационномъ заключеніи по дѣлу Іегера и Манассейна, гдѣ частный случай поддерживается авторитетомъ права, ссылкой на цѣли правового общенія, охватывающаго интересы не только подданныхъ даннаго государства. «Законы пишутся не только для удовлетворенія потребностей страны, какъ говорится въ постановленіи судебного слѣдователя. Многіе изъ нихъ имѣютъ цѣлью не одну финансовую, военную и внутреннюю политику страны, а общія потребности человѣка, вытекающія

изъ присущихъ его духу свойствъ и изъ тѣхъ предписаній, которыя среди грома и молній даны на Синаѣ и безъ которыхъ не мыслимо челоѳическое общезитіе» (За послѣдніе годы. 1896 г. стр. 127).

Центръ тяжести ораторской дѣятельности А. Ѳ. Кони въ судѣ, въ его прокурорскихъ рѣчахъ, и онѣ доставляютъ главный матеріалъ для сужденія о его краснорѣчїи, къ ознакомленію съ ними я и перейду теперь, только дополнительно касаясь напутствій и кассационныхъ заключеній. Выполненіе моей задачи облегчается и тѣмъ, что рѣчи А. Ѳ. Кони были уже предметомъ обсужденія въ работахъ гг. Арсеньева, Глинскаго, Грузенберга, Ляховецкаго и другихъ, что позволяетъ мнѣ лишь вкратцѣ остановиться на нѣкоторыхъ сторонахъ краснорѣчїа А. Ѳ. Кони, разборъ котораго я начну съ оцѣнки формы его рѣчей. А. Ѳ. Кони произноситъ рѣчи сдержанно и спокойно, безъ излишнихъ жестикюляціи, пониженій и повышеній голоса, крикливаго паѳоса, долженствующаго доказать искренность увлеченія оратора и свидѣтельствующаго часто лишь о полномъ отсутствїи этой искренности и убѣжденія; Каждое слово у него поставлено на свое мѣсто. А. Ѳ. Кони, какъ это единогласно признается всѣми, замѣчательный стилистъ, рѣчь котораго не утрачиваетъ своей силы въ чтенїи. У нѣкоторыхъ ораторовъ, какъ напр. у знаменитаго французскаго адвоката Беррье, главная сила рѣчи заключалась въ произнесенїи, это указываетъ на невыработанность и небрежность формы, скрадывавшїяся искусствомъ оратора. Рѣчи А. Ѳ. Кони можно въ этомъ отношенїи сопоставить съ рѣчами ораторовъ древняго міра, произведенія которыхъ доставили имъ славу не только ораторовъ, но и писателей. Несомнѣнно, что такая выработка слога является результатомъ какъ выдающихся дарованій, такъ и настойчиваго труда надъ этими дарованїями. Вообще въ работахъ А. Ѳ. Кони не чувствуется излишняго довѣрїя къ своимъ силамъ или злоупотребленія своимъ авторитетомъ, приводящимъ къ поверхностной подготовкѣ, что часто губельно отражается на ораторскомъ талантѣ.

Каждая рѣчь А. Ѳ. Кони можетъ служить яснымъ доказательствомъ какъ его широкихъ и разностороннихъ познаній,

далеко переходящихъ за предѣлы спеціально юридическихъ наукъ, такъ и внимательнаго, безукоризненнаго изученія предмета рѣчи до мельчайшихъ подробностей. Судебное ли это дѣло или біографія какого либо лица или исторія учрежденія, А. Θ. Кони всегда чувствуетъ себя дома, свободно располагаетъ обширнымъ матеріаломъ. Эти же самыя качества его дарованія проявляются и въ слогѣ. Конечно, каждый ораторъ, обладающій талантомъ и опытностью, привыкшій къ точному и ясному выраженію своихъ мыслей, при надобности можетъ прибѣгнуть къ импровизаціи, большое умѣнье пользоваться ею безспорно есть и у А. Θ. Кони, но она занимаетъ надлежащее мѣсто, къ ней ораторъ обращается, какъ къ вспомогательному оружію; онъ не рискуетъ напрасно ничѣмъ существеннымъ, что можетъ ускользнуть отъ вниманія оратора, всецѣло полагающагося на вдохновеніе и удачу.

Внимательная обработка слога, его постепенное совершенствованіе возможно прослѣдить на нѣкоторыхъ выраженіяхъ, образахъ и оборотахъ рѣчи оратора. Особенно понравившіяся ему выраженія съ теченіемъ времени шлифуются, имъ придается большая опредѣленность и красота. Въ 1870 г. обвиняя по дѣлу объ убійствѣ Бѣлова, А. Θ. Кони замѣчаетъ, что въ данномъ дѣлѣ не можетъ быть прямыхъ, очевидныхъ доказательствъ «а будутъ мелочныя обстоятельства, будетъ житейская обстановка, будутъ тѣ кусочки, изъ которыхъ, какъ мозаику придется складывать, осторожно и терпѣливо обвиненіе. Въ дѣлѣ не будетъ прямыхъ доказательствъ, но найдется рядъ уликъ». (Судебныя рѣчи, 1888 г. стр. 443). Въ 1890 г. въ заключеніи по дѣлу Акимова ораторъ такъ опредѣляетъ улики: «это обстоятельства, которыя лишь въ известной совокупности, связанные между собою цѣпью умозаключеній и логикой фактовъ, могутъ составить доказательство. Это отдѣльные кусочки, разноцвѣтные камешки, сами по себѣ не имѣющіе ни цѣнности ни значенія, и только въ рукахъ опытнаго мастера, связанные крѣпкимъ цементомъ мышленія, образующіе болѣе или менѣе цѣнную картину». (За послѣдніе годы, стр. 167). Такимъ образомъ понятіе объ уликахъ, набросанное въ общихъ контурахъ въ 1870 г.,

въ 1890 г. сложилось въ опредѣленную и яркую картину, въ которой сохраниено первоначальное сравненіе съ мозаикой. Въ 1875 г., говоря о дневникѣ (дѣло Сѣдковой), ораторъ указываетъ, что «въ такого рода документахъ человѣкъ всегда, невольно и незамѣтно для себя, рисуется и драматизируетъ и передъ собой и передъ другими какими то безвѣстными ему будущими читателями». (Судебн. рѣчи стр. 364). Въ 1878 г. въ отсутствіи по дѣлу М. Жюжанъ о дневникѣ говорится, что ведущій его, обыкновенно юноша «почти безсознательно отдается представленію о какомъ то отдаленномъ будущемъ читателѣ, который скажетъ: «какой былъ хорошій человѣкъ тотъ, кто писалъ этотъ дневникъ, какія благородныя мысли и побужденія у него были». (Судебн. рѣчи, стр. 513). Аналогичныя мѣста можно указать и относительно опредѣленій сомнѣнія, которыя встрѣчаются во многихъ рѣчахъ.

Точно также однажды выработанные приемы рѣчи, признаваемые ораторомъ удачными, служатъ ему по нѣсколько разъ, измѣняясь, конечно, соотвѣтственно обстоятельствамъ и характеру даннаго дѣла. Такъ въ нѣкоторыхъ рѣчахъ встрѣчается совершенно однородное построеніе послѣднихъ фразъ. Въ 1871 г. ораторъ такъ заканчиваетъ обвиненіе по дѣлу Солодовникова: «Подсудимый говорить, что однимъ изъ основаній любви къ нему Солодовникова было то, что у него мягкія руки, удобныя и пріятныя для растиранія. Быть можетъ вашъ приговоръ покажетъ ему, что у него руки не только мягкія, но и длинныя». (Судебныя рѣчи, стр. 37). Въ этомъ же году (1871 г.) заключеніе по дѣлу кн. Щербатовой кончается такимъ образомъ: «Передъ нами читалось письмо Горчаловскаго, въ которомъ онъ говорить, что «можетъ гордиться въ своей сферѣ и можетъ быть полезенъ въ высшей сферѣ» я полагаю, что вашъ приговоръ, гг. присяжные засѣдатели, покажетъ что такое высокое мнѣніе подсудимаго о самомъ себѣ было по меньшей мѣрѣ преждевременно и неосновательно». (Судебн. рѣчи, стр. 64). Въ послѣднихъ фразахъ рѣчи по дѣлу Янсеневъ говорится: «гг. присяжные засѣдатели, вашъ приговоръ является... сильнымъ оружіемъ въ борьбѣ общества съ поддѣльвателями и распространите-

лями. Если вы придете къ такому выводу, къ которому пришло обвиненіе... то, можетъ быть, вашъ приговоръ покажетъ, что это средство сильно... и что оно строго и безпощадно караетъ виновныхъ въ такихъ противъ общества преступленіяхъ, каково настоящее». (Судебн. рѣчи, стр. 108). Можно указать и еще подобныя окончанія рѣчи (напр. по дѣлу Андреева. Судебн. рѣчи, стр. 459). Здѣсь построеніе заключительныхъ послѣднихъ фразъ однообразно: ораторъ беретъ какое либо положеніе, имѣющее связь съ дѣломъ или личностью подсудимаго—это первая часть, вторая заключается въ подтвержденіи или отрицаніи сказаннаго въ обычной формулѣ: «приговоръ покажетъ» или «докажетъ». При этомъ нельзя не замѣтить, что содержаніе заключительныхъ фразъ берется въ нѣкоторыхъ дѣлахъ (кн. Щербатовой, Солодовникова, Колосова) ораторомъ изъ слишкомъ личныхъ соображеній, изъ мелкихъ частныхъ характеристики или мнѣній подсудимаго, и пріобрѣтаетъ вслѣдствіе этого спеціальнѣйшій характеръ, не всегда соответствующій значенію послѣднихъ словъ рѣчи. Иронія въ этихъ случаяхъ можетъ быть объяснена лишь полной увѣренностью оратора въ успѣхѣхъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что эти особенности выработки стиля оратора, доказывая ея тщательность, въ то же время не вредятъ впечатлѣнію каждой отдѣльной рѣчи. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользованіе одними и тѣми же приемами неудобно для писателя, то слѣдуетъ помнить, что ораторъ находится въ другихъ условіяхъ, его аудиторія мѣняется и для нея изложеніе является новымъ, а не повтореніемъ. Повторенія могутъ быть замѣтны лишь впоследствии при сопоставленіи и изученіи напечатанныхъ рѣчей. Кромѣ того богатый запасъ словъ и образовъ, находящійся въ распоряженіи оратора, дѣлаетъ почти невидимыми эти повторенія, они, слѣдовательно, и не могутъ нанести никакого ущерба красотѣ и оживленности стиля, который въ каждой рѣчи приспособляется къ свойствамъ дѣла и участвующихъ въ немъ лицъ.

2.

Рѣчи А. Θ. Кони выдѣляются изъ обычныхъ прокурорскихъ рѣчей и передачей обстоятельствъ дѣла и доказательствами, онѣ даютъ не одинъ остовъ аргументаціи, а дѣйствительно воспроизводятъ событіе со всѣми деталями и особенностями; для этого служатъ оратору, составляемые имъ съ большимъ искусствомъ, общія мѣста и разсужденія, весьма разнообразнаго содержанія. Эти общія мѣста находятся въ ближайшей связи съ рѣчью; напрасныхъ отступленій, имѣющихъ цѣлью украсить рѣчь, хотя бы нарушая цѣлостность впечатлѣнія, было бы бесполезно искать въ рѣчахъ А. Θ. Кони.

Силѣ и глубинѣ общихъ мѣстъ, являющихся однимъ изъ могущественныхъ ораторскихъ средствъ, много содѣйствуетъ именно широкое общее образованіе А. Θ. Кони, способность его проникать въ причины дѣйствій, въ общественныя бытвыя условія лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, и пониманіе ихъ характера. Понятно, что такія общія мѣста, мастерски написанныя и продуманныя, составляютъ въ связи съ относящимися къ нимъ обстоятельствами дѣла какъ бы самостоятельный аргументъ, они поддерживаютъ, придаютъ достовѣрность отдѣльнымъ, частнымъ утвержденіямъ, обосновываютъ выводъ. Въ дѣлѣ объ убійствѣ Чихачева нужно было объяснить влеченіе обвиняемой къ убитому, сохраняя достоинство обѣихъ сторонъ. Ораторъ находитъ это объясненіе въ молодости обвиняемой: «Всякій, вспоминая свою молодость, говоритъ онъ, конечно признаетъ, что ничто такъ не заманчиво въ эти годы, какъ сознавать такъ или иначе приносимую пользу, сознавать, что существуешь не даромъ, что кому то помогаешь, кого то облегчаешь... И тотъ, кому приходитъ молодость на помощь, кого она утѣшаетъ, становится для нея особенно дорогъ и ничуть не тягостенъ. Здѣсь легко развивается великодушная дружба, а затѣмъ нерѣдко и другое болѣе сильное чувство... То же произошло и въ настоящемъ случаѣ». (Судебн. рѣчи, стр. 328). Ораторъ пользуется съ особеннымъ успѣхомъ общими мѣстами въ тѣхъ случаяхъ,

когда правдоподобіе какого либо предположенія зависить отъ характера даннаго лица, отъ обычнаго для него поведенія. Въ дѣлѣ Солодовникова ораторъ употребилъ такой пріемъ для приданія достовѣрности своему утвержденію о томъ, что Солодовниковъ, ставшій въ послѣдніе годы жизни крайне скупымъ, не могъ имѣть значительныхъ тратъ и расходовъ, на которые ссылался въ свое оправданіе подсудимый. «Всякій скупецъ страдаетъ своего рода ослѣпленіемъ. Онъ мѣряетъ однимъ масштабомъ и свое золото и свои дни. Ему обыкновенно кажется, что по мѣрѣ того, какъ растетъ это золото, растетъ и количество дней, отсчитанныхъ ему судьбою. То же было и съ Солодовниковымъ. Онъ сберегалъ, оберегалъ и копилъ деньги, отказывалъ себѣ даже въ хорошей пищѣ... Въ его замкнутой жизни и не могло быть никакихъ особенныхъ затратъ. Поэтому его капиталъ не могъ уменьшаться. Это очевидно и не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ». (Судебн. рѣчи, стр. 31). Благодаря общей постановкѣ вопроса о наличности капиталовъ у Солодовникова, всѣ остальные цифровые расчеты только подтверждали правильность этой мысли, съ которой вообще уже можно было согласиться, а вслѣдствіе этого и все обвиненіе стало на безусловно твердую почву.

Общія мѣста, афоризмы и сентенціи придаютъ судебнымъ рѣчамъ А. Э. Кони широкое значеніе. На конкретномъ случаѣ, характеризующемъ отдѣльнаго человѣка и его поступки, рисуются картины общаго содержанія, указываются причины, могущія вызвать столкновеніе гражданина съ велѣніями закона. Въ дѣлѣ Протопопова ораторъ указываетъ, какъ власть, создавая особое положеніе лицамъ, облеченнымъ ею, дѣйствуетъ на нихъ очень различно. «Люди, относящіеся серьезно къ идеѣ власти... обращаются съ нею осторожно, а вызванные на проявленіе ея, — въ благородномъ смущеніи призываютъ себѣ на память не только свои права, но также и свои обязанности и нравственныя задачи. Но бываютъ другіе люди. Обольщенные прежде всего созерцаніемъ себя во всеоружіи отмежеванной имъ власти, — они только о ней и думаютъ... Для нихъ власть обращается въ сладкій напитокъ,

который быстро причиняет вредное для службы опьянение» (За послѣдніе годы, стр. 46). Въ этой же рѣчи можно указать и другія мѣста о соблюденіи начала законности, опредѣляющія надлежащее положеніе власти въ ея отношеніяхъ къ подчиненнымъ. Нѣтъ надобности говорить, что особенно въ русскомъ обществѣ такія напоминанія весьма и весьма полезны. Въ дѣлѣ К. Бѣляева, обвиняя одного изъ подсудимыхъ, не бывшаго, по его мнѣнію, активнымъ участникомъ преступленія, ораторъ указываетъ на обязанность не только избѣгать зла самому, но и противоудѣйствовать его совершенію, насколько это возможно. Попустители преступленія подлежатъ отвѣтственности, потому что «очень часто преступленія не совершились бы, если бы люди честные и могущіе имѣть вліяніе приходили на помощь колеблющимся и удерживали ихъ на опасномъ пути, а не смотрѣли сложа руки, какъ подготавливается нечистое и злое дѣло». (Судбн. рѣчи, стр. 246). Здѣсь такая общая мысль можетъ произвести сильное впечатлѣніе, потому что она поддержана конкретной жизненной обстановкой; результаты несоблюденія извѣстнаго правила представляются осязательно въ дѣяніи, приведемъ виновныхъ на скамью подсудимыхъ.

А. Θ. Кони съ большою умѣренностью прибѣгаетъ въ рѣчахъ къ паѳосу, что, конечно, усиливаетъ значеніе встрѣчающихся въ нужныхъ случаяхъ патетическихъ мѣствъ. Составляются они сообразно съ манерой оратора безъ лишнихъ подчеркиваній, обращеній къ чувству и преувеличеній, въ которыя очень легко впасть въ патетическіе моменты. Не столько измѣненіе въ конструкціи фразъ и употребленіе громкихъ словъ, сколько иное расположеніе картинъ, умѣнье выдвинуть наиболѣе трогательныя черты событія, оставаясь въ то же время на строго фактической почвѣ — вотъ отличительныя свойства патетическаго элемента въ рѣчахъ А. Θ. Кони. Они органически слиты съ другими частями рѣчи, представляются совершенно естественно вытекающими изъ обстоятельствъ дѣла, они не бросаются въ глаза, не кажутся придуманными и приподнятыми. Какъ примѣръ можно привести описаніе смерти Солодовникова: «Горькая судьба его,

постепенно разбивавшая все, чѣмъ онъ думалъ скрасить свою изуродованную жизнь и поселившая на старости мракъ и холодъ въ его когда то доброй и довѣрчивой душѣ, и послѣ его смерти не смягчилась надъ нимъ! Онъ долго пролежалъ въ томъ же положеніи, въ которомъ умеръ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, и лишь когда окончено было опустошеніе, предпринятое вокругъ него, подсудимый перевернулъ его на спину и сложилъ ему застывшія руки крестомъ. Не было надъ нимъ ни слезъ ни горькаго молчанія родной души. Не воцарилась вокругъ него торжественная тишина, таинственно внушаемая смертью». (Суд. рѣчи, стр. 30).

А. Ө. Кони нерѣдко прибѣгаетъ къ патетическому тону и въ обращеніяхъ къ судьямъ, не переходя предѣловъ, сохраненіе которыхъ необходимо для избѣжанія одностороннихъ увлеченій. Въ дѣлѣ о Янсенахъ, желая возбудить симпатію присяжныхъ къ обвиненію, преслѣдующему подсудимыхъ за поддѣлку кредитныхъ билетовъ, ораторъ выясняетъ имъ значеніе преступленія, отъ котораго на первый взглядъ нѣтъ потерпѣвшихъ: «Потерпѣвшимъ лицомъ представляется цѣлое общество, оттого что въ то время, когда обвиняемый сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, въ разныхъ мѣстахъ, можетъ быть, плачутся бѣдняки, у которыхъ послѣдній кусокъ хлѣба отнять фальшивыми бумажками. Этихъ потерпѣвшихъ бываетъ много, очень много. Во имя этихъ многихъ, во имя тѣхъ, которые не знаютъ даже, кто ихъ обидѣлъ и отнял ихъ трудовыя крохи вы, гг. присяжные засѣдатели, должны приложить къ дѣлу особое вниманіе и — если нужно — то и особую строгость». (Суд. рѣчи, стр. 91).

Юморъ и иронія играютъ весьма важную роль въ рѣчахъ А. Ө. Кони. Мнѣ уже приходилось говорить о значеніи комическаго элемента въ рѣчи, о границахъ, въ которыхъ пользованіе имъ представляется допустимымъ и полезнымъ для оратора (сравни Рѣчи сторонъ въ уголовномъ процессѣ, стр. 25 — 28); приходилось указывать также на опасность увлеченій въ этомъ отношеніи, на упреки, которыя дѣлаются одному изъ величайшихъ ораторовъ — Цицерону (см. Очерки по исторіи краснорѣчія, Цицеронъ). Въ отношеніи къ юмору

рѣчи русскихъ судебныхъ ораторовъ вообще ближе подходятъ къ рѣчамъ римскихъ ораторовъ, чѣмъ греческихъ. Само по себѣ пользованіе имъ не можетъ вызвать порицанія, опасны только крайности, этихъ крайностей А. О. Кони умѣло избѣгаетъ; единственно, что можно сказать о комическомъ элементѣ въ его рѣчахъ, это, что онъ не упускаетъ случая прибѣгнуть къ нему, хотя бы безъ этого и можно было, по всей вѣроятности, обойтись. Въ этомъ отношеніи рѣчи А. О. Кони напоминаютъ въ извѣстной мѣрѣ рѣчи Цицерона. Сходство также простирается и на содержаніе юмора и ироніи. А. О. Кони, какъ и великій римскій ораторъ, прибѣгаетъ къ юмору и ироніи не съ цѣлью непременно оскорбить или унижить противника. Это не горькая иронія безпощаднаго врага, это — иронія спокойнаго наблюдателя, человѣка хорошо знающаго людей и ихъ слабости, умѣющаго выставить ихъ и характеризовать мѣткимъ словомъ, сознающаго свое умѣнье и силы и знающаго, что это производитъ желаемое впечатлѣніе на аудиторію.

Мнѣ кажется, что это стремленіе къ возбужденію веселаго настроенія аудиторіи, вполне естественно въ русскомъ ораторѣ: наши рѣчи въ собраніяхъ и на каедрѣ не отличаются оживленностью. Это значеніе юмора, вѣроятно, и побуждаетъ ораторовъ къ частому пользованію имъ, можетъ быть и не вполне умѣстному съ точки зрѣнія теоріи, но оправдываемому практическими соображеніями и обстоятельствами мѣста и времени. И А. О. Кони, какъ сказано выше, типичный представитель русскаго краснорѣчія, пользуется юморомъ, хотя все же умѣреннѣе, чѣмъ многіе другіе судебные ораторы. Въ тѣхъ рѣчахъ, которые особенно обильны юморомъ (рѣчи по дѣлу о лжеприсягѣ въ бракоразводномъ дѣлѣ супруговъ З — ихъ. Судеб. рѣчи, стр. 65), ораторъ располагалъ вполне солидными данными, противъ которыхъ были лишь не выдерживающія критики жалкія объясненія подсудимыхъ. Это выигрышное положеніе и дозволило оратору вести аргументацію въ шутиломъ тонѣ.

Содержаніе комическимъ мѣстамъ въ рѣчахъ А. О. Кони даютъ какъ обстоятельства дѣла, такъ и личность подсуди-

мыхъ, ихъ промахи въ объясненіяхъ, неосмотрительныя попытки опровергнуть обвиненіе. Напр. Сусленниковъ, обвиняемый въ похищеніи имущества Солодникова, объясняя, что послѣдній очень любилъ его и считалъ другомъ, какъ причину этой любви и дружбы приводилъ, что у него руки «мягкія, удобныя для растиранія», эти «мягкія» руки обратили на себя вниманіе обвинителя и послужили для ядовитой насмѣшки надъ подсудимымъ въ двухъ мѣстахъ рѣчи. Въ упомянутомъ дѣлѣ о лжеприсягѣ обвинитель такъ опровергаетъ заявленіе лжесвидѣтелей, что они «люди со средствами»: «Я сомнѣваюсь въ этомъ, потому что социальное положеніе ихъ достаточно извѣстно. Г. Залевскій, не кончившій курсъ технологъ, занимающійся приготовленіемъ къ окончанію курса, а другой, г. Гроховскій, играетъ въ разныхъ мѣстахъ на фортепіано — тоже профессія, не дающая особыхъ средствъ къ жизни.» (Суд. рѣчи, стр. 72). Иронія же служить для дискредитированія достовѣрности показаній того или другого свидѣтеля сомнительныхъ качествъ; въ только что названной рѣчи ораторъ уничтожаетъ свидѣтелей, выставленныхъ защитой: «Мнѣ жаль, что подсудимые оторвали отъ занятій этого канцелярскаго чиновника, получающаго 23 руб. въ мѣсяць и ходящаго слушать Патти въ «Мариновскій театръ», гдѣ онъ платитъ за кресло 2-го ряда «когда рубль, а когда и 2... Онъ обладаетъ удивительнымъ свойствомъ дальнозоркости и для него до такой степени не существуетъ непроницаемости, что изъ второго ряда кресель Маринскаго театра онъ видитъ, кто сидитъ во второмъ ярусѣ Большаго театра.» (Суд. рѣчи, стр. 76). Въ дѣлѣ Протопопова возникло разногласіе о томъ, ударилъ ли подсудимый палкою одного крестьянина или только грозилъ ему, причемъ подсудимый утверждалъ, что онъ только «жестикулировалъ» палкою. А. О. Кони и воспользовался этими словами: «по собственнымъ словамъ Протопопова, замѣчаетъ ораторъ, онъ Варвуля «не ударилъ, а только «жестикулировалъ» ею.» Эта «жестикуляція» не безъ основанія могла быть принята... за удары, одинъ изъ которыхъ и былъ дѣйствительно полученъ Варвулемъ». (За послѣдніе годы, стр. 48).

Особенно сильно и эффектно выходит у А. Θ. Кони нападение на личность участвующаго въ процессѣ путемъ кажущагося совершенно серьезнымъ сопоставленія его словъ о себѣ съ его дѣйствіями. Насмѣшка прикрывается обыкновеннымъ тономъ повѣствователя. Такова характеристика героя процесса о подлогѣ акцій Тамбово-Козловской жел. дороги, Колосова, старавшагося выставить себя добродѣтельнымъ человекомъ, щедрымъ благотворителемъ, а въ дѣйствительности содержавшаго кассу ссудъ, въ которой взымались не малые проценты, и имѣвшаго на душѣ еще много другихъ очень сомнительныхъ проступковъ: «Извѣстны и его (Колосова) любовь къ человѣчеству и щедрость. Не даромъ же онъ былъ обвиненъ... въ неподаніи медицинской помощи заведенному человеку. И, конечно, явное указаніе на его щедрость содержится въ томъ, что онъ записываетъ въ дневникъ «на память» о всякомъ не сдѣланномъ любимую дѣвушкою куклѣ, прибавляя, «а деньги заплачены»... Въ благотворительныхъ учрежденіяхъ Колосова прошли первые годы юности Ярошевича. Здѣсь онъ привыкъ видѣть бѣдность лицомъ къ лицу и привыкъ сочувствовать этой бѣдности посредствомъ выдачи ссудъ за большіе проценты». (Суд. рѣчи, стр. 270 — 271). Это мѣсто, убійственное для подсудимаго, сохраняетъ тѣмъ не менѣе по внѣшности видъ спокойнаго изложенія, непосредственныхъ нападокъ, направленныхъ на подсудимаго нѣтъ.

Часто А. Θ. Кони пользуется юморомъ, чтобы подчеркнуть слабость аргументаціи противника, мимоходомъ уничтожить ея значеніе. Извѣстно, какое значеніе имѣетъ для подсудимыхъ состояніе аффекта или даже болѣзненной запальчивости, развившейся на почвѣ нѣкоторой ненормальности субъекта, защитники очень часто стараются поэтому выставить своего кліента болѣзненно-нервнымъ человекомъ, но не всѣ выбираютъ для этого удачныя основанія. Въ дѣлѣ Рыжова, убитаго его шуриномъ въ запальчивости, именно и была сдѣлана такая попытка. А. Θ. Кони, останавливаясь на ней и замѣчаетъ: «Вы слышали показаніе М. о томъ, что у Шляхтина были первые припадки и что онъ объ этомъ

знаеть преимущественно отъ Д. Д. же заявилъ поэтому поводу, что онъ знаетъ о нервномъ состояніи Шляхтина, во первыхъ и главнымъ образомъ, отъ М., а, во вторыхъ, потому, что однажды видѣлъ самъ, какъ у Шляхтина тряслись ноги.» (Суд. рѣчи, стр. 133).

Матеріаль для ироніи А. Θ. Кони даютъ также вообще всякія несообразности и мелочи процесса, оставленныя бы безъ вниманія другимъ, но здѣсь служація для отгѣненія какихъ либо обстоятельствъ дѣла или просто для оживленія рѣчи. Ораторъ не упускаетъ случая воспользоваться и юмористическими сопоставленіями отдѣльныхъ словъ, игрой ихъ: «Что 10 рублей были даны подтверждаетъ и сама Маркелова, которая говорить, что отдала *долгъ*. Это подтвердилъ и Маркеловъ который сказалъ, что эти деньги сестра дала *въ долгъ*». (Суд. рѣчи стр. 80).

Въ рѣчи по дѣлу кн. Мещерскаго, ораторъ, останавливаясь на дѣятельности обвинителя, говорить: «Быть можетъ на далекой окраинѣ трудно было и требовать большаго и, если у насъ судъ обязанъ творить «милость и правду,» то въ данномъ случаѣ оказалось возможнымъ... взять изъ этой формулы лишь *милость*, предоставивъ Таранчамъ искать *правду* въ какомъ либо другомъ дѣлѣ или мѣстѣ». (За посл. годы стр. 14). Въ этой же рѣчи А. Θ. Кони вводитъ небольшой юмористическій эпизодъ (что встрѣчается въ его рѣчахъ по исключенію), передавая «приводимое жалобщикомъ доказательство наглости Карпова, состоящее въ томъ, что при разбирательствѣ у мирового судьи, Карповъ, почему то именовавшій себя писателемъ, на вопросъ противной стороны «какія же его произведенія?» указывая на находившагося тутъ же въ камерѣ своего сына, воскликнулъ: «Вотъ мое лучшее произведеніе!» (За посл. годы, стр. 21).

Во время судебного засѣданія при значительной горячности спора легко можетъ возникнуть личное, слишкомъ партійное отношеніе оратора къ дѣлу, можетъ явиться желаніе отстаивать свои положенія несмотря на ихъ слабость, «сдѣлать смѣшнымъ противника въ дѣлѣ пустомъ, справедливо замѣчаетъ А. Θ. Кони, сдѣлать его подозрительнымъ въ дѣлѣ

серьезномъ—это старая и жалкая, но къ сожалѣнію довольно вѣрная и испытанная уловка.» (Суд. рѣчи, стр. 401). Рѣчи А. Θ. Кони чужды подобнаго увлеченія: «Представители обвинительной власти... говорить онъ, не заинтересованы лично въ томъ или другомъ исходѣ дѣла и поэтому... могутъ содѣйствовать обвиняемому въ собираніи средствъ къ своему оправданію» (Суд. рѣчи, стр. 400), поэтому А. Θ. Кони поддерживаетъ только тѣ части обвиненія, которыя кажутся ему правильными, требуетъ отъ судей лишь необходимаго, отмѣчаетъ тѣ случаи, когда подсудимый заслуживаетъ снисхожденія или милосердія, такъ напр. въ дѣлѣ кн. Мещерскаго, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, онъ отказался отъ важнаго обвиненія, признавъ его несостоятельнымъ; въ дѣлѣ Штрамъ указалъ на необходимость снисхожденія къ подсудимой, укрывавшей изъ материнской любви сына-убійцу. На эту корректность отношенія къ участвующимъ въ процессѣ основательно указалъ и К. К. Арсеньевъ, какъ на чрезвычайно симпатичную черту рѣчей лучшихъ русскихъ судебныхъ ораторовъ, для которыхъ на первомъ планѣ стоитъ дѣло, отысканіе истины, а не желаніе личной побѣды или удовлетвореніе собственнаго самолюбія.

Личность подсудимаго затрогивается въ рѣчахъ А. Θ. Кони въ нѣкоторыхъ случаяхъ глубоко, въ самыхъ интимныхъ чертахъ, но лишь настолько это необходимо для дѣла. Тѣ же черты мы видимъ и въ кассационныхъ заключеніяхъ, въ которыхъ А. Θ. Кони остается хранителемъ лучшихъ традицій судебныхъ установленій. Въ подтвержденіе этого можно привести заключеніе по Мультианскому дѣлу, гдѣ неосмотрительныя слова въ объясненіи суда о прессѣ и защитѣ вызвали справедливое напоминаніе оберъ-прокурора о томъ, что судъ не долженъ входить въ область личныхъ споровъ и предположеній, и признаніе подобныхъ приемовъ несоотвѣтствующими достоинству суда и высотѣ кассационной инстанціи, не имѣющей права руководствоваться какими бы то ни было посторонними соображеніями. (За послѣдніе годы, стр. 255).

3.

15065

Вступленія въ рѣчахъ А. Ѳ. Кони всегда составляютъ согласно съ требованіями даннаго случая, между ними бываетъ извѣстное сходство, вызванное сходствомъ плана обвиненія, но никогда не бываетъ однообразія. Обычной темой вступленія является краткое предварительное изложеніе обстоятельствъ дѣла, напр.: «Г.г. судьи, г.г. присяжные засѣдатели! Около мѣсяца тому назадъ въ Спасской улицѣ въ домѣ Дмитревскаго произошло большое несчастіе. Семейство, единственною поддержкою котораго былъ А. И. Рыжовъ, состоявшее изъ жены и 4 дѣтей, внезапно и неожиданно осиротѣло: глава этого семейства былъ лишень жизни. Онъ лишился жизни не окруженный попеченіями и участіемъ родныхъ, не благословляя своихъ дѣтей, а сопровождаемый ихъ отчаянными криками и падая отъ руки близкаго и обязаннаго ему человѣка. Этотъ близкій и обязанный ему человѣкъ теперь передъ вами»... (Суд. рѣчи, стр. 121). Здѣсь намѣчается путь обвиненія, описываются событія съ точки зрѣнія обвинителя, указывается, что убійца обязанный человѣкъ, что онъ лишилъ опоры многочисленную семью, что преступленіе произошло неожиданно, такимъ образомъ передъ присяжными набросанъ уже общій контуръ картины, что даетъ имъ возможность лучше уяснить и оцѣнить детали. Вступленія такого же рода составлены и въ другихъ дѣлахъ, напр. въ дѣлѣ Солодовникова, іеромонаха Иларіона (Суд. рѣчи, стр. 25, 300).

Нерѣдко предметомъ вступленія А. Ѳ. Кони избираетъ выдающіяся особенности преступленія, такъ въ дѣлѣ кн. Щербатовой онъ указываетъ отличительные признаки подлога, способы его раскрытія, въ дѣлѣ о лжеприсягѣ въ бракоразводномъ дѣлѣ, — что это преступленіе трудно уловимо, что въ самомъ появленіи его на судѣ заключается «нѣкоторая предварительная побѣда правосудія», что особый характеръ свидѣтелей въ такихъ дѣлахъ дѣлаетъ труднымъ распознаніе истины. Въ дѣлѣ Штрама онъ указываетъ, что полное сознаніе

преступника—главная особенность этого дѣла, создаетъ лишь кажущееся облегченіе при его разрѣшеніи (Суд. рѣчи, стр. 45, 68 и 162). Если опредѣленіе преступленія заключаетъ въ себѣ техническія трудности, ораторъ разбираетъ и устанавливаетъ это во вступленіи; такъ въ дѣлѣ штабъ-ротмистра Колемина, обвинявшагося въ содержаніи игорнаго дома, обвинитель началъ рѣчь съ выясненія двухъ основныхъ вопросовъ о запрещенности игры и о признакахъ игорнаго дома, позволяющихъ поддерживать обвиненіе (Суд. рѣчи, стр. 462). Въ случаяхъ (напр. въ кассационныхъ заключеніяхъ), когда вся рѣчь почти сводится къ аргументаціи, А. Θ. Кони представляетъ во вступленіи основное положеніе, на которое будутъ опираться доказательства. Такъ въ заключеніи по дѣлу Кейкубатъ Мирзы во вступленіи выясняется сущность оцѣнки доказательствъ новыми судами, необходимость рассмотрѣнія ихъ чтобы придти къ внутреннему убѣжденію: «Судебные уставы требовали, чтобы весь матеріалъ дѣла прошелъ передъ глазами судей и былъ предметомъ провѣрки сторонъ; они не стѣсняли судей въ выборѣ доказательствъ старой формальной теоріей, но требовали однако оцѣнки... и провѣрки строго установленнымъ въ законѣ способомъ.» (За послѣдніе годы, стр. 239); отступленіе отъ этого правила и составляло предметъ кассационнаго обсужденія.

Слѣдую лучшимъ примѣрамъ судебного краснорѣчія, А. Θ. Кони начинаетъ рѣчи, по нѣкоторымъ дѣламъ, въ которыхъ необходимо напряженное вниманіе присяжныхъ въ виду предстоящей оцѣнки сложныхъ и запутанныхъ обстоятельствъ, съ указанія на выдающійся интересъ и сложность дѣла: «Вамъ предстоитъ, говорить онъ, обвиняя въ поддѣлкѣ акцій, высказаться по дѣлу весьма сложному и во многихъ отношеніяхъ весьма интересному. Оно интересно по свойству преступленія, по обстановкѣ, при которой оно совершено и по личностямъ самихъ подсудимыхъ.» (Суд. рѣчи, стр. 264). Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ приходится считаться съ чрезмѣрнымъ матеріаломъ, полное возстановленіе котораго было бы излишне и утомительно, А. Θ. Кони указываетъ уже во вступленіи, какого пути онъ будетъ держаться, преду-

преждаеть недоразумѣніе, которое могло бы вызвать упущеніе неважныхъ подробностей дѣла: «Позднее время въ которое начинаются судебныя пренія, утомительное судебное засѣданіе и, наконецъ, то вниманіе, съ которымъ вы слушали настоящее дѣло обязываютъ меня и даютъ мнѣ возможность быть краткимъ... я не буду касаться многихъ побочныхъ обстоятельствъ и мелочей, полагая, что они всѣ оставили въ васъ надлежащее впечатлѣніе, которое, конечно, повліяеть и на ваше утверженіе.» (Суд. рѣчи, стр. 89). Если обвинителю приходится быть въ невыгодномъ положеніи, распутываться въ массѣ затрудненій и препятствій (что разумѣется налагаетъ отпечатокъ и на судебныя пренія, ослабляетъ силы оратора), то А. Θ. Кони обращаетъ вниманіе судей на эти обстоятельства заранѣе, подготавливая ихъ къ надлежащему отношенію къ рѣчи. Таково вступленіе по дѣлу о подлогѣ завѣщанія Бѣляева, въ которомъ обвиненіе дважды въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ потерпѣло пораженіе. Во вступленіи этой рѣчи ораторъ останавливается на затрудненіяхъ, встрѣченныхъ обвиненіемъ, обращаетъ вниманіе на долгое время, протекшее со дня совершенія преступленія до суда, отсутствіе непосредственно потерпѣвшаго. «Тутъ соединилось все, говорить ораторъ, и давность совершенія преступленія и неумѣлость мелкихъ ходатаевъ... и, наконецъ, самое главное непреодолимое препятствіе — смерть, которая въ теченіе 10 лѣтъ, прошедшихъ до начала слѣдствія, похитила послѣдовательно цѣлый рядъ весьма важныхъ свидѣтелей.» (Суд. рѣчи, стр. 196).

Разсмотрѣнными положеніями приблизительно исчерпывается содержаніе вступленій въ рѣчахъ А. Θ. Кони, отступленія дѣлаются рѣдко, такъ въ дѣлѣ Чихачева во вступленіи уже упоминается о приговорѣ присяжныхъ, который долженъ указать, возможно ли «безнаказанно распорядиться чужою жизнью подъ вліяніемъ гнѣва и ненависти, и можетъ ли каждый самъ дѣлаться судьей въ своемъ дѣлѣ и приводить въ исполненіе свои, выработанные страстью и озлобленіемъ, приговоры.» (Суд. рѣчи, стр. 325). По поводу этого вступленія можно замѣтить, что указаніе на приговоръ во

вступленіи, какъ бы свидѣтельствуеть объ извѣстной настойчивости обвинителя, подчеркивающаго, что присяжные должны разрѣшить вопросъ о правѣ безнаказанно располагать чужой жизнью, едва ли можетъ считаться правильнымъ; обыкновенно такія указанія на значеніе приговора и у А. Θ Кони встрѣчаются въ концѣ рѣчи, въ заключеніи.

Разсмотрѣніе вступленій въ рѣчахъ А. Θ. Кони и основныхъ мотивовъ ихъ содержанія позволяетъ сдѣлать выводъ, что въ началѣ рѣчи ораторъ тщательно сообразуется съ обстоятельствами дѣла и вводитъ судей въ наиболѣе существенные моменты дѣла, во вступленіи же выдѣляются обыкновенно и предварительные вопросы, разрѣшеніе которыхъ не связано непосредственно съ преступленіемъ или преступникомъ. Вообще вступленія въ рѣчахъ А. Θ. Кони чужды всякихъ лишнихъ украшеній, не идущихъ къ дѣлу фразъ и соображеній, написаны за немногими исключеніями въ простомъ, лишенномъ пафоса тонѣ.

Ясный, точный слогъ А. Θ. Кони, основательное изученіе дѣла и умѣніе высказывать вполне понятно свои мысли и соображенія дѣлаютъ изложеніе въ его рѣчахъ образцовымъ. Въ передачѣ А. Θ. Кони событія разворачиваются въ такой простой и въ то же время правдоподобной картинѣ, что трудно не согласиться съ толкованіемъ оратора, столь умѣло разбирающагося въ самыхъ незамѣтныхъ подробностяхъ и возсоздающаго изъ нихъ цѣлостное представленіе о событіи, о томъ, какъ оно происходило, независимо отъ окраски, сознательно или безсознательно придаваемой ему заинтересованными лицами. Примѣры такихъ изложеній, тѣсно связанныхъ съ доказательствами можно найти въ каждой рѣчи. Я приведу только одно небольшое описаніе убійства старика Штрамъ: «Старикъ Штрамъ былъ убитъ утромъ, когда лежалъ еще въ постели. А. Штрамъ ушла на рынокъ, а мать оставалась дома и стояла у окна; подсудимый взялъ топоръ и нанесъ удары по головѣ дядѣ; услыша предсмертные стоны, увидя кровь, Ел. Штрамъ лишилась сознанія. Дядя вскорѣ умеръ, а она понемногу пришла въ чувство. Она видитъ, что сынъ возится съ трупомъ, а кругомъ все такъ и вошеть

о совершенномъ дѣлѣ. И вотъ она начинаетъ затирать слѣды, помогаетъ стаскивать наволочку съ тюфяка и сжигаетъ то, что въ ней находилось.» (Суд. рѣчи, стр. 172).

Что особенно привлекаетъ вниманіе А. Θ. Кони въ изложеніяхъ это характеристики и выясненіе мотивовъ, руководившихъ совершителями преступленій; психологическому анализу почти въ каждомъ дѣлѣ, гдѣ только представляется для этого возможность, удѣляется львиная доля вниманія оратора. Этотъ анализъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ заслоняетъ прочій матеріалъ, на немъ ораторъ сосредоточиваетъ вниманіе судей. А. Θ. Кони упрекаютъ за увлеченіе этой стороной дѣла, преобладающее изученіе личности потерпѣвшихъ и виновныхъ, но его оправдываетъ значеніе личности подсудимыхъ для суда и опредѣленія отвѣтственности, тѣсная связь дѣятели съ дѣяніемъ, заставляющая для объясненія послѣдняго прежде всего разобрать характеръ и привычки перваго; второе соображеніе въ пользу оратора это то, что характеристики составляютъ не малое украшеніе его рѣчи, придаютъ ей глубокій интересъ, возсоздаютъ портреты дѣйствующихъ лицъ со всѣми ихъ крупными и мелкими, хорошими и дурными чертами, и это знаніе человѣческаго сердца, способность заглянуть прямо въ душу, увидѣть всѣ ея тайные изгибы придаютъ силу и связь иногда совершенно разрозненнымъ неяснымъ фактическимъ даннымъ, подкрѣпляютъ доказательства, почерпнутыя изъ обстоятельствъ дѣла, не лежащихъ въ личности виновныхъ. Ораторъ не дозволяетъ судьямъ оставаться въ невѣдѣніи относительно того, съ какимъ человѣкомъ имъ приходится имѣть дѣло: «Вамъ предстоитъ рѣшить что за личность Колосовъ: есть ли это, дѣйствительно, горячій патріотъ... человѣкъ чрезвычайно добрый и благотворительный, вытаскивающій на свой счетъ и страхъ изъ грязи людей... или это простой, обыкновенный смертный, очень желчный, весьма недобросовѣстный. Обвиненіе полагаетъ, что это человѣкъ второго рода, а не перваго.» (Суд. рѣчи, стр. 267).

Характеристики въ рѣчахъ А. Θ. Кони очень многочисленны, я остановлюсь для примѣра на дѣлѣ Рыжова, въ ко-

торомъ ораторъ возстановляетъ личность потерпѣвшаго и убійцы. Защита пробовала представить потерпѣвшаго не такимъ хорошимъ человѣкомъ, какимъ считаль его обвинитель. А. О. Кони, не оставляя обычной сдержанности, исправляетъ неточности, допущенныя противникомъ, замѣчая, что если взглядѣться поближе въ портретъ, нарисованный защитой, то грязные и мутныя краски сотрутся и исчезнутъ. Опровергнувъ упреки, дѣлаемые убитому въ пристрастіи къ женщинамъ и въ желаніи получить командировки, ораторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «мы находимъ въ Рыжовѣ человѣка глубоко честнаго и справедливаго, строгаго какъ къ самому себѣ, такъ и къ другимъ... любящаго правду, вмѣшивающагося за нее въ чужія дѣла, иногда съ самопожертвованіемъ, доходящимъ даже до неблагоразумія... Это неблагоразуміе есть великое качество въ нашъ черствый себялюбивый вѣкъ... И вотъ этотъ человѣкъ, вспыльчивый по характеру, я не стану этого отрицать, настойчивый въ своихъ мнѣніяхъ, упорный въ привязанностяхъ, въ то же время живо принимающій къ сердцу всякія измѣненія въ людяхъ, которымъ вѣрилъ, прямо и рѣзко говорящій всѣмъ правду... Этотъ человѣкъ остается такимъ же и послѣ показанія всѣхъ остальныхъ свидѣтелей.» Рядомъ съ этимъ портретомъ рисуется другой — убійцы Шляхтина «не имѣющаго опредѣленнаго общественнаго положенія, но уже обзаведшагося семействомъ, нервнаго, болѣзненнаго, до крайности самолюбиваго, становящагося не только въ близкія отношенія къ Рыжову, но и въ зависимость отъ него; столкновеніемъ двухъ этихъ лицъ при такихъ условіяхъ вполнѣ естественно объясняется происшедшая катастрофа — убійство Шляхтинымъ человѣка, тяготившаго его своимъ превосходствомъ, позволявшаго себѣ указывать на неблаговидность его поступковъ въ оскорбительной формѣ. Ораторъ мастерски разрабатываетъ постепенное наростаніе причинъ и настроеній Шляхтина, подготовившихъ почву для преступленія: «люди вмѣшиваются въ его дѣла, мѣшаютъ ему; онъ завелъ связь, которая ему пріятна и льститъ его самолюбію, общается ему можетъ быть нѣсколько мѣсяцевъ, недѣль удовольствія, и вдругъ въ это при-

зрачное временное счастье вливается ядъ попрековъ, указаний на долгъ, препятствій!» Къ этому присоединяются и причины, лежавшія въ характерѣ Шляхтина, котораго каждая мелочь, косою взглядъ, вскользь высказанное мнѣніе оскорбляли и раздражали, становили на дыбы всю его гордость. Шляхтинъ принадлежалъ къ числу не чувствующихъ своего достоинства «настолько глубоко, чтобы сознавать, что повредить ему вздорнымъ словомъ, минутной вспышкой нельзя.» (Суд. рѣчи, стр. 126 и слѣд.). Этотъ психологическій анализъ служитъ непоколебимымъ базисомъ обвиненія, на которое устанавливаются доказательства и раскрывается само событіе, дѣлая невозможнымъ и бесполезнымъ попытки отстоять и извинить подсудимаго благоприятнымъ истолкованіемъ въ его пользу второстепенныхъ обстоятельствъ дѣла или его нервности.

Какъ въ характеристикахъ, такъ и въ изображеніи развитія страстей и преступныхъ вождельній у А. Θ. Кони есть одна черта, которую нельзя обойти молчаніемъ, это человѣчность оратора, рисующаго все безъ преувеличеній, безъ желанія уничтожить во что бы то ни стало подсудимаго. Въ дѣлѣ Штрама, молодой убійца съ усмѣшкой выслушивалъ старика, бывшего его хозяина, говорившаго о немъ хорошо; *прокуроръ* могъ бы увидѣть въ этомъ особую зачерствѣлость и испорченность, иначе отнесся къ этому А. Θ. Кони: «эта усмѣшка, сказалъ онъ, наслѣдіе грязнаго кружка, гдѣ вращался подсудимый, но не выраженіе его душевнаго настроенія.» (Суд. рѣчи, стр. 170). Рядомъ съ этимъ идетъ отсутствіе чрезмѣрной идеализаціи — люди, чувствуетъ къ нимъ ораторъ расположеніе или нѣтъ, остаются живыми людьми съ ихъ достоинствами и недостатками.

Доказательства въ рѣчахъ А. Θ. Кони составляютъ столь же сильное оружіе оратора, какъ и другіе отдѣлы рѣчи. Первое, что обращаетъ на себя вниманіе это ихъ систематическое, строго цѣлесообразное распредѣленіе. Если въ дѣлѣ существуетъ много доказательствъ, противорѣчащихъ взгляду оратора на дѣло, то онъ прежде всего направляетъ свои удары на опроверженіе ихъ, на выясненіе ихъ шаткости и недо-

стовѣрности, и устанавливаетъ такимъ образомъ невѣроятность другихъ предположеній по дѣлу, выдвигаетъ свое мнѣнiе, которое и поддерживаетъ послѣдовательно и спокойно, не скрывая слабыхъ мѣстъ своей аргументаціи; эта искренность и объективность оратора, конечно, еще болѣе укрѣпляетъ его позицію. (Сравн. дѣло кн. Щербатовой. Суд. рѣчи, стр. 55, 77 и др.). Увѣренность въ правильности своихъ соображеній даетъ возможность оратору твердо стоять на своемъ, добиваться истины всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами. Въ дѣлѣ Северина подсудимый отрицалъ, что онъ когда либо носилъ на правой рукѣ тяжелое кольцо, которымъ были нанесены удары; и оно дѣйствительно не входило на палець, не смотря на «видимыя усилія подсудимаго,» обвинитель настоялъ на томъ, чтобы кольцо было надѣто экспертомъ, и оно не только легко надѣлось на нужный палець, но даже на пальцѣ оказались полоски отъ долговременнаго ношенія кольца. Понятно, такой способъ защиты сильно дискредитировалъ обвиняемаго, и А. Θ. Кони блестяще отстоялъ справедливость своихъ утвержденій. (Суд. рѣчи, стр. 405). Строго относясь къ своимъ доказательствамъ, А. Θ. Кони не дозволяетъ и противникамъ загромождать дѣло не относящимися къ нему данными и соображеніями. Въ цитированномъ уже процессѣ для доказательства хорошаго характера обвиняемаго защита выставила свидѣтелей, показывавшихъ, что подсудимый хорошо обращается со своей женой, ораторъ указалъ на несостоятельность такого приѣма, замѣтивъ, что подсудимый не обвиняется въ отсутствіи семейныхъ добродѣтелей, а въ дурномъ обращеніи съ извозчикомъ. (Суд. рѣчи, стр. 406).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ находятся сравнительно слабыя доказательства, напр. однѣ улики, ораторъ, предупреждая указанія противника на сомнительность поддерживаемыхъ имъ доводовъ, самъ выясняетъ это обстоятельство и ставитъ вполне точно и опредѣленно свое отношеніе къ доказательствамъ; такъ въ дѣлѣ Бѣлова онъ указываетъ на обычное отсутствіе при отравленіи прямыхъ доказательствъ, на неисполнимость требованія, чтобы обви-

неніе представило безукоризненныя, ясныя, несомнѣнныя данныя: «если бы пришлось судить только тѣхъ убійць, которыхъ застали съ ножомъ надъ жертвою или тѣхъ отравителей, въ рукахъ которыхъ захватили остатки только что данной ими кому либо отравы, то большая часть виновниковъ подобныхъ преступленій осталась бы безъ законнаго возмездія». (Суд. рѣчи, стр. 443). Въ напутствіи по дѣлу Жюжанъ, касаясь вопроса о доказательствахъ отравленія, о необходимости прибѣгать къ гипотезамъ, онъ говоритъ, что «если житейскій опытъ, если обстоятельства дѣла говорятъ, что это предположеніе самое правильное, что естественно и неуклонно вытекаетъ изъ свѣдѣній о личности обвиняемаго, объ его отношеніяхъ къ отравленному, объ его дѣйствіяхъ, то смычка между личностью обвиняемаго и найденнымъ ядомъ существуетъ, и обвиненіе тѣмъ болѣе доказано, чѣмъ прочнѣе эта смычка.» (Суд. рѣчи, стр. 504).

Если обстоятельства допускаютъ возможность нѣсколькихъ предположеній, взаимно исключающихъ другъ друга (напр. самоубійство, естественная смерть, убійство), и обвиненіе должно доказать достовѣрность именно своей гипотезы, А. Θ. Кони искусно подвергаетъ тщательной провѣркѣ доказательства, чтобы поддержать свой выводъ. Съ большимъ успѣхомъ также А. Θ. Кони опровергаетъ неудачные и рискованные аргументы противника, допуская въ такихъ случаяхъ всевозможные выводы изъ представленныхъ имъ доказательствъ. «Если мы повѣримъ, говоритъ онъ, въ рѣчи по дѣлу Солодовникова, трогательной картинѣ, изображающей умирающаго отъ водяной въ груди и въ ногахъ, стоящимъ на колѣняхъ, то тѣмъ самымъ признаемъ, что онъ считалъ 10.000 руб. ушедшими на окончаніе дѣла, а не въ карманъ Сусленникова, т. е. что онъ былъ обманутъ. А если не повѣримъ.. то въ интересахъ самого подсудимаго лучше всего это доказательство довѣрія оставить безъ рассмотрѣнія.» (Суд. рѣчи, стр. 33).

Не стараясь напрасно придавать своимъ доказательствамъ большаго значенія, чѣмъ они могутъ имѣть, А. Θ. Кони все-таки умѣетъ и старается воспользоваться тѣмъ, что есть пригоднаго въ сомнительныхъ доказательствахъ, если отъ нихъ

при критическомъ разборѣ, по его выраженію «остается основная масса, тотъ камень, фундаментъ, на которомъ живутъ эти ненужныя, неправильныя подробности». (Суд. рѣчи, стр. 8). У А. Θ. Кони незамѣтно излишней горячности въ отношеніи къ доказательствамъ противной стороны, стремленія подорвать къ нимъ довѣріе или выставить въ возможно худшемъ свѣтѣ. Въ дѣлѣ о подлогѣ завѣщанія Сѣдкова ораторъ такъ говоритъ объ одномъ свидѣтелѣ защиты: «обвиненіе питаетъ столь глубокое и искреннее уваженіе къ этому свидѣтелю, что вполне и безусловно повѣрило бы ему, если бы онъ явился сюда заявить, что Лысенковъ не сдѣлалъ подлога. Но г. Погребовъ этого сдѣлать не можетъ.» (Суд. рѣчи, стр. 377). Оцѣнивая въ дѣлѣ Бѣлова показанія проф. Гвоздева, вызваннаго экспертомъ, который безъ достаточныхъ основаній далъ отзывъ, въ корнѣ разрушающій обвиненіе (Суд. рѣчи, стр. 428 и слѣд.), А. Θ. Кони, не выходя изъ предѣловъ объективной научной критики и не нарушая внѣшняго уваженія къ противнику, отстаивалъ свое мнѣніе и заключенія другихъ экспертовъ.

Заключеніе съ теоретической точки зрѣнія является въ рѣчахъ весьма важнымъ моментомъ, оно можетъ поддержать впечатлѣніе, достигнутое въ предшествовавшихъ отдѣлахъ, можетъ значительно уменьшить и ослабить; послѣднія слова, всегда невольно запоминаются и привлекаютъ къ себѣ вниманіе, поэтому всѣ ораторы стараются возможно лучше закончить свою рѣчь. У посредственныхъ ораторовъ, желающихъ произвести впечатлѣніе, эти усилія бываютъ даже очень замѣтны; они усердно оберегаютъ къ концу какую нибудь фразу, кажущуюся имъ особенно сильной и патетической, и произносятъ ее со всѣмъ увлеченіемъ и напряженіемъ голоса, на какое только способны.

Въ заключеніяхъ А. Θ. Кони также видно сознаніе важности этого рѣшительнаго момента рѣчи и стремленіе извлечь изъ него возможные выгоды. Ораторъ умѣло приспосабливаетъ ихъ къ характеру даннаго дѣла, органически связываетъ ихъ со всѣмъ предыдущимъ и, такимъ образомъ, дѣлаетъ изъ всѣхъ отдѣловъ рѣчи одно стройное и гармоничное цѣлое. Содер-

жаніе заключеній у А. Θ. Кони не можетъ быть сведено къ какимъ либо опредѣленнымъ началамъ, весьма искусно варьируется, почему въ настоящемъ очеркѣ я укажу лишь ихъ главныя принципы.

Когда въ дѣлѣ оцѣнка сказаннаго ораторомъ зависитъ отъ какого-либо общаго положенія, онъ выясняетъ его передъ концомъ рѣчи и придаетъ послѣдней соотвѣтствующую окраску. Таково, напр. заключеніе по дѣлу Янсеновъ, въ которомъ подробно разсматривается понятіе «сомнѣнія», могущаго послужить въ пользу обвиняемаго. (Суд. рѣчи, стр. 107). Если ораторъ находитъ, что аргументація могла показаться сбивчивой, то въ заключеніи онъ возстановляетъ въ памяти судей все существенное въ рѣчи и повторяетъ вкратцѣ приведенныя доказательства: «Я полагаю, что когда вы представите себѣ этого подсудимаго безъ средствъ и безъ мѣста, идущаго безъ всякой цѣли съ желѣзной дороги... къ нелюбимому и чуждому ему о. Илларіону, затѣмъ совершающаго тамъ убійство, вытирающаго руки и выбирающаго имущество о. Илларіона въ то время, когда рядомъ съ нимъ тотъ умираетъ израненный и истерзанный; когда вы представите себѣ этого человѣка разсчитанно запирающаго дверь, уходящаго и, наконецъ, гуляющаго и пьянствующаго въ Окуловкѣ, то я думаю вы признаете, что у такого человѣка мысль о преступленіи явилась не внезапно». (Суд. рѣчи, стр. 307). За этими словами слѣдуетъ окончательный выводъ, суммирующій требованія обвинителя.

Заключеніемъ А. Θ. Кони пользуется и для того, чтобы закрѣпить въ сознаніи судей сдѣланную имъ оцѣнку участниковъ преступления, сообразно съ которой должна опредѣлиться и степень виновности и отвѣтственности. Такъ, въ рѣчи по дѣлу о подлогѣ Тамбовско-Козловскихъ акцій, ораторъ особенно подчеркиваетъ роль главнаго виновника этого дѣла Колосова, возлагая на него всю тяжесть нравственной отвѣтственности за поступки его младшаго сотовариша по преступленію Ярошевича (Суд. рѣчи, стр. 295). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ заключеніи выясняется важность преступления, обусловливается необходимость отнестись къ нему съ

должной строгостью. Если ораторъ опасается, что съ общественной точки зрѣнія преступленіе можетъ показаться присяжнымъ засѣдателямъ неважнымъ, вызваннымъ исключительными условіями общественной жизни, и результатъ такого взгляда можетъ выразиться въ оправданіи, то онъ приводитъ въ заключеніи соображенія о необходимости преслѣдованія этого дѣянія, о его вредѣ для общества. Примѣръ такого заключенія даетъ рѣчь по дѣлу Колемина, въ заключеніи которой доказывается вредъ отъ существованія игорныхъ притоновъ, независимо отъ того, въ какихъ классахъ общества вербуются посѣтителы (Суд. рѣчи, стр. 470). Въ заключеніи рѣчей вообще ораторъ подъ вліяніемъ предшествовавшихъ преній и волненія, вызваннаго изложеніемъ дѣла, легко можетъ сказать что либо лишнее, не оправдываемое требованіями дѣла; въ очень рѣдкихъ случаяхъ такое увлеченіе можно замѣтить и въ рѣчахъ А. Θ. Кони, напр., по дѣлу Рыжова упоминаніе о дѣтяхъ убитаго, замѣчаніе, вызванное, очевидно, впечатлѣніемъ горя осиротѣвшей семьи убитаго; этотъ недостатокъ, составляющій впрочемъ исключеніе, былъ отмѣченъ и г. Арсеньевымъ.

Разсмотрѣніе судебныхъ рѣчей А. Θ. Кони приводитъ насъ къ безспорному выводу о немъ, какъ о лучшемъ представителѣ русскаго судебного краснорѣчія, рѣчи котораго выдаются какъ по блестящей внѣшней сторонѣ, такъ и по богатому и глубокому содержанію. Чуждый подражательности, А. Θ. Кони идетъ самостоятельнымъ путемъ, вырабатываетъ рѣчи, руководясь своимъ убѣжденіемъ, не замѣняя его пышностью слога и кажущимся богатствомъ аргументовъ. Онъ борется съ противникомъ на почвѣ дѣла, и въ его рѣчахъ видны наиболѣе симпатичныя черты, отличающія и рѣчи другихъ русскихъ судебныхъ ораторовъ; можно согласиться съ К. К. Арсеньевымъ, считающимъ А. Θ. Кони «русскимъ судебнымъ ораторомъ, наиболѣе близкимъ къ идеалу, который не гоняется за эффектами... не нарушаетъ безъ надобности уваженія къ чужой личности, щадитъ даже своихъ противниковъ, ни въ чемъ существенномъ однако, не уступая и не отступая». (Вѣстн. Европы. 1888, 4. Русское судебное красно-

рѣчіе, стр. 810). Въ рѣчахъ А. Ѳ. Кони исполнѣ осуществляютя требованія, которыя онъ предъявляетъ къ судебнымъ ораторамъ, говоря о русской адвокатурѣ 60 годовъ: «У многихъ представителей ея въ то время можно, а нерѣдкимъ изъ современныхъ судебныхъ бойцовъ, даже весьма полезно и назидательно поучиться *порядочности* въ приемахъ борьбы, добросовѣстному изученію дѣла и уваженію къ своему и чужому человѣческому достоинству при отправленіи уголовного правосудія». (За послѣдніе годы, стр. 293).

4.

Судебными рѣчами не исчерпывается ораторская дѣятельность А. Ѳ. Кони, время отъ времени онъ выступаетъ съ рѣчами, имѣющими общее значеніе, насколько это доступно современному русскому оратору. При бѣдности общественной жизни въ Россіи говорить внѣ рамокъ какого либо спеціальнаго занятія приходится не часто. Такія случаи доставляютъ главнымъ образомъ сообщенія въ различныхъ ученыхъ обществахъ и публичныя лекціи. Двумя послѣдними, почти единственно возможными способами для непосредственнаго обращенія къ обществу и пользуется А. Ѳ. Кони, принося посильную лепту на пользу развитія общественнаго сознанія и мысли.

Выше было указано на мастерство А. Ѳ. Кони въ характеристикахъ, на умѣнье его обрисовывать данную личность со всѣми ея особенностями, дурными и хорошими качествами. И А. Ѳ. Кони даетъ цѣлый рядъ характеристикъ выдающихся русскихъ людей, съ которыми судьба сталкивала его лично, или дѣятельность которыхъ была ему близко знакома и казалась ему достойной вниманія. Въ этихъ характеристикахъ, замѣчательныхъ психологическимъ анализомъ личностей, оцѣнкой условій русской жизни, въ которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, и художественнымъ изложеніемъ, ораторъ захватываетъ извѣстныя общественныя теченія, выясняетъ ихъ значеніе и характеръ. Не довольствуясь холоднымъ наблюденіемъ историка, спокойно классифицирующаго и приводя-

щаго въ систему хаосъ фактическихъ данныхъ, ораторъ въ то же время отстаиваетъ дорогіе для него принципы, намѣчаетъ пути, по которымъ нужно идти къ достиженію идеаловъ, завѣщанныхъ русскому обществу его лучшими представителями, истолковываетъ эти завѣты; память о сошедшихъ въ могилу въ его изложеніи является школою и напоминаніемъ для живыхъ, зятянутыхъ жизненною тиной, ушедшихъ въ мелочные и безсодержательные интересы повседневной жизни.

Не возвращаясь болѣе къ критическому разбору собственно характеристикъ, такъ какъ это было бы повтореніемъ сказаннаго, я остановлюсь на общихъ мысляхъ, проводимыхъ ораторомъ въ его рѣчахъ и публичныхъ лекціяхъ. Вѣрно служба идеаламъ и завѣтамъ свой молодости, совпавшей со временемъ великихъ реформъ 60-хъ годовъ, ораторъ съ горечью констатируетъ печальные признаки измельчанія характеровъ, цѣлей и стремленій, замѣтныхъ въ русскомъ обществѣ съ 80 годовъ. «Слабѣетъ воля, тускнѣютъ идеалы, говоритъ онъ, и все рѣже встрѣчаются такъ называемые характеры». Замѣчая, что настоящее поколѣніе слишкомъ глубоко уходитъ въ личные мелкіе интересы, ораторъ приводит по этому поводу грустные слова Ровинскаго, говорившаго одному своему старому сослуживцу, что онъ сидитъ дома потому, что не зачѣмъ «ходить въ люди: вонъ ихъ сколько, хоть въ сажень складывай, а куда какъ трудно найти между ними *человѣка*». (За послѣдніе годы, стр. 345). А. Θ. Кони указываетъ и на тѣсно-связанную съ этимъ язву образованія въ наше время, ощущаемую вездѣ, но, можетъ быть, особенно сильно въ Россіи — чрезмѣрную спеціализацію знаній, приведшую почти къ полному исчезновенію людей съ широкими взглядами и обширнымъ общимъ образованіемъ, которыхъ замѣняютъ спеціалисты, все болѣе и болѣе спеціализирующіеся, не всегда отличающіеся талантами, но за то обладающіе большою усидчивостью и самоувѣренностью, на что и указываетъ А. Θ. Кони: «Замыканіе себя въ узкую спеціальность, которая сторонится отъ живаго и многоструйнаго теченія жизни... вырабатываетъ въ своемъ обладателѣ

равнодушное и даже презрительное отношеніе ко всему, что лежит внѣ ея области». (За посл. годы, стр. 259, 260). Но отрицательныя стороны нашей общественной жизни, представляющія накупивъ извѣстныхъ общественныхъ условій и теченій, не разочаровываютъ оратора въ русскомъ обществѣ, онъ указываетъ въ характеристикѣ Достоевскаго на обширную группу русскихъ людей «страждущихъ духовнымъ голодомъ», напрасно ждущихъ отвѣта на «вѣчные вопросы», ищущихъ наставленія и руководства и получающихъ вмѣсто хлѣба камень. (За посл. годы, стр. 395). А. Θ. Кони горячо возстаетъ противъ обычной фразы, что у насъ «людей нѣтъ», указывая, что судебная реформа, не смотря на мрачныя предсказанія, нашла достойныхъ исполнителей. (За посл. годы, стр. 477). Дѣйствительно, если всмотрѣться ближе въ современное положеніе вещей, то можно придти къ выводу, что главное затрудненіе не въ «отсутствіи людей», а въ условіяхъ, очень часто препятствующихъ лучшимъ людямъ дѣйствовать, выдвигающихъ на первый планъ другіе, менѣе желательныя элементы общества. А. Θ. Кони показываетъ на примѣрахъ къ чему должно стремиться и какъ жить, чтобы уйти отъ давящей скуки и безсодержательности современной жизни, отъ существованія день за день, проходящаго въ удовлетвореніи мелкаго эгоизма: «Такъ богато одарилъ свою родину этотъ человѣкъ, говорить А. Θ. Кони о Ровинскомъ, лично себѣ во всемъ отказывавшій и мало заботившійся о томъ, какъ жить, потому что чуткою душою нашель и уразумѣлъ зачѣмъ жить». (За посл. годы, 384). Сознаніе жизненной цѣли и отсутствіе узкаго эгоизма—вотъ что дѣлало сильнымъ Ровинскаго. Для того чтобы жить, какъ слѣдуетъ, не нужно необычайныхъ подвиговъ, достаточно быть человѣкомъ: «человѣкъ онъ былъ», характеризуетъ ораторъ Арцимовича, человѣкъ въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, человѣкъ въ трудѣ и отдыхѣ, въ отзывчивости и терпимости, въ упорствѣ, въ горячности, въ словѣ и въ дѣлѣ». (За посл. годы, стр. 350). Въ словахъ, полныхъ огня и увлеченія, ораторъ обрисовываетъ людей, идущихъ по развѣ выбранной дорогѣ, не заботясь о себѣ, до конца остающихся

вѣрными своей совѣсти и убѣжденіямъ, дѣйствительно сильныхъ знаніемъ и добросовѣстнымъ настойчивымъ трудомъ, необходимымъ для того, чтобы имѣть право руководить другими, идти впередъ, а не стоять на одномъ мѣстѣ. «Кавелинъ былъ труженикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Трудъ живой и неустанный, вдумчивый и энергичный былъ его стихіею, наполнялъ всю его жизнь... Онъ смотрѣлъ на трудъ, какъ на обязанность передъ обществомъ, освободить отъ которой должна лишь смерть, одна могущая заставить изсякнуть источникъ мысли, знанія и «роптанія вѣчнаго души». (За посл. годы, стр. 373). Въ Кавелинѣ же онъ отмѣчаетъ гордое стремленіе къ истинѣ, неутомимую работу надъ собой, которая позволяла ему идти, не оставаясь внѣ строя, не переставая понимать задачи, волненія и желанія молодыхъ поколѣній, указываетъ, что онъ принадлежитъ къ числу людей, умирающихъ «какъ солдаты въ ратномъ строю, на дѣйствительной службѣ», никогда не переживающихъ себя: «Ихъ чуждый личныхъ расчетовъ внутренній взоръ съ тревожной надеждою всегда устремленъ въ будущее, въ ихъ многогранной душѣ всегда найдутся стороны, которыми они тѣсно соприкасаются съ настроеніемъ и стремленіями лучшей части современнаго имъ общества». (За посл. годы, стр. 367).

Выдвигая на первый планъ общечеловѣческія и культурныя стремленія, ораторъ относится вполне доброжелательно ко всякимъ убѣжденіямъ и взглядамъ, если они служатъ дѣйствительно выраженіемъ честной мысли, не связаны съ расчетами и вождедѣніями личнаго характера. «Въ каждомъ онъ (Кавелинъ) прежде всего искалъ искренности и отсутствія личныхъ видовъ... Обширный кругъ его знакомыхъ никогда не былъ однообразенъ, и люди *честные*, хотя бы противоположныхъ возрѣній, встрѣчали въ немъ не *врага*, а лишь привѣтливаго, хотя и стойкаго *противника*» (За посл. годы, стр. 371). А. Θ. Кони останавливается на партійной нетерпимости, на этой непріятной чертѣ, замѣтной въ русскомъ обществѣ, ведущей нерѣдко къ чрезвычайному обостренію личной полемики между представителями разныхъ

направлений, хотя бы чисто научного свойства, не без основанія называетъ русскіе споры «шумными и безцѣльными, въ которыхъ беретъ обыкновенно верхъ развязность и умышленное нежеланіе понять своего противника». (За посл. годы, стр. 370). Можно сказать, впрочемъ, что умышленное нежеланіе является по исключенію, недоразумѣнія обуславливаются, главнымъ образомъ, недостаткомъ уваженія къ чужому мнѣнію, вѣрой въ собственную непогрѣшимость, нетерпимой односторонностью, зависящей отъ неправильной подготовки, недостатковъ образованія и воспитанія. Объ этихъ недостаткахъ также говорится въ рѣчахъ А. Θ. Кони, когда ему приходится касаться руководителей современнаго юношества (напр. За посл. годы, стр. 374).

Ближе всего ораторъ стоитъ къ судебнымъ дѣятелямъ, къ нимъ чаще всего обращается его слово. А. Θ. Кони не пропускаетъ случая напомнить «что образованный юристъ долженъ быть человѣкомъ, въ которомъ общее образованіе идетъ впереди спеціальнаго», что «сухія научныя изслѣдованія или отчетливое знаніе статей закона и кассационныхъ рѣшеній не создаютъ еще юриста... Въ первомъ случаѣ онъ становится глухъ къ требованіямъ жизни,—во второмъ тѣмъ, что высшій сановникъ судебного вѣдомства въ 70-хъ годахъ остроумно назвалъ «статистомъ», производя это слово отъ «статьи», и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуя ту роль, которую такіе люди играютъ въ отправленіи правосудія». (За посл. годы, стр. 407). Онъ предостерегаетъ судебныхъ дѣятелей отъ подчиненія рутинѣ, приводящей незамѣтно для нихъ самихъ къ ремесленному механическому отправленію обязанностей правосудія, при которомъ образъ *судебнаго дѣятеля* начинается мало-по-малу «затемняться образомъ *судейскаго чиновника*» (За посл. годы, стр. 435), требуетъ отъ суда не только формальной, но жизненной правды, защищая судъ присяжныхъ, какъ представителя послѣдней.

Приведенныя выписки достаточно характеризуютъ общія начала, которыми проникнуты рѣчи А. Θ. Кони. Правда, могутъ сказать, что служеніе столь высокимъ идеаламъ дѣлаетъ честь оратору, но въ то же время, что это общеиз-

вѣстныя мысли, что въ нихъ мало новаго, но заслуга А. О. Кони въ томъ, что онъ возстановляетъ въ памяти разсѣянныхъ, равнодушныхъ, затерявшихся въ жизненной борьбѣ, тѣ «забытыя слова» (по выраженію Салтыкова), безъ которыхъ человѣческое существованіе утрачиваетъ смыслъ и значеніе; въ его рѣчахъ, рисующихъ свѣтлые образы честныхъ людей и работниковъ, могутъ найти поддержку усталые и обезкураженные жизнью люди. Заслуга выдающихся ораторовъ именно и состоитъ въ поддержаніи и распространеніи хотя бы и ранѣ ихъ высказанныхъ идей: они истолковываютъ ихъ, проводятъ въ массу, придаютъ имъ, такъ сказать, плоть и кровь; больше этого было бы несправедливо требовать отъ оратора.

II.

М. О. Громницкій.

Не имѣя намѣренія и возможности разбирать рѣчи всѣхъ извѣстныхъ прокуроровъ, я ограничусь рѣчами нѣкоторыхъ обвинителей, являющихся въ большей или меньшей степени типичными ораторами, и остановлюсь сперва на рѣчахъ М. О. Громницкаго.

М. О. Громницкій — талантливый, дѣловой прокуроръ, онъ не принадлежитъ къ числу ораторовъ, овладѣвающихъ аудиторіей красотой своей рѣчи. Его главные ресурсы въ толковомъ изложеніи обстоятельствъ дѣла, въ разработкѣ доказательствъ; онъ самъ признаетъ въ своей статьѣ «Роль прокурора на судѣ по дѣламъ уголовнымъ» (Ж. М. Ю. 1896, 2, стр. 1—64), что не заботится о внѣшней сторонѣ своихъ рѣчей и, возставая противъ предварительнаго составленія ихъ письменно, указываетъ, что внутренняя красота заставляетъ забыть неудачную внѣшность «лишь бы не было внѣшняго безобразія», и весь успѣхъ дѣла обусловливаетъ изученіемъ предварительнаго слѣдствія и умѣлымъ веденіемъ судебного слѣдствія.

Вступленія его рѣчей нерѣдко начинаются съ описанія самого событія, въ нихъ ораторъ говоритъ всего нѣсколько словъ, опредѣляющихъ его отношеніе къ дѣлу, и затѣмъ слушатели вводятся непосредственно *in medias res*: «Гг. присяжные, въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года совершенно было,

безъ преувеличенія, страшное преступленіе. Крестьянинъ А. Волоховъ найденъ убитымъ и перерубленнымъ на двое подъ водою, закиданный грудю камней и грязью». Далѣе слѣдуетъ непосредственный переходъ къ доказательствамъ. (Судебныя драмы, 1898, № 1). Вступленіе въ рѣчи по дѣлу Данилова (1867 г.) составлено такимъ же образомъ: «Гг. присяжные! Преднаѣренное, съ цѣлью грабежа, убійство отставнаго капитана Попова и его служанки М. Нордманъ, мошенническое присвоеніе чужой собственности и наименованіе себя чужими фамиліями—вотъ совокупность тѣхъ преступленій, которыя подлежатъ вашему обсужденію». (Русскіе судебныя ораторы, III, стр. 20). Впрочемъ, если оратору приходится считаться съ какимъ либо крупнымъ фактомъ, заслоняющимъ другія обстоятельства, то онъ и начинаетъ свою рѣчь съ выясненія этого факта, но чрезвычайно кратко, ограничиваясь самымъ необходимымъ. Таково вступленіе въ рѣчи объ убійствѣ Соколовыхъ (Мытищенское дѣло, 1868 г. Суд. драмы, 1898, 2). На судебномъ слѣдствіи обнаружилась сомнительность важныхъ свидѣтельскихъ показаній, почему обвинитель и началъ рѣчь съ указанія на то, что онъ оказывается «въ странномъ положеніи», что ему нужно обвинять, а «между тѣмъ данныя, на которыхъ было построено обвиненіе, разрушены». Затѣмъ ораторъ выясняетъ причины, по которымъ онъ не считаетъ возможнымъ отказаться отъ обвиненія, почему его убѣжденіе въ виновности подсудимыхъ не поколеблено.

Такой же характеръ носить и вступленіе рѣчи по дѣлу объ убійствѣ Болдыревой, въ которомъ ораторъ обратилъ вниманіе присяжныхъ на то, что «дѣло загромождено массою ненужнаго матеріала; и полицейская и слѣдственная власть, въ видахъ обнаруженія настоящаго виновника, и самъ обвиняемый съ цѣлью самозащиты — дружно дѣйствовали въ этомъ направленіи». (Отчетъ по дѣлу, Москва, 1895, стр. 82).

Въ доказательствахъ сосредоточивается весь интересъ обвинительныхъ рѣчей М. Θ. Громницкаго, и въ нихъ прежде всего нужно отмѣтить выдержанность основной мысли, убѣж-

денія оратора въ правильности его взгляда; это убѣжденіе заставляетъ его комбинировать все обстоятельства и пользоваться уликами иногда односторонне. Такъ, въ дѣлѣ Волоховой, ораторъ утверждалъ, что «народный голосъ» считаетъ подсудимую виновной въ убійствѣ мужа, и что этотъ голосъ «въ подобныхъ случаяхъ такъ рѣдко ошибается». Всякій, кто знакомъ съ исторіей судебныхъ ошибокъ и съ ролью, которую играла въ нихъ народная молва, безъ труда пойметъ рискованность этого утверждения, а ораторъ рѣшился поставить его въ началѣ рѣчи, давая этимъ выигрышное выраженіе защитнику.

Въ дѣлѣ Волоховой, вообще, улики не отличались большою ясностью, и ораторъ старался извлечь пользу даже изъ недостатка доказательствъ указаніемъ на то, что подсудимая пять дней была полной хозяйкой дома (отъ убійства до начала слѣдствія), что — она «дѣйствительно сумѣла воспользоваться этимъ». Большое значеніе въ дѣлѣ для обвиненія представляло показаніе пятилѣтняго сына подсудимой, которая утверждала, что оно дано по наущенію дядей ребенка. М. Ѳ. Громницкій замѣтилъ въ опроверженіе приведеннаго довода, что братьямъ убитаго не зачѣмъ было подговаривать мальчика; они могли добиться такимъ путемъ для себя только званія опекуновъ, но, по мнѣнію оратора, это было для нихъ не важно: «Быть опекунами мальчика и въ это время пользоваться домомъ и садикомъ? Это слишкомъ ничтожная причина». Здѣсь ораторъ не оцѣнивалъ другихъ поводовъ: вражды, злобы, желанья отвлечь отъ себя подозрѣніе, да и кромѣ того упустилъ изъ виду, что даже матеріальный интересъ могъ быть при данныхъ обстоятельствахъ признанъ не такимъ ужъ незначительнымъ. Главное положеніе оратора, что Волоховъ убитъ въ домѣ, въ которомъ съ нимъ жила только жена, и, слѣдовательно, ею, проводилось очень настойчиво съ тщательнымъ устраненіемъ всякихъ другихъ толкованій. Такова, напр., была поддержка показаній братьевъ убитаго. Одно изъ нихъ, по мнѣнію оратора, приобрѣтало особую достоверность, потому что «со свидѣтелемъ сдѣлалось дурно, когда онъ увидѣлъ трупъ брата, и потому подозрѣвать, что

онъ лжетъ, нѣтъ никакого основанія». Едва ли можно сказать, что это толкованіе факта безспорно: обморокъ могъ быть вызванъ различными причинами и даже признаніемъ вины, угрызениями совѣсти и т. д.

Въ рѣчи по дѣлу объ убійствѣ Соколовыхъ, въ вышеприведенномъ вступленіи къ которой ораторъ самъ призналъ, что данныя обвиненія поколеблены, онъ все-таки продолжалъ спасать, что можно, изъ обломковъ разбитыхъ доказательствъ, отстаивая дѣйствія слѣдственной власти и подозрительныхъ сыщиковъ и стараясь придать нужное для обвиненія толкованіе свидѣтельскимъ показаніямъ; М. Θ. Громницкій въ данномъ случаѣ не отступилъ въ окончательномъ выводѣ передъ невозможностью опредѣлить степень участія въ дѣлѣ каждаго изъ двухъ подсудимыхъ. Онъ обвинялъ Пожарнова, противъ котораго было нѣсколько больше подозрѣній, въ предумышленномъ убійствѣ Соколовыхъ, Алексѣева—въ укрывательствѣ на томъ основаніи, что «Пожарновъ, безспорно, главное лицо, противъ него одного свидѣтельствуешь Батуринъ; другіе второстепенные свидѣтели говорить о томъ и о другомъ, что они вмѣстѣ закладывали полушубокъ, вмѣстѣ скрылись неизвѣстно куда и потомъ на другой день вмѣстѣ явились... Повторяю, что противъ Пожарнова больше уликъ, а противъ Алексѣева меньше — поэтому и обвиненіе дѣлаетъ разницу относительно ихъ». (Суд. драмы 1898, 2. Отчетъ, стр. 62). Здѣсь обвинитель упустилъ изъ виду, что нужно было доказать виновность данныхъ лицъ и затѣмъ уже опредѣлять ихъ отвѣтственность и нельзя было распредѣлять отвѣтственности пропорціонально количеству уликъ противъ того или другого подсудимаго, когда не былъ вполне установленъ фактъ совершенія преступленія и степень участія въ немъ подсудимыхъ. Дѣло Волоховой и дѣло Соколовыхъ были проиграны обвиненіемъ, и этотъ исходъ нельзя не признать вполне естественнымъ. Въ дѣлѣ объ убійствѣ Болдыревой ораторъ заявилъ въ началѣ рѣчи, что не сомнѣвается въ виновности подсудимаго. «Я глубоко убѣжденъ въ виновности г. Тальма, сказалъ онъ, иначе я бы и не обвинялъ, и я надѣюсь вы отыщите правду какъ бы она далеко ни была запрятана». (Отчетъ по дѣлу, стр. 82).

Приведенныя мѣста характеризуютъ отношеніе оратора къ доказательствамъ въ смыслѣ настойчивости и прямолинейности обвиненія: разъ убѣжденіе оратора сложилось, онъ не отступаетъ передъ тѣмъ, что считаетъ исполненіемъ долга, какъ бы ни затруднительна была борьба. При такихъ обстоятельствахъ увлеченіе и односторонность становятся понятными и могутъ привести оратора, а черезъ него и судей, къ ошибочнымъ заключеніямъ. Особую опасность въ этомъ отношеніи представляетъ наклонность М. Θ. Громницкаго пользоваться темными обстоятельствами, невыясненными предварительнымъ слѣдствіемъ, на которыя, какъ онъ самъ говоритъ, слѣдовало бы не обращать вниманія. Къ сожалѣнію, по его собственнымъ словамъ, «эти хвостики уликъ», «полунамеки на что-то, имѣющее связь съ преступленіемъ», привлекаютъ его любопытство. (Ж. М. Ю., 1896, 2, стр. 14). При такихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, по «хвостикамъ уликъ» и «полунамекамъ» складывается убѣжденіе обвинителя, которымъ уже и освѣщается все дѣло.

Возможность этого подтверждается какъ приведенными выше примѣрами, такъ и любопытнымъ указаніемъ самого М. Θ. Громницкаго, что по одному дѣлу, выигранному имъ почти при полномъ отсутствіи уликъ (обвиненіе въ разбоѣ), успѣхъ объяснялся тѣмъ, что рѣчь была произнесена настолько энергично, увѣренность въ виновности обвиняемыхъ сказывалась въ ней такъ сильно, что самъ обвинитель и многіе изъ бывшихъ въ засѣданіи.. почувствовали, что она произвела большое впечатлѣніе на присяжныхъ засѣдателей... громко говорили, что если возможенъ обвинительный вердиктъ, то развѣ только благодаря обвинительной рѣчи». (Ж. М. Ю. 1896, 2, стр. 24 — 25). Такимъ образомъ М. Θ. Громницкій, какъ бы возмѣщаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостаточность уликъ энергіей обвинительной рѣчи, — приемъ весьма рискованный въ интересахъ правосудія, особенно при слабой защитѣ.

Вообще же нужно замѣтить, что косвенныя улики разбираются ораторомъ съ большимъ искусствомъ, примѣромъ чего можетъ служить обвинительная рѣчь по дѣлу объ убійствѣ

Попова (Рус. суд. ор т. III, стр. 26 и слѣд.). Нужно замѣтить также, что если настойчивость оратора въ проведеніи разъ сложившагося мнѣнія въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводитъ къ односторонности, то иногда она налагаетъ на его дѣловыя, не блестящія по внѣшности, рѣчи своеобразный отѣнокъ, спасаетъ ихъ отъ вялости и банальности. Рѣчи М. О. Громницкаго представляютъ живое доказательство того, что можно говорить интересно, не будучи ораторомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Разобранныя свойства рѣчей М. О. Громницкаго, дѣлающія изъ него сильнаго діалектика, представляютъ мало простора для психологическаго анализа. Встрѣчающіяся въ его рѣчахъ характеристики дѣлаются попутно между доказательствами, когда ораторъ считаетъ выгоднымъ поддержать тотъ или другой доводъ какой либо чертой характера подсудимаго. Такова характеристика Данилова, въ которой ораторъ довольствуется замѣчаніемъ, что онъ «съ 17 лѣтъ жилъ самостоятельною жизнью; самъ зарабатывалъ деньги». Оцѣнка нравственности дѣлается косвенно въ нѣсколькихъ словахъ признаніемъ ума и «счастливой наружности» подсудимаго и сопоставленіемъ этихъ фактовъ съ отсутствіемъ у него друзей и съ сомнительными отношеніями въ семействѣ Соковинныхъ.

Неудовлетворительность характеристикъ въ рѣчахъ М. О. Громницкаго сказывается иногда довольно рельефно, какъ примѣръ я приведу дѣло Волоховой: убитый описывался, какъ человѣкъ хорошій, мягкій, который буянилъ только въ пьяномъ видѣ и пропилъ все свое имѣніе, отсюда дѣлался нѣсколько скорый выводъ о томъ, что эти обстоятельства указываютъ, что «у Волохова не было враговъ», какъ будто ссоры въ пьяномъ видѣ не могли ихъ создать. Подсудимая Волохова, въ началѣ рѣчи, при доказательствѣ дурныхъ отношеній съ мужемъ, изображалась какъ «женщина сердитая, характерная», постоянно ругавшая своего мужа; въ концѣ рѣчи ораторъ, напротивъ, говорилъ о подсудимой, что качества ея, какъ жены и какъ женщины, прекрасны; «при другихъ обстоятельствахъ изъ нея вышла бы, можетъ быть, пре-

восходная жена, но на бѣду ей попался дурной мужъ, пьяница, и она не могла съ нимъ ужиться». Нѣсколько раньше ораторъ утверждалъ, что хорошія качества обвиняемой составляютъ улику, такъ какъ преступленіе не могло быть совершено женщиной легкаго поведенія, для него нужны энергія и характеръ. Противъ такой постановки доказательствъ можно многое возразить: прекрасныя качества скорѣе всего исключаютъ возможность преступленія, характеръ же и энергія могутъ быть у женщины и хорошаго и дурного поведенія.

Въ заключеніяхъ ораторъ рѣдко прибѣгаетъ къ повышенному тону, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ просто формулируетъ въ немногихъ словахъ сущность обвиненія, не заботясь о красотѣ фразы и силѣ впечатлѣнія. «На основаніи всѣхъ вышепоименованныхъ уликъ, закончилъ напр. ораторъ обвиненіе по дѣлу Волоховой, я обвиняю ее въ предумышленномъ убійствѣ мужа». Въ дѣлѣ Данилова ораторъ въ заключеніи выяснилъ, почему онъ не находитъ смягчающихъ обстоятельствъ для подсудимаго и напомнилъ присяжнымъ, что «съ понятіемъ молодости мы соединяемъ обыкновенно искренность и раскаяніе, а развѣ мы замѣчаемъ что-либо подобное въ подсудимомъ? Вспомните, какъ совершенно убійство, количество ранъ, нанесенныхъ убитымъ, вспомните цѣль преступленія и то, какъ онъ вошелъ къ Попову подъ видомъ хорошаго знакомаго, вспомните, наконецъ, какъ онъ велъ себя на предварительномъ и здѣсь на судебномъ слѣдствіи» (Рус. суд. оратор. III, стр. 31). Здѣсь въ патетическомъ мѣстѣ чувствуется, что ораторъ обратился къ паѳосу по необходимости, и постройка вышеприведеннаго заключенія отличается не столько изяществомъ, сколько массивностью и количествомъ доводовъ, приводимыхъ обвиненіемъ.

III.

В. И. Жуковский.

Другой талантливый оратор-обвинитель В. И. Жуковский (1838—1899 г.) начал свою деятельность в прокуратуре, затем перешел в адвокатуру, в рядах которой и оставался до конца жизни. В. И. Жуковский занимал среди русских судебных ораторов особенное место: он был, если можно так выразиться, прирожденным обвинителем и оставался им, не смотря на переход в адвокатуру; наибольший успех и значение имела речь, произнесенная им в качестве гражданского истца, где он являлся сильным оплотом обвинения. Сохранившиеся после В. И. Жуковского речи дают только бледное понятие об ораторе, главным оружием которого был юмор; он умел увлечь слушателя и овладеть им, это зависело в огромной мере от личных особенностей произнесения речи, совершенно пропадающих в чтении; остроты, ирония поддерживались тоном оратора, неувимыми оттенками голоса. Чтобы оценить В. И. Жуковского вполне, нужно было его слышать. «Худощавый, с острыми и подвижными чертами лица, с вкрадчивым и язвительным голосом, Жуковский, говорит в его некрологе С. А. Андреевский, обладал средствами природного, первостепенного комика. Но за то и лучшая сторона его славы должна сделаться добычей преданий!... Только современники могли им наслаждаться в полной

мѣръ». Слѣдуетъ сказать, что В. И. Жуковскій былъ также и искуснымъ діалектикомъ, умѣлъ распоряжаться доказательствами и комбинировать ихъ, и это умѣнье въ соединеніи съ его дарованіемъ сатирика дѣлало его грознымъ противникомъ въ судебномъ спорѣ. В. И. Жуковскій выступалъ во многихъ громкихъ процессахъ; для характеристики его рѣчей я остановлюсь на его обвинительной рѣчи по дѣлу о поджогѣ паровой мельницы, служившей для потребностей интендантства, извѣстнымъ Овсянниковымъ (въ 1875 г.). Дѣло это, кончившееся осужденіемъ дѣльца-милліонера, въ свое время обратило на себя вниманіе не только русской, но и иностранной печати.

Во вступленіи ораторъ изложилъ значеніе продовольствія войска, тѣ послѣдствія, къ которымъ можетъ привести его плохая организація или злоупотребленія и, установивъ такимъ образомъ, отвѣтственность и важность дѣятельности поставщиковъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ охарактеризовалъ образъ дѣйствій Овсянникова: «Ни внезапныя ревизіи, ни начеты, ни уголовныя преслѣдованія, ни публикуемые въ министерскихъ приказахъ запреты не въ силахъ были воздерживать заподозрѣннаго поставщика-подрядчика отъ тяготѣнія къ казенному хлѣбному дѣлу. Съ караванами затхлои муки онъ прокладывалъ себѣ путь къ казеннымъ подрядамъ, съ такой стойкостью, какой далеко не отличался народъ, шествовавшій во время оно въ землю обѣтованную». (Рус. суд. ораторы. II, стр. 545). Затѣмъ обвинитель перешелъ къ пожару, указавъ на необыкновенное стараніе Овсянникова устроить возможно выгодно для солдатъ печеніе хлѣба. «Вотъ эта-то по истинѣ отеческая заботливость о солдатскомъ приваркѣ побуждаетъ... вникнуть поближе въ вопросъ: почему же эта прекрасная мельница сгорѣла? Почему сгорѣла эта образцовая мельница, снабженная всѣми средствами предупрежденія... находившаяся въ распоряженіи человѣка, который такъ тонко и умно цѣнитъ ея общепользность...» (Рус. суд. ор. II, 549). Сопоставивъ далѣе то обстоятельство, что мельница была въ полномъ распоряженіи Овсянникова и лицъ, пользовавшихся его довѣріемъ, и что огонь обнаружился въ

трехъ различныхъ мѣстахъ зданія, ораторъ сдѣлалъ рѣшительный и основной выводъ относительно поджога, послѣ чего обратился къ доказательству, что поджогъ совершенъ Овсянниковымъ, по его приказанію, такъ какъ мельница не была доступна постороннимъ лицамъ.

Въ этой части рѣчи В. И. Жуковскій перешелъ въ другую область; въ ней его аргументація опиралась уже на личности, участвовавшихъ въ преступленіи, на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и образѣ дѣйствій. Здѣсь В. И. Жуковскій очень искусно устранилъ первое препятствіе для подозрѣнія Овсянникова въ поджогѣ — его богатство, указавъ, что преступленіе совершено также изъ тщеславія, изъ желанія сохранить за собою выгодный подрядъ, преодолѣть своихъ противниковъ. Овсянниковъ, говоритъ ораторъ, «пришелъ къ обладанію этимъ рынкомъ (хлѣбнымъ), но въ 70-лѣтнемъ возрастѣ приходилось отказаться отъ обладанія рынкомъ, отказаться отъ карьеры, отъ стремленія къ казеннымъ подрядамъ, тогда какъ стремленія эти составляли задачу всей жизни. Это было очень тяжело». (Рус. суд. ор. II, стр. 580). Равнымъ образомъ было устранено и возраженіе, что Овсянниковъ не могъ связываться въ такомъ дѣлѣ съ мелкими служащими, что разстояніе между ними было слишкомъ велико. Цѣлымъ рядомъ удачныхъ примѣровъ В. И. Жуковскій доказалъ, что такой союзъ вполне возможенъ и часто встрѣчается въ жизни, что разница эта обусловливается матеріальнымъ достаткомъ, величиной неустойчивой, легко мѣняющейся въ ту или другую сторону. Остальная часть рѣчи была занята подробной оцѣнкой причинъ, побудившихъ Овсянникова совершить преступленіе, доказательствомъ убыточности для него содержанія мельницы и опасностей, грозившихъ въ будущемъ отъ его конкурентовъ.

Въ заключеніи рѣчи Овсянникову наносился послѣдній ударъ замѣчаніемъ, что съ точки зрѣнія подсудимаго преступленіе не было такимъ тяжкимъ, что поджигатель зналъ объ отсутствіи опасности для людей. «Если же, продолжалъ ораторъ, преступленіе это сопряжено со вредомъ казенному интересу, то эта точка зрѣнія не понятна Овсянникову... Пра-

вительству весьма трудно проводить хорошія стремленія черезъ низшіе органы и предупреждать ихъ подкупность. Но оно могло надѣяться, что человекъ, гордящійся своими пожертвованіями, не приложитъ руку къ подкупу... За мною будутъ слѣдовать рѣчи гражданскихъ истцовъ, но главнаго потерпѣвшаго здѣсь нѣтъ. Онъ даже и не знаетъ, что его скудный паекъ можетъ служить средствомъ къ эксплуатаціи для миллионера. Этого потерпѣвшаго вы не забудете». (Рус. суд. оратор. II, стр. 584). Заключение представляется типичнымъ, для краснорѣчія В. И. Жуковскаго. Послѣдняя патетическая фраза показываетъ, что ораторъ, рѣдко обращавшійся къ паѳосу, не располагалъ имъ такъ свободно, какъ юморомъ и доказательствами.

Краснорѣчіе В. И. Жуковскаго давало ему преимущество въ нападеніи въ тѣхъ случаяхъ, когда противникъ не былъ защищенъ отъ ядовитыхъ стрѣлъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ, безукоризненнымъ прошлымъ или исключительными обстоятельствами, заставившими его совершить преступленіе, но за то оно было какъ бы связано въ рѣчахъ, въ которыхъ требовался паѳосъ, глубина чувства, а не юморъ; рѣчь В. И. Жуковскаго въ такихъ случаяхъ утрачивала значительную долю своего обаянія: ораторъ переходилъ въ дѣловой тонъ, очень подробно останавливался на развитіи тѣхъ или другихъ важныхъ для него положеній, при чемъ иногда эти положенія недостаточно прикрывались отъ ударовъ противника.

Такова рѣчь въ защиту Гулакь-Артемовской, въ которой В. И. Жуковскій вначалѣ всѣми силами отстаивалъ взглядъ, что подлогъ векселя, если онъ не предъявленъ въ судъ, является скорѣе гражданскимъ, чѣмъ уголовнымъ дѣломъ, что вообще подлогу векселя нѣтъ основаній придавать особенное значеніе,—тезисъ, который въ приданной ему ораторомъ рѣзкой формѣ, доставлялъ обширный матеріалъ для возраженій. Наиболѣе удачны въ названной рѣчи мѣста, въ которыхъ защитникъ опять становился по существу обвинителемъ: нападалъ на предварительное слѣдствіе и обвинительную тактику. Въ этихъ мѣстахъ онъ остроумно высмѣиваетъ

недовѣріе къ защитѣ и недопущеніе ея на предварительномъ производствѣ, благодаря которымъ только, когда уже все кончено, «тогда допускается къ участию въ дѣлѣ, тотъ зло-вредный, продажный человекъ, котораго зовутъ адвокатомъ». (Рус. суд. оратор. V, стр. 145—148).

Выше было сказано, что самыя сильныя ораторскія средства В. И. Жуковскаго — иронія, сарказмъ, на нихъ ораторъ и основывалъ главнымъ образомъ нападеніе, поддерживая ими свои доказательства и выводы. Образчики юмора В. И. Жуковскаго очень многочисленны, я приведу одинъ изъ нихъ по рѣчи въ защиту Ламтева (дѣло Торгово-Комиссіоннаго банка). Въ ней ораторъ пронизировалъ надъ системой обвинительнаго акта, въ которомъ подробно была изображена исторія Комиссіоннаго банка съ дѣленіемъ ея на періоды по главнымъ заправиламъ. «Слышишь, сказалъ по этому поводу В. И. Жуковскій, Петлиновскій періодъ, Слѣпущкинскій періодъ, періодъ междуцарствія, Пожарскій ... спрашиваешь сосѣда: что это — изъ исторіи? «Да-нѣтъ, говорить, — изъ обвинительнаго акта, — Пожарскій, членъ правленія». И далѣе въ этой же рѣчи В. И. Жуковскій, говоря о другомъ подсудимомъ, предлагающемъ гражданскимъ истцамъ всю слѣдующую имъ сумму, подчеркиваетъ, что послѣдніе явились въ судъ не съ цѣлью получить утраченное имущество, но добиться именно обвиненія подсудимыхъ: «гражданскіе истцы упираются, не хотятъ взять этихъ денегъ. Имъ открываютъ двери настѣжь, говорятъ: пожалуйте, честью просимъ, а они: не извольте беспокоиться, мы со взломомъ». (Розенцвейгъ, Изъ залы суда 339, 340).

Весьма энергиченъ былъ также В. И. Жуковскій въ нападеніи на личность — онъ безпощадно выдвигалъ слабыя и непріятныя стороны противника, черпая въ нихъ матеріалъ для укрѣпленія собственной позиціи. Въ дѣлѣ Овсянникова было три благопріятныхъ подсудимому показанія объ исходѣ его тяжбы съ Кокоревымъ; обвинитель постарался нападеніемъ на свидѣтелей сдѣлать сомнительной цѣнность ихъ показаній: «Одинъ изъ этихъ юристовъ (свидѣтелей) пользуется почтеннымъ авторитетомъ. Но въ данномъ случаѣ я

быль бы болѣе расположенъ ему вѣрить, если бы онъ не проигралъ этого дѣла въ высшей апелляціонной инстанціи. Другой юристъ заслуживалъ бы болѣе довѣрія, если бы бралъ съ Овсянникова деньги за статьи, которыя писалъ бы самъ, а не за тѣ, которыя заказывалъ другимъ въ интересахъ всей Россійской Имперіи... и третій вынужденъ былъ въ своемъ свидѣтельскомъ показаніи доказывать, что онъ не переходилъ съ одной стороны на другую». (Рус. суд. ораторы, II, стр. 562). Точно также въ дѣлѣ Гулакъ-Артемовской для В. И. Жуковскаго былъ крайне непріятенъ свидѣтель со стороны обвиненія, Полевой, на котораго онъ и направлялъ свою иронію: «судя по показаніямъ Полевого, она (подсудимая) подкупала всѣхъ своими внѣшними дарованіями, быть можетъ, находчивостью и наблюдательностью. И вы, дѣйствительно, видите, что она умѣла различать людей: Пастухова она прочила въ мужа, а Полевого въ режиссеры». (Рус. суд. ораторы, V, стр. 159).

IV.

Н. В. Муравьевъ.

Ораторскій талантъ Н. В. Муравьева выражается главнымъ образомъ въ тщательномъ изложеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, въ умѣнны сгруппировать обвинительный матеріалъ въ такомъ видѣ, что онъ производитъ сильное впечатлѣніе на судей и противопоставляетъ всевозможныя возраженія защитнику. При этомъ ораторъ вовсе не стѣсняется размѣрами рѣчи, онъ внимательно, послѣдовательно и подробно останавливается на мелкихъ выводахъ и предположеніяхъ, исчерпывая, такъ сказать, до дна весь запасъ аргументовъ. Напр. въ дѣлѣ Занфтлебенъ ораторъ входитъ въ детальное обсужденіе образа дѣйствій подсудимыхъ послѣ смерти Занфтлебена и доказываетъ положеніе, что подсудимые, если предположить съ ихъ стороны добросовѣстный образъ дѣйствій, должны были составить опись увозимаго душеприказчикомъ генераломъ Гартунгомъ имущества. Опровергая показанія подсудимыхъ о томъ, что они послали за становымъ приставомъ и волостнымъ старшиною, наконецъ, за управляющимъ дачею, ораторъ не ограничивается этимъ, а пространно излагаетъ еще свои соображенія о томъ, кого можно было пригласить въ качествѣ свидѣтелей при описи: священника, жившаго рядомъ или перваго встрѣчнаго крестьянина и попросить его «постоять въ кабинетѣ въ качествѣ свидѣтеля». Это стремленіе все выяснить и предвидѣть, содѣйствуя въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ цѣлямъ обвиненія, чрезмѣрно выдвигаетъ второстепенныя подробности, разбиваетъ вниманіе судей; дѣло поправляетъ ясность изложенія, логичность построенія всей рѣчи и убѣжденіе оратора въ правильности его доводовъ и мнѣній, которымъ отъ начала до конца проникнуты рѣчи Н. В. Муравьева и которое въ известной мѣрѣ невольно должно было передаваться и судьямъ.

Заслуживающей вниманія чертой рѣчей Н. В. Муравьева представляется его корректность въ отношеніи къ противнику и подсудимому, насколько это совмѣщается съ основными взглядами оратора, стоящаго за строгое и точное примѣненіе буквы закона въ цѣляхъ устрашенія и отмщенія. Такъ Н. В. Муравьевъ въ дѣлѣ «Червонныхъ валетовъ» самъ отмѣчаетъ что все неблагопріятное подсудимому Мазурину сводится къ тому «что онъ не былъ достаточно остороженъ, осмотрителенъ, но за излишнее довѣріе никого не судятъ». О другой подсудимой по тому же дѣлу (Червонныхъ валетовъ) прокуроръ замѣчаетъ: «Виновность ея въ настоящемъ дѣлѣ чисто формальная, но нравственная сторона говоритъ вполнѣ въ ея пользу; она, дѣйствительно, стала жертвой несчастнаго стеченія обстоятельствъ» (Рус. суд. ораторы т. III, стр 259, 279). Въ дѣлѣ скопинскаго банка Н. В. Муравьевъ, не отказавшись отъ обвиненія 79 лѣтняго дряхлаго и глухого старика Краснопѣвцова, бывшаго слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Рыкова, тѣмъ не менѣе призналъ, что «неформальные судьи», присяжные, могутъ оправдать его, что отъ этого «ни правосудію, ни обществу убытка не будетъ» (Н. В. Муравьевъ, Изъ прошлой дѣятельности, II, стр. 197, 198).

Ораторъ, сдержанный въ нападеніяхъ на личность подсудимыхъ или участвующихъ въ процессѣ, уступаетъ все, что, по его мнѣнію, можетъ быть оставлено безъ ущерба для обвиненія. Такъ Н. В. Муравьевъ не воспользовался въ полномъ объемѣ показаніями нѣкоторыхъ лицъ о жизни подсудимой Занфтлебенъ, ограничившись намекомъ, что она не представлялась образцовой съ нравственной точки зрѣнія. «Потерпѣвшіе наслѣдники покойнаго, сказалъ онъ, утверждаютъ, что она пользовалась дурной репутаціей, но мы не

будемъ ни поднимать, ни разрѣшать этого щекотливаго вопроса, который въ настоящемъ дѣлѣ имѣетъ мало значенія». (Рус. суд. орат., II, стр. 346); далѣе ораторъ лишь изложилъ фактическія обстоятельства сближенія подсудимой съ ея покойнымъ мужемъ. Такъ же поступилъ Н. В. Муравьевъ и относительно свидѣтелей, показанія которыхъ поддерживали защиту. Онъ указалъ, что сестры покойнаго Занфтлебена подтверждаютъ слова подсудимой, такъ какъ она официально признала за ними право на извѣстную часть якобы переданнаго ей мужемъ состоянія. Если по суду, замѣчаетъ ораторъ объясненія ея (подсудимой) объ этой передачѣ будутъ правильны, и векселя достанутся ей, то въ силу ея же заявленія свидѣтельница получаютъ свои доли; вотъ онѣ и подтверждаютъ, сколько могутъ все, что угодно подсудимой. «Быть можетъ это и не такъ, но при такихъ сомнѣніяхъ, можно ли рѣшиться показанія г-жъ Крадовиль и Хемницъ класть въ основаніе своего сужденія?» (Рус. суд. орат., II, стр. 400). Здѣсь самъ ораторъ признаетъ возможность другого объясненія, онъ не горячится, не старается унизить, уничтожить лицъ, дававшихъ показанія, онъ затрогиваетъ только мотивъ ихъ дѣятельности и на немъ обосновываетъ свой выводъ въ убѣжденіи, что этотъ выводъ является самымъ логичнымъ и вѣроятнымъ. Такая сдержанность лишаетъ противника возможности уклониться отъ рѣшенія основнаго вопроса, напавъ на преувеличенія прокурорской рѣчи, на невѣрность оцѣнки личности подсудимаго или свидѣтелей.

Такъ же спокойно, какъ къ подсудимымъ и свидѣтелямъ, Н. В. Муравьевъ относится и къ противнику. Въ его рѣчахъ не видно желанія свести споръ на личную почву, заподозрить противника въ тенденціозности, въ недостаточномъ вниманіи къ пріемамъ и средствамъ или, что также, къ сожалѣнію, иногда встрѣчается, въ неумѣлости, недобросовѣстности, въ желаніи побѣдить во что бы то ни стало. Въ дѣлѣ Занфтлебенъ нѣкоторые защитники упрекали обвинителя въ неосторожномъ, предубѣжденномъ пользованіи доказательствами. Н. В. Муравьевъ, опровергнувъ эти нареканія, но не переходя въ свою очередь въ прямое нападеніе, ограничился

слѣдующими словами: «вотъ почему обвиненіе смѣетъ думать, что несправедливо были брошены ему упреки въ неосторожномъ обращеніи съ этими доказательствами и что въ отвѣтъ на эти упреки ему остается только напомнить защитѣ мудрый возгласъ: «врачу, исцѣлися самъ». (Рус. суд. оратор., II, стр. 487). Дѣйствительно, Н. В. Муравьева нельзя обвинить въ искаженіи или злоупотребленіи: онъ излагаетъ доказательства, можетъ быть, односторонне, въ слишкомъ опредѣленномъ освѣщеніи, но и только; его можно назвать безпощаднымъ въ преслѣдованіи предполагаемаго виновнаго, но нельзя не признать корректнымъ.

Итакъ, главное въ рѣчахъ Н. В. Муравьева заключается въ комбинированіи доказательствъ, во внимательномъ анализѣ данныхъ судебного слѣдствія. Въ этомъ отношеніи рѣчи Н. В. Муравьева заслуживаютъ полнаго вниманія и изученія. Искусство оратора сказывается здѣсь уже въ самой постановкѣ вопроса, въ ясномъ опредѣленіи цѣлей и путей обвиненія: «съ глубокимъ и искреннимъ убѣжденіемъ... утверждаю, говоритъ онъ въ рѣчи по дѣлу Занфтлебенъ, что въ іюнѣ прошедшаго года ген. Гартунгъ, О. П. Занфтлебенъ и крестьянинъ Мышаковъ... совершили кражу оставшихся послѣ кончины В. К. Занфтлебена торговыхъ книгъ, денегъ и денежныхъ документовъ всего на сумму 200.000 руб. Этотъ тяжкій для подсудимыхъ выводъ изъ судебного слѣдствія я долженъ доказать передъ вами — вотъ мои доказательства». (Рус. суд. оратор., II, 422). Основная мысль процесса рельефно выдвигается въ этихъ словахъ передъ судьями, вмѣстѣ съ тѣмъ ораторъ впередъ уже высказываетъ убѣжденіе въ силѣ своихъ доводовъ, и эта увѣренность оправдывается послѣдующимъ изложеніемъ. Умѣнье подчеркнуть главную мысль, отбѣнить особенности обвиненія и благодаря этому дать ему надлежащее направленіе, можно отмѣтить и въ дѣлѣ «Червонныхъ валетовъ», въ которомъ обвинителю приходилось бороться съ цѣлымъ рядомъ защитниковъ, нужно было объединить массу различныхъ лицъ, и не разбить дѣло на рядъ мелкихъ, независящихъ другъ отъ друга процессовъ. Задача эта была не изъ легкихъ; ораторъ, сознавая ея трудность, и указалъ

судьямъ въ началѣ рѣчи на различіе положенія защиты, естественно раздробившейся по подсудимымъ, каждый представитель которой ограничивается отстаиваніемъ своего кліента, и положенія обвиненія и судей, которымъ «предстоитъ обозрѣть и воскресить въ умѣ и сознаніи личности всѣхъ подсудимыхъ, всѣ преступленія, всѣ обстоятельства въ ихъ общемъ, взаимномъ и совмѣстномъ значеніи». (Рус. суд. оратор., III, 232). Въ чрезвычайно сложномъ процессѣ скопинскаго банка ораторъ также счастливо избѣгнулъ невыгоднаго для обвиненія разсмотрѣнія и оцѣнки бухгалтерскихъ данныхъ и методовъ записей, замѣтивъ, что было бы неблагоразумно вводить судей въ дремучій лѣсъ банковскихъ хитросплетеній и обременять ихъ память мелочами бухгалтеріи: «Для ихъ уразумѣнія достаточно нѣсколькихъ главнѣйшихъ положеній, высказанныхъ почтенными экспертами, а главное правильная постановка нашего собственного отношенія къ дѣлу скопинскаго банка» (Н. В. Муравьевъ, о. с., стр. 125), и благодаря этому лишилъ противниковъ возможности защищаться оспариваніемъ частныхъ и мелочей въ ущербъ основнымъ доказательствамъ обвиненія.

Какъ и другіе судебные ораторы, Н. В. Муравьевъ старается въ нѣкоторыхъ случаяхъ воздѣйствовать на судей похвалами, слѣдуя старому правилу, примѣненіемъ котораго особенно прославился, можетъ быть, наиболѣе ловкій французскій адвокатъ настоящаго столѣтія, Ламо. Напр. въ дѣлѣ «червонныхъ валетовъ» Н. В. Муравьевъ въ такихъ выраженіяхъ оцѣниваетъ дѣятельность присяжныхъ засѣдателей: «Три недѣли, вырванные изъ вашей частной, личной жизни, недѣли, отданныя вами на безкорыстное служеніе высокому гражданскому долгу... вотъ... внѣшняя форма вашего труда, передъ которой не можетъ не преклониться съ благоговѣніемъ само общество, васъ избравшее». (Рус. суд. оратор., III, 230).

Преобладающее значеніе въ рѣчахъ Н. В. Муравьева имѣетъ, какъ сказано выше, аргументація; мѣста, затрогивающія чувство, удаются ему сравнительно меньше, риторика играетъ въ нихъ замѣтную роль. Однимъ изъ лучшихъ патетическихъ мѣстъ

можно считать часть заключенія рѣчи по дѣлу Занфтлебенъ, въ которомъ ораторъ призываетъ присяжныхъ къ возмездію за нарушеніе интереса малолѣтней дочери Занфтлебенъ, о которой отецъ просилъ позаботиться ген. Гартунга и гр. Ланскаго. «Ну вотъ они и постарались и позаботились: опекуны и душеприказчики, мачеха, слуга и повѣренный, всё соединились для того, чтобы облагодѣтельствовать малолѣтнюю сироту-наслѣдницу расхищеніемъ ея имущества. Нравственное чувство глубоко возмущается этою стороною настоящаго дѣла, и когда вы, гг. присяжные засѣдатели... будете сводить расчеты подсудимыхъ съ потерпѣвшими, эту маленькую беззащитную потерпѣвшую вы не забудете». (Рус. суд. орат. II, 422).

Первенствующее положеніе аргументаціи въ рѣчахъ Н. В. Муравьева отражается и на изложеніи, въ немъ главное мѣсто занимаетъ развитіе различныхъ моментовъ событія, характеристики участвующихъ по большей части даются коротко и попутно съ передачей другихъ обстоятельствъ. Въ характеристикѣ Занфтлебена, напр. которой самъ ораторъ придаетъ чрезвычайно важное значеніе, видитъ въ ней ключъ для пониманія дѣла, собственно обрисовывается не столько характеръ Занфтлебена, сколько типичныя событія его жизни, проливающія свѣтъ и на его характеръ. Въ характеристикахъ Н. В. Муравьевъ допускаетъ обобщенія, не захватывающія опять таки глубоко человѣка. Въ дѣлѣ червонныхъ валетовъ онъ такъ охарактеризовалъ всѣхъ подсудимыхъ: «какъ рано выступили эти господа, сказалъ онъ, на преступное поприще, какъ мало основаній они имѣютъ, впоследствии колебаться и краснѣть передъ новыми подвигами... съ давнихъ поръ у нихъ сложилось убѣжденіе, что только тѣ деньги сладки, которыя достались даромъ, путемъ мошенничества и подлога». (Рус. суд. орат., III, 249). Этими словами отмѣчается внѣшняя сторона поведенія, съ несомнѣннымъ и яснымъ преувеличеніемъ, напоминающимъ обрисовку злодѣевъ въ ложноклассическихъ трагедіяхъ, но причинъ, условій, создавшихъ дѣятельность подсудимыхъ мы не видимъ; конечно, подсудимымъ были сладки деньги вообще, а не только деньги, «достав-

шіяся даромъ путемъ мошенничества и подлоговъ», въ противномъ случаѣ нужно было бы возбудить вопросъ о состояніи ихъ умственныхъ способностей.

То же самое можно сказать о большинствѣ другихъ характеристикъ. Напр. ораторъ такъ описываетъ личность подсудимаго Пѣгова (дѣло червонныхъ валетовъ): «Съ самаго ранняго дѣтства, Пѣгова окружала въ родительскомъ домѣ горячая любовь, нѣжная заботливость, старанія направить его на путь истины и добра. Но мальчику пришлось не по вкусу тихая семейная жизнь... и съ первыхъ лѣтъ отрочества его манить въ загородные рестораны, на грубыя оргіи и скандальные кутежи... Шалости Пѣгова стали переходить всякую мѣру, и любящій отецъ не остановился предъ тѣмъ, чтобы силой своей родительской власти отдать его въ исправительное заведеніе». (Рус. суд. орат., III, 272). Характеръ Пѣгова выясняется очень блѣдно, перечисляются его дѣйствія, его поведеніе, оно противопоставляется семейной обстановкѣ, предполагаемой почти что идеальной, но ораторъ и не пытается пойти дальше, указать, почему вопреки всему хорошему Пѣговъ пошелъ противоположной дорогой. То же самое замѣтно и въ характеристикѣ героя Скопинскаго процесса Рыкова: ораторъ даетъ лишь сжатый выводъ данныхъ о его характерѣ, безъ психологической обработки ихъ, ограничиваясь одними утвержденіями и присоединяя къ нимъ свѣдѣнія о дѣятельности Рыкова (Н. В. Муравьевъ о. с. стр. 181—188), а затѣмъ дѣлается выводъ, что, «таковъ въ самомъ бѣгломъ очеркѣ подсудимый Рыковъ, главный виновникъ крушенія скопинскаго банка, разоритель сотенъ семей, самъ совершившій множество преступленій и другихъ во множествѣ толкавшій на преступный путь» и высказывается пожеланіе: «пусть лучше поздно, но хотя часть всего того злого, что Рыковъ такъ долго сѣялъ, онъ же и пожнетъ». (О. с. 188—189). Характеристики помощниковъ Рыкова еще болѣе коротки и опредѣленны, такъ напр. обрисовывается подсудимый Матвѣевъ: «Правая рука Рыкова, повѣренный всѣхъ его тайнъ, авторъ всей преступной бухгалтеріи, обучившійся ей самоучкой и обучившій другихъ—такимъ пред-

ставляется намъ участіе въ дѣлѣ скопинскаго банка Матвѣева». (О. с. стр., 190).

Въ обвинительныхъ рѣчахъ Н. В. Муравьевъ является суровымъ представителемъ возмездія, непоколебимо увѣреннымъ въ святости и правильности своей задачи, которая сводится къ тому, чтобы «воздать каждому по его заслугамъ», по правиламъ, предписаннымъ въ Уложеніи о наказаніяхъ.

«Не жертвы нужны обвиненію, говоритъ онъ въ рѣчи по дѣлу «клуба червонныхъ валетовъ», оно требуетъ только того, чтобы каждый получилъ по заслугамъ, и пусть осмѣлится кто либо сказать обвиненію, что такія требованія его лишены основанія. Вооруженное страшнымъ оружіемъ правды и очевидности и глубоко убѣжденное въ чистотѣ и правотѣ своего дѣла, обвиненіе увѣренно и твердо возвышаетъ передъ вами свой голосъ: оно знаетъ, что противъ него преступленіе, а за него—законъ, справедливость, нравственность, совѣсть и честь». (Суд. ораторы т. III, стр. 233).

Правда, опредѣляя обязанности государственнаго обвинителя, Н. В. Муравьевъ говоритъ (дѣло крестьянъ села Сарай), что «если съ одной стороны нарушенный порядокъ требуетъ возстановленія и поправленный законъ—возмездія, то съ другой—здѣсь передъ нами десятки кормильцевъ и отцовъ семействъ со страхомъ ждутъ рѣшенія ихъ участи. Мы знаемъ также, что на нашемъ отвѣтственномъ мѣстѣ всего важнѣе непристрастіе и справедливость, всего сильнѣе спокойная и твердая умѣренность». (Изъ прошлой дѣятельности, II, стр. 219). Это прекрасныя слова, но увлеченіе борьбой и забота объ охранѣ государства отъ опасныхъ лицъ заставляетъ оратора въ нѣкоторыхъ случаяхъ отводить «умѣренности» въ обвинительныхъ рѣчахъ не совсѣмъ соответствующее мѣсто.

Вполнѣ послѣдовательно съ своей точки зрѣнія Н. В. Муравьевъ неуклонно держится намѣченнаго пути, ничего не уступая противникамъ, настойчиво требуя, чтобы виновный понесъ должное наказаніе, не меньше заслуженнаго имъ по статьѣ закона; характерное въ этомъ отношеніи мѣсто можно указать въ рѣчи по дѣлу Занфтлебенъ относительно подсудимаго Алферова. Ораторъ предоставлялъ присяжнымъ на выборъ

признать Алферова виновнымъ въ пользованіи похищеннымъ векселемъ Николая Занфтлебена, или принять во вниманіе объясненіе подсудимаго и обвинить его въ присвоеніи векселя. «Такое измѣненіе обвиненія, пояснилъ ораторъ, обращаясь къ суду, я нахожу возможнымъ въ виду равенства отвѣтственности за то и другое преступленіе». (Рус. суд. орат., т. II, стр. 418). Въ дѣлѣ крестьянъ села Сарай обвинитель, не отрицая «суровости» требованій закона, признаетъ, что они соотвѣтствуютъ «самой строгой и самой широкой судебной справедливости. Смягчить эту суровость для тѣхъ, кто, какъ напр. И. Барсуковъ, быть можетъ, этого заслуживаетъ, смягчить въ предѣлахъ, превышающихъ права суда, можетъ одно лишь высшее милосердіе... Во всякомъ случаѣ при удовлетвореніи требованій обвиненія будутъ наказаны дѣйствительно виновные, *каждый по мѣрѣ содѣяннаго, по степени и по характеру своей вины*». (Н. В. Муравьевъ, о. с. стр. 230). Неясность этого мѣста невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Если постановленія закона суровы и хотя бы для нѣкоторыхъ подсудимыхъ желательно прибѣгнуть къ высшему милосердію, то нельзя говорить, что наказаніе соотвѣтствуетъ винѣ каждаго; если же оно соотвѣтствуетъ винѣ каждаго, то нѣтъ надобности въ высшемъ милосердіи. Соединеніе двухъ несомвѣстимыхъ другъ съ другомъ положеній какъ бы свидѣтельствуемъ, что ораторъ жертвуетъ кое-чѣмъ въ интересахъ обвинительнаго приговора.

Своеобразный отпечатокъ на рѣчи Н. В. Муравьева налагаетъ и его стремленіе быть охранителемъ не только величій государства, безстрастнымъ блюстителемъ закона, но и защитникомъ, признаваемыхъ имъ нравственныхъ началъ. Ораторъ поэтому не упускаетъ случая указать отступленіе подсудимаго отъ правилъ нравственности, которое, по его мнѣнію, должно также влечь за собой суровое возмездіе. Эта черта отмѣчена въ дѣлѣ «червонныхъ валетовъ» въ рѣчи О. Н. Плевако, который указалъ, что въ обвиненіи «было замѣтно, какъ моралистъ, оскорбленный распущенностью наблюдаемой и изучаемой имъ среды, оставлялъ назади спокойнаго юриста». (Рус. суд. ор., III, 293). Наклонностью къ морализированію

и увѣренностью въ правотѣ своихъ взглядовъ, какъ кажется, объясняется отчасти и страстность обвиненія въ рѣчахъ Н. В. Муравьева, его желаніе не допустить торжества вредныхъ элементовъ, обезопасить отъ нихъ общество путемъ кары, въ цѣлесообразности и значеніи которой обвинитель не сомнѣвается; устрашеніе представляется ему необходимымъ. Остальное слѣдуетъ приписать впечатлительности и темпераменту оратора. Въ дѣлѣ «червонныхъ валетовъ», между прочимъ, разсматривалось и обвиненіе въ кошунствѣ, состоявшее въ томъ, что нѣсколько подсудимыхъ устроили въ шутку подобіе похоронъ. Н. В. Муравьевъ настаивалъ на обвиненіи и по этому пункту, не имѣвшему въ общей массѣ преступленій никакого значенія: «Если подсудимые хотять выдавать это за шалость, то это само указываетъ на кошунственный характеръ ихъ поступка... Но это поведеніе должны заклеймить своимъ обвинительнымъ приговоромъ присяжные, дабы и другимъ *неповадно было такъ дѣлать*». (Рус. суд. орат. III, 280); послѣднія слова напоминаютъ обороты рѣчи Уложенія царя Алексѣя Михайловича и не могутъ не показаться анахронизмомъ въ наши дни, когда кредитъ устрашенія давно уже потерянъ.

По мнѣнію Н. В. Муравьева судъ является въ нѣкоторомъ родѣ и школою нравственности: въ заключеніи по дѣлу Стоянова онъ прямо указалъ присяжнымъ на это значеніе ихъ вердиктовъ «на столбцахъ газетъ, и въ общественныхъ впечатлѣніяхъ васъ слушаютъ, рѣшеніями вашими поучаются, на нихъ воспитываются, изъ нихъ выводятъ заключенія люди, еще колеблющіеся». (Н. В. Муравьевъ, о. с. 241, 242). Едва ли нужно говорить о томъ, что такое расширеніе задачи правосудія неправильно и опасно: конечно, присяжные выносятъ вердиктъ, оцѣнивая дѣятели и дѣяніе съ разныхъ точекъ зрѣнія, но все-таки приговоръ постановляется на основаніи доказательствъ, зависитъ отъ ихъ достаточности или недостаточности и, если присяжные могутъ по совѣсти оправдать виновнаго, по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ преступившаго букву закона, то они не могли бы обвинить кого-либо «для поученія и воспитанія», когда судебное слѣдствіе даетъ для этого мало основаній, возбуждаетъ сомнѣнія.

Горячность и увлеченіе вызываютъ въ извѣстной мѣрѣ и односторонность оратора, заставляють его относиться требовательно къ подсудимымъ, оставляя безъ вниманія бытовую, конкретную обстановку, въ которой они находились въ моментъ совершенія преступленія. Въ дѣлѣ Занфтлебена, стараго ростовщика, не внушавшаго особенно нѣжныхъ чувствъ окружающимъ, были двѣ стороны—его вдова, молодая женщина, вышедшая замужъ только въ расчетѣ на улучшеніе имущественнаго положенія, которая послѣ смерти мужа по точному смыслу его завѣщанія получала сравнительно ничтожное обезпеченіе, и затѣмъ дѣти покойнаго, его законные наслѣдники. Въ моментъ смерти обѣ стороны думали одинаково о матеріальныхъ интересахъ; наслѣдники черезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти Занфтлебена подняли уже споръ со вдовою обѣ имуществѣ; ораторъ не ставитъ имъ въ вину такого поведенія, не безъ основанія находя его естественнымъ, но за то обрушивается на вдову и требуетъ отъ нея, чтобы узнавъ о смерти нелюбимаго мужа, угрожавшей ей тяжкими матеріальными послѣдствіями и немедленнымъ появленіемъ наслѣдниковъ, она забыла обо всемъ и отправилась къ трупу «плакать и молиться» (Рус. суд. оратор., II, 360); подобное требованіе нельзя не признать, несоответствующимъ обычному ходу жизни, теоретическимъ желаніемъ, предполагавшимъ совершенно другія отношенія между покойнымъ и его женою.

Увлеченіемъ оратора объясняется и то обстоятельство, что иногда онъ обращается въ цѣляхъ воздѣйствія на присяжныхъ къ помощи соображеній, постороннихъ для дѣла (что обыкновенно избѣгается ораторомъ; выше были указаны примѣры его безпристрастнаго и объективнаго отношенія къ дѣлу и участвующимъ). Горячность борьбы заставляетъ однако оратора по временамъ отступать отъ основнаго правила — въ дѣлѣ Занфтлебена, убѣждая присяжныхъ вынести обвинительный приговоръ, Н. В. Муравьевъ говоритъ: «Тысячи людей и здѣсь и за предѣлами этой залы съ нетерпѣніемъ ждутъ вашего отвѣта о виновности подсудимыхъ... Они хотятъ знать,

такъ ли общественное правосудіе караетъ за преступленія сильныхъ, какъ и слабыхъ людей... Они хотятъ слышать, можно ли безнаказано, прикрываясь своимъ положеніемъ... поправлять свои обстоятельства путемъ кражи у мертвого и его малолѣтней наслѣдницы». (Рус. суд. оратор., II, 422). Эти слова ничего не могутъ прибавить къ силѣ обвинительной рѣчи: «тысячи людей» должны были ждать отъ правосудія единственнаго отвѣта на вопросъ о томъ, совершили ли ген. Гартунгъ и его соучастники приписываемое имъ преступленіе. Другія соображенія ничтожны для судей, которые, конечно, не вынесли бы обвинительнаго приговора для доказательства того, что одинаково относятся къ богатымъ и бѣднымъ, вліятельнымъ и простымъ гражданамъ.

Подобныя обращенія къ постороннимъ обстоятельствамъ встрѣчаются и у другихъ судебныхъ ораторовъ, но въ рѣчахъ Н. В. Муравьева они попадаются чаще, составляютъ приемъ эффектнаго заключенія рѣчи по важному дѣлу. Напр. въ дѣлѣ о подкупѣ присяжныхъ Н. В. Муравьевъ, настаивая на обвиненіи виновныхъ, говоритъ, что законъ довѣряетъ присяжнымъ и что отъ нихъ зависитъ поддержать «эту великодушную вѣру», «подсудимыхъ, торговавшихъ своей присягой вы обвините, а вѣру закона въ возможность правосудія на присяжномъ судѣ вы оправдаете». (Н. В. Муравьевъ о. с. стр. 269). Эта сомнительная игра словъ, въ которой ради красивой фразы ораторъ ставитъ себя подъ серьезные удары противника: вѣра въ судъ присяжныхъ подъ судомъ не находилась и потому не могла быть ни обвинена, ни оправдана; къ тому же поддержать довѣріе можно только справедливымъ приговоромъ — обвинительнымъ или оправдательнымъ это ужъ зависитъ отъ даннаго случая — и присяжные могли разойтись во мнѣніи съ обвинителемъ, нисколько не нарушая интересовъ правосудія. То же можно сказать и о заключеніи по дѣлу кн. Крапоткина, въ которомъ судебнымъ приговоромъ предлагалось сказать, что «рѣшительнаго осужденія со стороны суда заслуживаетъ тотъ образъ дѣйствій, который земское служеніе общественному благу превращаетъ въ поприще какихъ то личныхъ

видовъ, въ темную борьбу самолюбій и расчетовъ, выгодъ и иныхъ не лучшихъ вождельнѣй». (О. с., стр. 294). На это можно замѣтить, что въ такомъ отношеніи *судей*, какъ интеллигентныхъ и порядочныхъ людей, никто не сомнѣвался, но что мнѣнія *суда* объ этомъ никто не спрашивалъ, и что не его дѣло было высказывать мнѣніе о мѣстныхъ счетахъ и способахъ борьбы земскихъ партій.

На слогъ Н. В. Муравьева рельефно отражаются хорошія и дурныя стороны его дарованія. Пока онъ не выходитъ за предѣлы фактовъ и обстоятельствъ дѣла и ихъ юридической оцѣнки, слогъ его можно назвать вполне яснымъ, точнымъ, простымъ и даже красивымъ, за исключеніемъ мѣстъ, въ которыхъ ораторъ прибѣгаетъ къ ироніи и юмору, не подходящихъ къ характеру его краснорѣчія и потому не производящихъ большого впечатлѣнія. Но когда Н. В. Муравьевъ переходитъ въ область общихъ мѣстъ, къ воздѣйствию на чувство, требующихъ большой общей подготовки оратора, способности глубоко чувствовать и отзывчивости, которыхъ не могутъ дать ни спеціальныя знанія, ни служебная практика, тутъ его слогъ часто переходитъ въ громкую, но безцвѣтную реторику, напоминающую по техникѣ наиболѣе неудачныя мѣста Цицероновскихъ рѣчей. Ораторъ прибѣгаетъ къ высокимъ словамъ, къ повтореніямъ и достигаетъ внѣшнихъ эффектовъ въ ущербъ силѣ и содержательности рѣчи, тонушей въ цвѣтахъ риторическаго краснорѣчія. Таково, напр. заключеніе по дѣлу Скопинскаго банка, въ которомъ ораторъ патетически сравниваетъ вердиктъ присяжныхъ съ молніей и громомъ: «Воздухъ душень, дышать тяжело, нависли мрачныя тучи, все кругомъ мертво и уныло, все давитъ и гнететь, доводитъ почти до отчаянія, до страстнаго желанія уйти, спрятаться, не слышать, не видѣть... Но такъ же, какъ молнія прорѣзаетъ тьму и внезапно освѣщаетъ пространство, какъ ударъ грома и потоки дождя благодатной грозою очищаютъ воздухъ, такъ и «виновень» суда присяжныхъ разрѣшаетъ всѣ тягостныя недоумѣнія». Въ приведенномъ мѣстѣ сравненіе слишкомъ напыщенно, краски и эффекты чрезмерно сгущены, а все это заставляетъ невольно предпола-

гать о желаніи оратора замѣнить чувство словами. Еще менѣе удаченъ самый конецъ рѣчи: «Мы просимъ, мы требуемъ у васъ примѣрнаго, спасительнаго, строгаго правосудія—и мы вѣримъ, мы знаемъ, мы ждемъ—вы намъ дадите его». (О. с., стр. 209). Эти строки положительно производятъ впечатлѣніе, составленныхъ по правиламъ римской реторики и ея послѣдователей въ XVII и XVIII вѣкахъ, но, что было хорошо въ названныя эпохи, давно уже перестало быть такимъ для нашего времени. Подобныя мѣста не могутъ испортить *судебныхъ рѣчей* Н. В. Муравьева, гдѣ они ступеньваются въ общемъ ходѣ изложенія, другое дѣло рѣчи, составленныя по поводу разныхъ общественныхъ вопросовъ, которыя авторъ счелъ нужнымъ помѣстить въ собраніи своихъ сочиненій. Эти рѣчи къ ораторской извѣстности Н. В. Муравьева ничего прибавить не могутъ. Останавливаться на ихъ разборѣ не представляется надобности, укажу только, что фраза положительно преобладаетъ въ нихъ надъ содержаніемъ. Для примѣра приведу хотя бы мѣсто изъ рѣчи при открытіи суда въ Петрозаводскѣ, въ которой ораторъ говорить о Петрѣ Великомъ: «Когда два вѣка тому назадъ въ Олонецкихъ лѣсахъ... застучалъ топоръ Великаго царя и подь его исполинскою поступью изъ нѣдръ Олонецкой земли впервые выступили ея богатства». (О. с. стр. 380). Внѣшняя сторона здѣсь уже слишкомъ беретъ верхъ надъ всѣмъ другимъ, и въ рѣчи видно только стремленіе оратора говорить необычайно красиво и торжественно, «высокимъ слогомъ».

Резюмируя сказанное о рѣчахъ Н. В. Муравьева, можно сдѣлать выводъ, что если въ пониманіи душевной жизни и характера человѣка, онъ уступаетъ другимъ судебнымъ ораторамъ, то, по построенію аргументаціи и изложенію его рѣчи могутъ быть сопоставлены съ лучшими образцами русскаго судебного краснорѣчія. Основательное изученіе дѣла до мельчайшихъ деталей, умѣлое пользованіе матеріаломъ, ясное изложеніе и логичное построеніе рѣчи, позволяющее слушателямъ разбираться въ подробностяхъ запутаннаго и сложнаго дѣла—всѣ эти качества придаютъ судебнымъ рѣчамъ Н. В. Муравьева не только внѣшній блескъ, но и обез-

печиваютъ интересное и богатое содержаніе. Въ Н. В. Муравьевѣ виденъ ораторъ обладающій хорошею *спеціальной* подготовкой, съ которымъ трудно бороться, когда онъ остается въ области непосредственнаго обсужденія фактовъ и обстоятельствъ дѣла.

СПбГУ

V.

Общая характеристика рѣчей прокуроровъ.

Краснорѣчіе прокуроровъ въ Россіи, если не считать рѣчей выдающихся прокуроровъ, число которыхъ не особенно велико, не отличается блескомъ, что сознается и судебными дѣятелями, ознакомившимися на практикѣ съ краснорѣчіемъ обвинителей. Такъ, г. Левенстимъ (въ этюдѣ «Рѣчь государственнаго обвинителя». Спб. 1894. стр. 3) указываетъ, что «всякій безпристрастный человѣкъ, которому пришлось слѣдить за рѣчами нашей прокуратуры, долженъ сознаться, что общее впечатлѣніе этихъ рѣчей сѣрое, безцвѣтное. Онѣ вовсе не подкрѣпляютъ силу уликъ, а напротивъ, весьма часто даютъ въ руки защиты новое оружіе для борьбы».

Остановимся сначала на ознакомленіи съ рѣчами прокуроровъ перваго періода судебной дѣятельности, когда ораторамъ пришлось работать въ непривычной обстановкѣ, когда не было еще примѣровъ и указаній опыта (русскаго). Къ этой эпохѣ относится выступленіе на сцену лучшихъ представителей прокуратуры, сумѣвшихъ преодолѣть трудности, представляемая новой дорогой, эти трудности, конечно, должны были больше всего чувствоваться другими, менѣе сильными обвинителями, ораторская дѣятельность которыхъ естественно была менѣе удачной. Въ рѣчахъ прокуроровъ этого времени слѣдуетъ отмѣтить вѣрный тонъ въ томъ смыслѣ, что они, не гоняясь вообще за фразой, — за виѣшной

отдѣлкой рѣчи, съ которой большинству было бы не легко справиться, довольствовались тѣмъ, что называется «дѣловымъ стилемъ», ограничивались изложеніемъ дѣла. Такой характеръ носятъ вступленія рѣчей по многимъ дѣламъ (напр., рѣчь г. Роде по дѣлу Бильбасова, 1868 г. Судебныя драмы 1898, № 11, стр. 143), въ нихъ выясняется интересъ и значеніе дѣла въ немногихъ словахъ, таково, напр., вступленіе обвинительной рѣчи по дѣлу Дмитріевой (1871 г.), въ которомъ отдѣляется особенность преступленія, положеніе подсудимой, обвиненія и защиты, что являлось вполне необходимымъ, такъ какъ процессъ, захватившій весьма вліятельныхъ и видныхъ лицъ губернскаго города, въ которомъ происходило разбирательство, вызвалъ большое возбужденіе и не мало разнообразныхъ толковъ (Русскіе судебныя ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. II, стр. 30). То же можно сказать и объ обвинительной рѣчи по дѣлу игуменьи Митрофаніи, вступленіе которой посвящено общему, но толковому анализу особенностей дѣла, въ немъ указано, что подсудимая не можетъ прикрываться ссылкой на благотворительную дѣятельность, такъ какъ послѣдняя пользуется сочувствіемъ лишь при чистыхъ средствахъ; такое вступленіе должно было сразу поставить судей на надлежащую точку зрѣнія (Рус. суд. ораторы, II, 180).

Въ заключеніяхъ рѣчей замѣчается та же сдержанность; ораторъ просто дѣлаетъ выводъ, не стремясь воздѣйствовать на чувство судей, для чего требуется искусство и глубокое ораторское увлеченіе. Напр.: «Такимъ образомъ, взирая на эти обстоятельства... если бы вы даже не повѣрили показаніямъ свидѣтелей... то вы должны придти къ тому убѣжденію, что виновность подсудимаго несомнѣнно доказана». (Судебныя драмы, 1898, № 11, стр. 158). Другая рѣчь того же прокурора заканчивается указаніемъ, что предложеніе подсудимымъ мировой сдѣлки равно сознанію, которое подтверждается также, главнымъ образомъ, свидѣтелями и потерпѣвшимъ; никакихъ дальнѣйшихъ поясненій и требованій обвинитель не ставитъ (рѣчь г. Роде. Суд. драмы, 1896, 6, стр. 92).

Если встрѣчается отступленіе отъ этого тона заключеній, то обыкновенно оно дѣлается въ небольшомъ размѣрѣ. Прокуроръ довольствуется одной, двумя фразами, могущими повліять на чувство: «Обсудите же со всѣхъ сторонъ это дѣло, г.г. присяжные, карайте преступленіе, гдѣ бы оно ни скрывалось. Виновность лицъ, преданныхъ суду, ясна и вполнѣ доказана. Вы убѣдитесь въ этомъ еще сильнѣе, выслушавъ доводы обвиненія... по дѣлу о векселяхъ Солодовникова». (Рус. суд. ораторы, II, стр. 234, дѣло игуменьи Митрофаніи, 1874 г.). Скромную попытку обращенія къ паѳосу можно указать, напр., въ рѣчи г. Обнинскаго по дѣлу «Качка», въ послѣднихъ словахъ которой обвинитель выражаетъ надежду, что присяжные не оставятъ подсудимую безъ наказанія, котораго одинаково требуютъ какъ ея собственная возмущенная совѣсть, такъ и совѣсть общественная, представителями которой они являются. (Рус. суд. ораторы, III, стр. 386).

Главное вниманіе въ прокурорскихъ рѣчахъ обращается на доказательства, остальные отдѣлы служатъ какъ бы дополненіемъ и поясненіемъ доводовъ обвинителя. Иногда детальное разсмотрѣніе аргументовъ въ сухомъ изложеніи безъ строгаго и систематическаго плана ослабляетъ впечатлѣніе рѣчей, мѣшаетъ видѣть основное за второстепеннымъ, но общее стремленіе обвинительныхъ рѣчей, остающихся въ области логики, оперирующихъ съ фактами, хотя и не всегда, быть можетъ, удачно и продуманно, нельзя не признать правильнымъ и желательнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ораторъ чувствуетъ себя не особенно сильнымъ въ искусствѣ обращаться со словомъ такъ, чтобы оно повиновалось его мыслямъ и желаніямъ, чтобы передача ихъ заставляла слушателей думать и чувствовать вмѣстѣ съ нимъ. Примѣръ хорошей постановки доказательствъ представляетъ упомянутая рѣчь г. Обнинскаго по дѣлу Качка, гдѣ прокурору пришлось разбираться въ психологическихъ данныхъ, уяснить мотивы преступленія, такъ какъ оно (убійство изъ ревности молодою дѣвушкою своего жениха) было совершено при романической обстановкѣ, подсудимая возбуждала симпатію присяжныхъ, и защита встрѣтила бы полное сочувствіе въ объясненіи пре-

ступленія аффектомъ. Г. Обнинскій и установилъ въ сдержанной формѣ безъ наложенія густыхъ красокъ, что нѣтъ основаній предполагать ненормальное состояніе подсудимой въ моментъ совершенія дѣянія, осторожно разобралъ выводы экспертовъ, выдѣливъ изъ нихъ дѣйствительно имѣющіе на его взглядъ научную цѣнность; затѣмъ ораторъ вполне цѣлесообразно привелъ выдержки изъ извѣстныхъ работъ по психологіи, поддерживавшихъ его мнѣніе и дававшихъ ему право отстаивать положеніе, что преступленіе было сознательно, что оно было совершено лицомъ, способнымъ къ тонкому и глубокому анализу личныхъ ощущеній и тонкой восприимчивости явленій внѣшняго міра (Рус. суд. ораторы, III, 373, 376, 380, 381). Вообще г. Обнинскій одинъ изъ немногихъ прокуроровъ, умѣющихъ болѣе или менѣе справляться съ патетическими мѣстами: такъ, желая возбудить симпатіи присяжныхъ къ убитому Качкой, ораторъ говоритъ : «За Байрашевскаго никто не явился... мы не видимъ здѣсь безутѣшнаго горя его родителей... Не слышимъ здѣсь отчаяннаго плача его невѣсты... Я одинъ здѣсь говорю отъ его имени, на мнѣ одномъ лежитъ обязанность защищать передъ вами его святое право на осужденіе убійцы... Онъ умеръ съ дѣтскою беззаботною улыбкою на устахъ... Врядъ ли у человѣка съ чернымъ прошедшимъ можно подмѣтить въ моментъ смерти такую улыбку.» (Рус. суд. ораторы, III, 382). Приведенное здѣсь мѣсто могло произвести впечатлѣніе на присяжныхъ, менѣе удаченъ его конецъ, въ которомъ напрасно говорится о святомъ правѣ убитаго на наказаніе, такъ какъ послѣднее вызывается другими соображеніями и не служитъ удовлетворенію потерпѣвшихъ; сомнительно также и соображеніе, что у человѣка «съ чернымъ прошлымъ» не можетъ быть дѣтски беззаботной улыбки.

Въ отношеніяхъ къ противникамъ и подсудимымъ лучшіе обвинители держатся корректно. Отступленія отъ этого попадаютъ въ немногихъ случаяхъ и объясняются взаимнымъ обостреніемъ въ объясненіяхъ, излишнимъ увлеченіемъ, вызваннымъ желаніемъ поддержать мнѣніе, въ правильности котораго убѣжденъ обвинитель. Примѣръ неудачной поста-

новки вопроса о личных отношеніяхъ представляетъ дѣло Дмитріевой. Въ рѣчи по этому дѣлу прокуроръ указывалъ на существованіе слуховъ о томъ, что на присяжныхъ «будутъ употреблены всевозможныя вліянія, всевозможныя мѣры, чтобы добиться оправдательнаго приговора. Я, конечно, не пользуюсь въ здѣшнемъ обществѣ такую извѣстностью, какую пользуются, можетъ быть, петербургскіе и московскіе защитники подсудимыхъ. Я пріѣхалъ сюда первый разъ, потому лично я не могу оказать на кого-либо вліянія... Не имѣю права признавать за собой особенныхъ достоинствъ, вслѣдствіе которыхъ я могъ бы подѣйствовать на ваше убѣжденіе, я буду стараться... точно возстановить обстоятельства этого дѣла» (Р. суд. ораторы, II, 32). Такое нападеніе врядъ ли можно назвать соотвѣтствующимъ достоинству судебного спора. Инсинуаціи и намеки на то, что противники будутъ дѣйствовать недобросовѣстно, воспользуются своими талантами, тогда какъ прокуроръ не отличается «особенными достоинствами» и повліять на убѣжденіе не въ состояніи, нисколько не улучшаютъ положенія обвинителя: судьи должны были составить убѣжденіе по дѣлу независимо отъ личныхъ качествъ представителей обвиненія и защиты; и во всякомъ случаѣ никто не былъ виноватъ въ томъ, что прокуроръ чувствовалъ себя слабымъ въ сравненіи съ противниками, онъ не долженъ былъ принимать на себя непосильной задачи— вотъ единственный отвѣтъ, который можно дать на подобныя жалобы.

Составленіе общихъ мѣстъ также слѣдуетъ отнести къ наиболѣе труднымъ ораторскимъ приѣмамъ, съ которыми обращаться нужно очень осторожно лицамъ, не обладающимъ значительными ораторскими дарованіями. Неудивительно поэтому, что общія и патетическія мѣста мало удаются обвинителямъ, такъ, напр., обвинитель по дѣлу Бильбасова (1868 г.), говоря о довѣрїи и осторожности въ сдѣлкахъ, замѣтилъ: «не встрѣчаемся ли мы ежедневно съ подобнаго рода неосторожностями, не производятся-ли въ судахъ дѣла, которыя возникаютъ изъ подобнаго рода неосторожностей, не являются ли здѣсь многіе подсудимые, которые могли совершить свои

преступленія только потому, что был недостатокъ осторожности» (Суд. драмы 1898, 11, стр. 152). Бѣдность слога, повтореніе одной и той же мысли почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ уничтожаютъ значеніе этого мѣста, которое гораздо больше бы выиграло, если бы ораторъ просто ограничился ссылкой на то, что неосторожность и довѣріе въ сдѣлкахъ представляются обычнымъ явленіемъ. Въ подобномъ же родѣ составлено общее разсужденіе, напр., въ обвинительной рѣчи по дѣлу Мельницкаго (Рус. суд. ораторы, III, стр. 101 и 102) на тему: кто пострадалъ отъ его преступленія и какія мысли вызываютъ «страданія массы учрежденій».

На ряду съ общими мѣстами и характеристики не отличаются глубиною и продуманностью. Отдѣльные отрывки разбрасываются по всей рѣчи и заслоняются другимъ матеріаломъ, отчего характеристика въ такихъ случаяхъ теряетъ опредѣленность и ясность. Какъ примѣръ, можно привести характеристику игуменьи Митрофаніи, на личности которой, по мнѣнію прокурора, «сосредоточивался весь интересъ дѣла» (Р. суд. ор., II, стр. 184 и 229) и которая начинается во вступленіи и продолжается уже почти въ концѣ рѣчи.

Перехожу къ прокурорскимъ рѣчамъ за послѣдніе годы (1891—1898 г.). Тридцатилѣтній періодъ работы могъ, конечно, отразиться на рѣчахъ молодыхъ обвинителей, путь которымъ былъ указанъ дѣятелями, выступившими на арену въ 60 годахъ; за это же время многіе имѣли возможность пріобрѣсти опытъ, котораго не доставало въ началѣ, выработать свои дарованія и достигнуть значительнаго усовершенствованія. Разсмотрѣніе рѣчей по выдающимся процессамъ послѣднихъ лѣтъ не указываетъ разницы между прошлымъ и настоящимъ, общій характеръ прокурорскихъ рѣчей остается тотъ же. И въ настоящее время онѣ носятъ по преимуществу дѣловой характеръ и особенно трудные отдѣлы рѣчи—патетическія и общія мѣста, характеристикеи дѣйствующихъ лицъ, воспроизведеніе бытовой обстановки—составляютъ и теперь слабыя части въ рѣчахъ обвинителей. Напр., въ дѣлѣ о растратахъ въ «Сѣверномъ страховомъ обществѣ» (1898 г.)

прокуроръ опровергалъ возможность допущенія легкомыслія, въ одномъ изъ подсудимыхъ, Сѣткинѣ, и для этого характеризовалъ его, какъ человѣка, охваченнаго страстью къ легкой наживѣ. «Поступивши на службу въ общество безо всего, Сѣткинъ быстро поднимается вверхъ, выигрываетъ на биржѣ 360.000 руб., но на этомъ не останавливается и продолжаетъ играть». Возвращаясь въ концѣ рѣчи къ Сѣткину, прокуроръ повторяетъ, что «ему нужно генеральство, почеть, всеобщее удивленіе. Онъ стремится отличиться призовыми рысаками, курами, которыхъ онъ выставляетъ на выставкахъ—и кончаетъ скамьей подсудимыхъ» (Суд. драмы, 1888 г. № 7. Отчетъ, стр. 101, 104). Въ этой характеристикѣ какъ разъ приводятся данныя, пригодныя для того, чтобы доказать легкомысліе подсудимаго, т. е. обратное утверждаемому обвинителемъ; кромѣ того характеристика состоитъ изъ простаго сопоставленія фактовъ, дѣльнаго облика подсудимаго въ ней не дается.

Также мало убѣдительно психологическое соображеніе обвинителя въ процессѣ Кронштадскаго банка о томъ, что одному изъ подсудимыхъ, желавшему прибѣгнуть къ самоубійству, не было бы надобности этого дѣлать, когда за нимъ не было бы ничего дурного, и ему не грозила бы уголовная кара (Рус. суд. оратор., V, стр. 314). Ораторъ упустилъ изъ виду, что этотъ вопросъ могъ быть рѣшенъ только при ближайшей оцѣнкѣ личности подсудимаго, что въ чуткой совѣсти высшая степень отчаянія можетъ быть вызвана и при сознаніи своей невинности съ уголовной точки зрѣнія.

Паеосъ и реторика употребляются, какъ и прежде, не всегда успѣшно. Въ дѣлѣ братьевъ Скитскихъ обвинитель дѣлаетъ, напр., такой патетическій выводъ изъ своей аргументаціи: «Мнѣ припоминаются слова преосвященнаго, сказавшаго Скитскому: «Ты камень носишь въ своемъ сердцѣ противъ Комарова». Но теперь камня уже не было, онъ бросилъ имъ въ Комарова и убилъ его. И потому онъ не можетъ не скрываться, онъ скитается, блуждаетъ какъ дикій звѣрь, чтобы заглушить голосъ совѣсти, которая кричитъ ему: ты убійца». (Суд. драмы, 1898 г., № 10, стр. 52). Вычур-

ность и излишнюю приподнятость этого мѣста легко замѣтить, нужно только уяснить себѣ дѣйствительное значеніе образнаго выраженія, какъ Скитскій бросилъ въ Комарова камень, «который носилъ въ сердцѣ», и учинилъ этимъ необычнымъ до сихъ поръ орудіемъ — убійство, послѣ чего сталъ свитаться, «какъ звѣрь».

Излишними въ рѣчахъ прокуроровъ являются и риторическія обращенія и фигуры напоминающія краснорѣчіе французскихъ адвокатовъ и вносящія въ рѣчь ненужную мелодраматичность. Такъ, въ дѣлѣ объ убійствѣ Бефани прокуроръ обратился къ подсудимому со слѣдующими словами: «Есть ли тутъ чѣмъ гордиться г. Орловъ? Если вы нравственную, хорошую женщину возвели въ свои любовницы, если вы честную женщину довели до паденія, лишивъ ее воли, то развѣ это васъ выставляетъ съ хорошей стороны». (Отчетъ по дѣлу, ст. 58). Эта моральная сентенція въ видѣ вопроса къ подсудимому могла бы быть устранена безъ всякаго ущерба для дѣла. Такъ же риторично и заключеніе по дѣлу Скитскихъ: «Вся обстановка его (преступленія) настолько вызываетъ отвращеніе и такъ и молитъ о мести, такъ и взываетъ о наказаніи... Къ великому сожалѣнію въ нашемъ отечествѣ существуютъ еще учрежденія, въ которыхъ царствуетъ тьма... Слава тому, который вносилъ лучъ свѣта въ темную среду. Слава и вѣчная память Комарову, убитому за правду; позоръ и строгая казнь его темнымъ убійцамъ». (Суд. драмы, 1898 г., № 10, стр. 55). Это славословіе является новымъ способомъ проявленія прокурорскаго паѳоса, но едва ли его можно признать удачнымъ. Еще менѣе удаченъ призывъ къ «мести», которой государственное наказаніе въ настоящее время не служитъ, преслѣдуя инныя болѣе высокія и достойныя его цѣли. Подобное внесеніе постороннихъ элементовъ въ рѣчь можетъ только помѣшать спокойному обсужденію дѣла, дать широкій просторъ для критическихъ нападеній противника. Искреннее чувство и убѣжденіе не нуждаются въ такой риторикѣ, чтобы передаться слушателямъ. Какъ и въ ранѣе отмѣченныхъ рѣчахъ, такъ и въ настоящее время наиболѣе сильная сторона обвинительныхъ рѣчей въ доказа-

тельстввахъ. Такова рѣчь В. Д. Шидловскаго по дѣлу Максименко при вторичномъ разбирательствѣ (въ 1891 г.) этого процесса, въ которомъ обвиненіе за отсутствіемъ главнаго свидѣтеля было въ неблагопріятномъ положеніи, не говоря уже о томъ, что вторичный разборъ происходилъ послѣ оправдательнаго приговора. Прокуроръ очень умѣло, хотя мѣстами съ напрасной рѣзкостью, разобралъ экспертизу по дѣлу и поддержалъ правильный на его взглядъ выводъ, и затѣмъ уже подкрѣпилъ его другими обстоятельствами дѣла и странностью поведенія подсудимыхъ: «Въ этотъ день (смерти Максименко) Александра Егоровна проявляетъ особенную заботливость о мужѣ. Въ этотъ день Ризниковъ приходитъ въ домъ, но не показывается больному... Въ эту ночь подсудимая почему то спитъ не на кровати, а на полу. Да, странный это былъ день». (Рус. суд. ораторы, I, стр. 227).

Встрѣчаются и теперь отступленія отъ необходимой сдержанности въ отношеніи къ личности участвующихъ въ процессѣ и допущеніе со стороны прокуроровъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ личныхъ нападеній съ цѣлью вызвать негодованіе присяжныхъ противъ подсудимыхъ. По дѣлу о Минскихъ безпорядкахъ, обвинитель съ достойной сожалѣнія подробностью и настойчивостью остановился на существованіи «дикой ненависти и дерзости» евреевъ къ христіанскому населенію и къ солдатамъ, объясняя что евреи не нападали на полицейскихъ, очевидно, оттого, что, хотя евреи «дерзки и наглы, но они хитры и осторожны», и наконецъ, какъ бы увѣнчивая свою систему закончилъ указаніемъ на то, что «обвинительнаго приговора ждуть не только Минскъ, но ждуть всѣ русскіе, увѣренные, что вы г.г. судьи, сломите гордыню евреевъ и сумѣете обуздать эту грязную, неряшливую и нравственно и физически толпу». (Рус. суд. ораторы IV, стр. 319, 320). По поводу этого мѣста, я ограничусь лишь замѣчаніемъ, что прокурору должно быть извѣстно, что судъ призванъ не сламывать чью-либо гордыню и обуздывать толпу—это не его дѣло,—а творить правосудіе. Тоже самое слѣдуетъ сказать по поводу обвинительной рѣчи по дѣлу Кагана Левитъ, гдѣ встрѣчались подобные же приемы. (Розенцвейгъ, Изъ залы суда,

стр. 143, 147). Нужно думать, что такіе способы воздѣйствія на судей составляютъ исключеніе, только подтверждающее правило корректности полемическихъ приѣмовъ прокуратуры.

Въ общемъ, оцѣнивая прокурорскія рѣчи, произносимыя въ наши дни, можно сказать, — что въ нихъ не замѣтно особаго искусства и подготовки. Кое въ чемъ можно видѣть вліяніе рѣчей А. Ө. Кони, но это не много помогаетъ прокурорскому краснорѣчію, и о немъ приходится повторять сказанное ранѣе, т. е., что среди прокуроровъ были и есть въ настоящее время нѣсколько ораторовъ, обладающихъ значительнымъ природнымъ дарованіемъ. Но ораторская подготовка, работа надъ собою въ этомъ направленіи является у прокуроровъ по исключенію, а это отражается особенно на менѣе одаренныхъ талантомъ представителяхъ прокуратуры, вслѣдствіе чего и обвинительныя рѣчи далеко не находятся на высотѣ задачи обвинителя, отстаивающаго интересы правосудія, особенно когда противъ него выступаетъ болѣе или менѣе сильный противникъ.

ЗАЩИТЕЛЬНЫЯ РѢЧИ.

I.

В. Д. Спасовичъ.

1.

Русскіе адвокаты находятся въ нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ ихъ западно-европейскіе собратья. Парламентаризмъ и связанная съ нимъ возможность и необходимость публичной рѣчи въ самыхъ разнообразныхъ аудиторіяхъ и по самымъ различнымъ обстоятельствамъ расширяють кругъ ораторской дѣятельности западно-европейскаго адвоката. Многіе даровитые представители сословія не ограничиваются рѣчами въ залахъ суда, но принимаютъ активное участіе въ партійной борьбѣ, примыкають къ тому или другому знамени и являются такимъ образомъ носителями различныхъ политическихъ и социальныхъ убѣжденій, не только юристами, но правозащитниками въ широкомъ смыслѣ слова и общественными дѣятелями. Кромѣ того, время отъ времени процессы, которые захватываютъ одну изъ партій, переносятъ и въ зало судебныхъ засѣданій борьбу общихъ принциповъ, заставляютъ адвоката разбираться не въ одной только бытовой обстановкѣ и обстоятельствахъ дѣла, но и умѣть выдвинуть его общественное значеніе.

Въ Россіи подобныя обстоятельства встрѣчаются по исключенію — адвокаты въ огромномъ большинствѣ случаевъ довольствуются спеціальной работой, не выходящей за стѣны суда, равнымъ образомъ имъ не приходится участвовать въ процессахъ, затрогивающихъ политическія партіи. Поэтому въ Россіи несравненно рѣже, чѣмъ на западѣ встрѣчается типъ адвоката, соединяющаго въ себѣ дѣятельность общественнаго и судебного оратора, наоборотъ замѣчается наклонность къ спеціализаціи, что, конечно, налагаетъ свой отпечатокъ на судебное краснорѣчіе. Однако узкая спеціализація плохо совмѣщается съ ораторскимъ талантомъ; выдающійся ораторъ неизбежно долженъ стремиться къ возможно широкому приложенію своихъ способностей, не можетъ удовлетвориться одною отраслью знаній, примѣръ этого мы видѣли въ А. О. Кони, то же самое можно сказать и о В. Д. Спасовичѣ, являющемся самымъ замѣчательнымъ представителемъ русской адвокатуры. Оцѣнка ораторской дѣятельности В. Д. Спасовича вызвала различныя мнѣнія: С. А. Андреевскій въ рѣчи на юбилей В. Д. Спасовича призналъ его самымъ сильнымъ оружіемъ «непроизвольное художество, поэзію», художественную образность его рѣчей. Г. Глинскій, разсматривая это опредѣленіе нашель, что «не поэзія главенствующій признакъ ораторскаго наслѣдія г. Спасовича, а умъ, знаніе, безошадная логика и свѣтлая перспектива прогресса и гражданской свободы». (Б. Глинскій. Русское судебное краснорѣчіе, Спб., 1897, стр. 25). Второе мнѣніе ближе къ истинѣ: впечатлѣніе рѣчей В. Д. Спасовича прежде всего обусловливается его обширными энциклопедическими знаніями, искренностью и убѣжденностью оратора, чего нельзя было бы замѣнить ни художественностью образовъ, ни логичностью построения рѣчи. В. Д. Спасовичъ въ полномъ смыслѣ слова человекъ образованный, живущій лучшими интересами и идеями своего времени; какъ видно изъ его сочиненій, онъ всегда работаетъ надъ тѣмъ, что привлекаетъ къ себѣ его вниманіе, независимо отъ того, можно ли считать заинтересовавній его вопросъ относящимся ближайшимъ образомъ къ выбранной имъ спеціальности или нѣтъ.

Онъ совмѣщаетъ въ себѣ профессора, журналиста, литератора, адвоката и общественнаго дѣятеля и примѣръ его показываетъ, чего можно достигнуть даже въ сравнительно неблагоприятной обстановкѣ благодаря таланту и неразлучному спутнику послѣдняго — труду.

Какъ юристъ В. Д. Спасовичъ занимался работами по уголовному, международному и гражданскому правамъ, какъ историкъ и литераторъ онъ написалъ рядъ интересныхъ статей и характеристикъ русскихъ и польскихъ писателей. Обширныя познанія В. Д. Спасовича сказываются и въ его судебныхъ рѣчахъ, захватывающихъ нерѣдко весьма крупныя общественныя теченія. Конечно, такая разносторонность и при талантѣ, возможна лишь при очень значительномъ и внимательномъ трудѣ, и, дѣйствительно, во всѣхъ работахъ и рѣчахъ В. Д. Спасовича видно тщательное изученіе предмета до мельчайшихъ деталей. Онъ выступаетъ публично вполнѣ увѣренный въ своихъ силахъ, вполнѣ овладѣвъ матеріаломъ, какимъ бы сложнымъ ни представлялся послѣдній; вслѣдствіе этого его слова и доводы производятъ впечатлѣніе вѣскихъ и строго обдуманыхъ, въ которыхъ не видно желанія прикрыть недостатокъ изученія внѣшнимъ блескомъ фразъ и выраженій. Ораторъ и не нуждается въ этомъ, онъ спокойно и увѣренно выполняетъ заранѣе намѣченную и выработанную программу. Признакомъ тщательности работы служить и самый способъ подготовленія рѣчей: В. Д. Спасовичъ обыкновенно составляетъ ихъ письменно, не ограничиваясь конспектомъ (Ляховецкій, Характеристики извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ Спб., 1897, стр. 236).

Ораторская рѣчь можетъ тогда лишь достигнуть цѣли, когда она проникнута опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, общей идеей, связывающей ея отдѣльныя части, направляющей работу оратора. Судебное краснорѣчіе не является исключеніемъ изъ этого правила, характеръ судебныхъ рѣчей зависитъ отъ того, какими взглядами руководится защитникъ на свое служеніе, ставить ли онъ себѣ задачей лишь выиграть дѣло, побѣдить противника, или изслѣдовать истину, изложить дѣло такъ, какъ оно представляется оратору по его

убѣжденію, основанному на глубокомъ знакомствѣ съ лицами и событіями. В. Д. Спасовичъ высоко ставитъ въ этомъ отношеніи работу защитника, освобождая ее отъ безусловнаго подчиненія мелкимъ и эгоистичнымъ интересамъ участвующихъ въ процессѣ лицъ. Въ дѣлѣ объ убійствѣ ф. Зона В. Д. Спасовичъ высказался въ пользу мнѣнія прокурора противъ своего товарища по защитѣ, замѣтивъ, что «конечно, есть приличія, которыя должна соблюдать защита, но есть и истина, которая имѣетъ также свои права» (Сочиненія, т. V, стр. 123). Возможная объективность защиты подчеркивается и въ дѣлѣ Пальма, гдѣ ораторъ говоритъ, что защита должна «выставить его (Пальма) поступокъ, какъ онъ есть ни сколько не хуже того, какимъ онъ былъ, но и не лучше». (Соч. V, стр. 251).

Въ Нечаевскомъ дѣлѣ, обсуждая образъ дѣйствій Кузнецова, В. Д. Спасовичъ относится къ своему кліенту критически и объективно не только какъ защитникъ, но и какъ судья: «Здѣсь я теряю почти всякую возможность защищать Кузнецова. Я вполне сознаю, что онъ не хорошо поступилъ, весьма не хорошо» (Соч. V, стр. 169), говоритъ В. Д. Спасовичъ, разбирая поведение Кузнецова передъ убійствомъ Иванова.

В. Д. Спасовичъ выходитъ изъ положенія, что защита имѣетъ свою общественную миссію, что она стоитъ выше интересовъ отдѣльныхъ лицъ. По правиламъ адвокатской этики, говоритъ онъ, защитникъ по соглашенію не долженъ исполнять требованія кліента, противныя его совѣсти, въ такомъ случаѣ онъ долженъ отказаться отъ дѣла; защитникъ по назначенію болѣе связанъ: онъ не можетъ уйти отъ процесса и обязанъ въ извѣстной мѣрѣ придерживаться пути, указываемаго кліентомъ, но все-таки и онъ ни въ какомъ случаѣ «не превращается въ слѣпое орудіе страстей и желаній своего кліента». (Соч. VI, стр. 74). В. Д. Спасовичъ понимаетъ эту независимость и свободу защиты не только въ отношеніи къ кліенту, но и къ суду, требуя, чтобы во всякомъ процессѣ была «возможность высказать все, что можетъ быть высказано для оправданія или уменьшенія вины

подсудимыхъ, серьезно, скромно безъ фразъ... не для того, чтобы совершить формальность, но чтобы произвести... возможно выгодное... впечатлѣніе для подсудимыхъ». (Соч. VI, стр. 127). Признавая право защитника дѣйствовать свободно, В. Д. Спасовичъ въ то же время прекрасно сознаетъ и его обязанности и отвѣтственность передъ обществомъ и кліентомъ, исходя опять-таки изъ точки зрѣнія, что защита служить правосудію, а не только отдѣльнымъ личностямъ. Защитникъ, по справедливому мнѣнію В. Д. Спасовича, обязанъ принять и безнадежное дѣло и говорить въ томъ случаѣ, если подсудимый отказался отъ защиты: «подсудимый можетъ махнуть рукой на всѣ юридическія подробности, но не таково положеніе защитника; онъ по званію своему обязанъ воспользоваться всѣми способами защиты, онъ долженъ стараться хотя на одинъ волосъ уменьшить отвѣтственность, а слѣдовательно и наказаніе». (Соч. V, стр. 249). Въ другой рѣчи В. Д. Спасовичъ признаетъ за защитникомъ право говорить въ пользу подсудимаго все, что тотъ не можетъ или не хочетъ сказать (Соч. V, стр. 18). Изъ строгаго взгляда на права и обязанности защиты вытекаетъ и оцѣнка тѣхъ или другихъ приемовъ рѣчи. «Я могъ бы заключить мою рѣчь, замѣчаетъ В. Д. Спасовичъ по дѣлу гр. Моркова, разными пошlostями въ родѣ той, что лучше оправдать десять виновныхъ, нежели осудить одного невиннаго. Однако положеніе мое, какъ защитника гр. Моркова, вовсе не столь отчаянное, чтобы прибѣгать къ подобнымъ избитымъ приемамъ, которые надлежитъ предоставить защитникамъ совершенно потерянныхъ дѣлъ и окончательно пропадающихъ подсудимыхъ». (Соч. V, стр. 66). Сознаніе отвѣтственности адвоката, берущаго на себя тяжелую обязанность отстаивать существенные интересы кліента, необходимо создаетъ особую связь его съ дѣломъ и кліентомъ, заставляетъ его переживать опасенія на счетъ правильности выбранныхъ имъ средствъ защиты, особенно, когда въ тяжкомъ преступленіи обвиняется, по его мнѣнію, невинный или неподлежащій наказанію, и противъ него имѣются болѣе или менѣе вѣскія улики: «Когда принимаешь къ сердцу дѣло, говоритъ В. Д.

Спасовичъ въ одной рѣчи, которое защищаешь, то невольно боишься и беспокоишься». (Соч. VI, стр. 49).

Разсматривая и обсуждая юридическія особенности дѣла, В. Д. Спасовичъ обыкновенно старается выяснитъ ихъ дѣйствительный смыслъ и значеніе, оцѣнивая не одни слова, но и духъ закона: «законъ, говоритъ ораторъ, долженъ быть примѣненъ съ толкомъ и разумѣніемъ; одно толкованіе даетъ закону жизнь и смыслъ, толкованіе его можетъ быть широкое, можетъ быть и узкое; то толкованіе истинно, которое ближе всего подходитъ къ цѣли и намѣреніямъ законодателя». (Соч., V, стр. 94). Разумѣется, желательно имѣть законы, составленные настолько ясно и просто, чтобы слова выражали точно желаніе законодателя и могли примѣняться безъ комментаріевъ, но ясность, простота и логичность изложенія еще далеко не составляютъ распространенныхъ качествъ современныхъ юристовъ — практиковъ и теоретиковъ, на это еще мало обращается вниманія, почему законодательная техника и въ настоящее время оказывается далекой отъ совершенства. Положеніе еще ухудшается стремленіемъ соблюсти букву закона, трудностью разобраться въ кассационной практикѣ. Отъ В. Д. Спасовича не ускользнула и эта печальная сторона современной юриспруденціи. Касаясь толкованія сенатомъ статей 625, 629 и 687 У. У. С. онъ замѣчаетъ: «Вся эта на буквоѣдствѣ основанная казуистика лишена всякой идеи, всякаго принципа и такъ запутана, что кассационный сенатъ поминутно себѣ противорѣчитъ: то признавалъ, что все можно читать лишь бы съ согласія сторонъ, то не разрѣшалъ читать... то запрещалъ читать показанія подсудимаго, то разрѣшалъ, то считалъ извѣстный документъ вещественнымъ доказательствомъ, то не считалъ». (Соч., VII, стр. 68—69). Ораторъ пользуется съ своей стороны всѣми средствами для выясненія истиннаго смысла закона, иногда чрезвычайно подробно останавливаясь на постановленіяхъ иностранныхъ законодательствъ, таково напр. сравненіе постановки вопросовъ и порядка совѣщанія присяжныхъ въ Англии, Франціи, Германіи и въ нашемъ уставѣ угол. судопроизводства (Сочин. VII, стр. 33, 77 и слѣд.). Привычка къ ана-

лизу, къ изслѣдованію не позволяеть В. Д. Спасовичу ничего принимать безъ провѣрки или уступать подъ давленіемъ виѣшней авторитетности доводовъ противника; хорошей иллюстраціей этого свойства таланта В. Д. Спасовича можетъ послужить рѣчь по дѣлу Наны Андреевской, гдѣ ораторъ опровергаетъ медицинскую экспертизу, выходя изъ положенія, что разъ эксперты ошиблись въ нѣкоторыхъ фактахъ, ихъ обаяніе пропало потому, что «авторитетъ есть нѣчто цѣльное, какъ заговоръ. Разъ въ одномъ пунктѣ его провалить, онъ провалится и во всей своей цѣлости». (Соч., VI, стр. 196).

Естественно, что, добиваясь правдиваго рѣшенія дѣла, чуждаго формализма и буквоѣдства, В. Д. Спасовичъ особенно цѣнитъ участіе присяжныхъ засѣдателей, являющихся въ судѣ именно представителями житейской правды, способными разобратся въ личности подсудимаго, а не только подвести его дѣяніе подъ статью закона: «Вы судьи живого дѣла, живого человѣка, вы должны разрѣшить вопросъ... о большей или меньшей виновности этого человѣка, взвѣсить, насколько его поступокъ воленъ или неволенъ, вынужденъ виѣшними обстоятельствами или не вынужденъ; наконецъ, если въ этомъ человѣкѣ не все еще испорчено, то слѣдуетъ сострадательно отнестись къ нему, подать ему руку, какъ брату въ человѣчествѣ, какъ брату во Христѣ». (Соч. V, стр. 261).

Оставаясь въ своихъ рѣчахъ искреннимъ и убѣжденнымъ изслѣдователемъ, болѣе чѣмъ представителемъ личныхъ интересовъ кліента, В. Д. Спасовичъ не стѣсняется высказывать свое мнѣніе по дѣлу, хотя бы это могло показаться рискованнымъ для успѣха защиты. Такъ въ запутанномъ процессѣ Островлевоу, въ которомъ оратору было нужно защищать несомнѣнно ненормальную подсудимую, онъ прямо началъ съ такого заявленія: «чтобы съ пользою и надлежащимъ образомъ защищать нужно понимать, а я откровенно вамъ скажу, что защищая дѣло во второй разъ я меньше его понимаю, чѣмъ въ первый разъ, вотъ почему я и просилъ содѣйствія и помощи свѣжаго человѣка, Е. И. Утина». (Соч. VII, стр. 47).

Внимательное штудированіе дѣла, ознакомленіе съ нимъ

до мельчайшихъ подробностей, объясняетъ тотъ фактъ, что В. Д. Спасовичъ, выступая въ судѣ, опирается въ защитѣ на твердо сложившееся убѣжденіе, которое даетъ увѣренность въ справедливости его взгляда и побуждаетъ его иногда заранѣе высказывать мнѣніе о результатѣ судебного разбирательства: «По дѣлу Щапова я могу прямо сказать, что вполне увѣренъ въ томъ, что вы гг. судьи, не накажете вовсе Щапова». (Соч. V, стр. 101). Такую же увѣренность въ уничтоженіи обвинительныхъ соображеній В. Д. Спасовичъ высказалъ и по дѣлу Н. Андреевской, окончившемуся, однако, обвиненіемъ. (Соч. VI, стр. 184). Высказываніе увѣренности въ побѣдѣ въ началѣ рѣчи, конечно, можно назвать по общему правилу излишнимъ, и не безопаснымъ.

Пробнымъ камнемъ сдержанности ораторовъ бываетъ ихъ способъ вести личную полемику; въ отвѣтъ на нападенія противника очень легко увлечься, воспользоваться даннымъ дурнымъ примѣромъ и ввести въ рѣчь излишній элементъ личнаго раздраженія и бесполезнаго для дѣла высмѣиванія оппонента. «Съ сужденіемъ о дѣйствіяхъ бываютъ смѣшаны ругательства, на которыя едва ли приходится отвѣчать. Ну вылили, напр. на человѣка ушатъ помоевъ, не на самого человѣка, а на его имя, неужели отвѣчать тѣмъ же? Неужели ему придется заниматься производствомъ точно такихъ же зловоній? Есть занятія, которыя противны по натурѣ порядочному человѣку... Единственное практическое средство правильно отнестись къ ругательству заключается въ томъ, чтобы на него вовсе не отвѣчать, чтобы пустить его мимо себя съ презрительнымъ равнодушіемъ»... (Соч., VI, стр. 854, 355). Несдержанная полемика чужда рѣчамъ В. Д. Спасовича, несмотря на вызовы противниковъ всегда остающагося корректнымъ, не забывающимъ ни своего ни чужого достоинства. Личные счеты В. Д. Спасовичъ сводитъ въ безусловно вѣжливой формѣ, только парируя удары противника. Примѣромъ этого можетъ служить отношеніе къ гражданскому истцу въ дѣлѣ Шишкиныхъ, державшему себя не особенно скромно. В. Д. Спасовичъ ограничился опроверженіемъ его доводовъ по существу и замѣчаніемъ, что онъ нисколько не желаетъ

порочить лицо гражданскаго истца, а только утверждает, что послѣдній сторона заинтересованная, и потому его утверженіямъ не слѣдуетъ довѣрять. (Соч., V, стр. 47).

Таково же и отношеніе В. Д. Спасовича къ прокуратурѣ, въ нападеніяхъ на которую онъ отличаетъ личность оратора отъ высказываемыхъ имъ мнѣній, примѣръ этого представляетъ защитительная рѣчь за Бороздина: «Мой почтенный противникъ сдѣлалъ попытку его (рѣчь идетъ о доказательствѣ) предвосхитить, но представить въ видѣ аргумента не къ оправданію, а къ большому обвиненію Бороздина. При всемъ моемъ глубококомъ личномъ уваженіи къ господину прокурору, я обязанъ поспорить съ нимъ сильно и опровергнуть тѣ заключенія, которыя дѣлались изъ положенія Бороздина». (Рус. суд. орат., V, стр. 458).

2.

В. Д. Спасовичъ представляетъ весьма оригинальное явленіе: онъ выдающійся судебный ораторъ, не обладающій внѣшней ораторской техникой. Произнесеніе имъ рѣчей съ внѣшней стороны оставляетъ желать многого, какъ это отмѣчено уже гг. Глинскимъ и Ляховецкимъ. В. Д. Спасовичъ, начиная рѣчь, затрудняется, прискиваетъ подходящія выраженія, къ нему нужно прислушаться, преодолѣть первое впечатлѣніе, забыть о внѣшней формѣ, слѣдить исключительно за содержаніемъ рѣчи, за развитіемъ мысли оратора, и тогда только станетъ ясной причина извѣстности, которой пользуется В. Д. Спасовичъ, какъ адвокатъ и лекторъ. Достоинство содержанія и обаяніе личности съ избыткомъ покрываютъ недочеты формы.

Такъ же, какъ манера произнесенія рѣчей, своеобразенъ и слогъ В. Д. Спасовича, составляющій отличительную особенность его краснорѣчія. В. Д. Спасовичъ избѣгаетъ громкихъ и пышныхъ фразъ, изысканныхъ оборотовъ, не старается спрятать свою мысль (а иногда и ея отсутствіе, какъ это бываетъ у нѣкоторыхъ авторовъ) подъ трудно понимаемой многословной внѣшностью (чѣмъ отличаются многія, такъ

называемыя, научныя работы, въ которыхъ приходится переводить сначала мысли автора на обыкновенный языкъ—трудъ не всегда легкій и не всегда вознаграждаемый достигнутыми результатами). Не обращая особеннаго вниманія на изящную конструкцію фразы, В. Д. Спасовичъ стремится къ одному—дать въ своихъ словахъ безусловно точное и ясное понятіе о трактуемомъ предметѣ или положеніи: въ его рѣчахъ слова служатъ для рельефнаго выраженія мысли, ораторъ не говоритъ ничего лишняго, могущаго затемнить дѣло.

Какъ мало работаетъ В. Д. Спасовичъ надъ стилистическими красотами не трудно видѣть по любой его рѣчи, приведу на удачу 2—3 примѣра: въ рѣчи по дѣлу Островлевоу В. Д. Спасовичъ говоритъ о подсудимой, что она: «психически больная, помѣшанная женщина, которая только потому судится, что не всякая психическая болѣзнь освобождаетъ отъ психической отвѣтственности, слагаетъ психическую отвѣтственность». (Соч., VII, стр. 50). Очевидно, что ораторъ заботится здѣсь лишь о выясненіи своей мысли, для чего прибѣгаетъ къ повторенію ея и пользуется одними и тѣми же словами «психическій» и «отвѣтственность»; такая фраза въ рѣчи какого либо другого оратора по всей вѣроятности показала бы весьма неуклюжей, у В. Д. Спасовича она сглаживается, не совсѣмъ удачная архитектура подробностей исчезаетъ въ общей красотѣ постройки рѣчи. То же можно сказать о вступленіи рѣчи по дѣлу Нины Андреевской: «гг. члены тифлисской палаты, гг. судьи коронные, гг. судьи законники, т. е. посвящающіе себя служенію закону, исполненію его свято и разумному его истолкованію, позвольте мнѣ начать мою защитительную рѣчь словами же закона». (Соч. VI, стр. 178). Это обращеніе не отличается особенною легкостью стили, оратора озабочиваетъ лишь желаніе указать судьямъ ихъ главнѣйшую обязанность, разумное выполненіе закона. В. Д. Спасовичъ не обходитъ самыхъ обычныхъ вулгарныхъ выраженій и оборотовъ, если ему кажется, что они удачно передаютъ его мысль: напр. въ дѣлѣ Островлевоу онъ рассказываетъ, какъ она «лушила вкнутомъ» рабочихъ (Соч. VII, стр. 10), въ рѣчи по дѣлу Шишкиныхъ, описывая иму-

щественное положеніе Ландсберга, говорить, что онъ «былъ голъ, какъ соколъ» (Соч. V, стр. 48); въ рѣчи по дѣлу Н. Андреевской сравниваетъ дѣло съ полемъ, заросшимъ ромашкой и бурьяномъ, на которомъ «ни куда не годныхъ растеній получится бездна, а зерна хлѣбнаго ни-ни». Соч., VI, 256). Говоря объ указахъ Петра Великаго, называетъ ихъ выраженія «крѣпкими, ядреными» (Соч., VI, стр. 337). Въ рѣчи по дѣлу Мельницкихъ въ сенатѣ, коснувшись основнаго пункта жалобы, говорить, что благодаря этому онъ «въѣхалъ въ самую середку кассационныхъ рѣшеній». (Соч., VII, стр. 66). Эти цитаты могли бы быть продолжены но, и приведенныхъ мѣстъ достаточно, чтобы составить понятіе объ этой особенноти стиля В. Д. Спасовича.

На ряду съ этимъ необходимо отмѣтить художественность, образность языка, которыми проникнуты рѣчи В. Д. Спасовича и которыя позволяютъ отнести его къ числу выдающихся русскихъ мастеровъ слова. Образцы и сравненія разсыпаны щедро во всѣхъ рѣчахъ В. Д. Спасовича, постоянно стремящагося сдѣлать свою мысль и аргументацію понятной и доступной благодаря сопоставленію и аналогіи съ предметами, всѣмъ извѣстными и близкими. При этомъ ораторъ черпаетъ матеріаль изъ всевозможныхъ областей, дѣлаетъ совершенно неожиданныя, но удачныя сближенія, — такъ, говоря о сокращеніи книги Вундта и о томъ, что она не потеряетъ отъ этого цѣнности, В. Д. Спасовичъ поясняетъ это слѣдующимъ примѣромъ: «Венера Милосская дивно хороша, хотя у нея вмѣсто рукъ одни обрубки рукъ; то же самое можно будетъ сказать и о книгѣ д-ра Вундта» (Соч. V, стр. 11). Въ рѣчи по дѣлу о подкупѣ выборщиковъ крестьянскихъ обществъ В. Д. Спасовичъ замѣчаетъ, что «маленькій мірокъ крестьянскаго самоуправленія» красуется на бумагѣ—«въ дѣйствительности онъ только зародышъ, птенецъ, едва выклевывающийся изъ яичка» (Соч. VI, стр. 286). Въ дѣлѣ Островлевоу, критикуя современное ученіе о вмѣняемости, В. Д. Спасовичъ весьма эффектно обрисовываетъ возможность переходныхъ состояній отъ вмѣняемости къ невмѣненію. «Передъ вами, говорить онъ, можетъ стоять человѣкъ,

на которомъ крупными чертами написано, что онъ тронутый. Еще нѣсколько шаговъ, и тускло мерцающій, еле дымящійся огонекъ сознанія потухнетъ». (Соч. VII, стр. 12). Сравненія и образы въ рѣчахъ В. Д. Спасовича пріобрѣтаютъ иногда значеніе художественныхъ картинъ, въ нихъ проявляется та «поэзія», о которой говоритъ С. А. Андреевскій. Таково въ рѣчи по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ Коммерческомъ банкѣ мѣсто, въ которомъ В. Д. Спасовичъ сравниваетъ гражданскіе и уголовные суды съ двумя исполнскими мельницами, перемалывающими твердые продукты. (Соч. VI, стр. 92, 93). Въ Нечаевскомъ дѣлѣ, описывая вступленіе Кузнецова въ тайное общество, В. Д. Спасовичъ такъ характеризуетъ положеніе своего кліента: «Въ легендахъ есть разсказъ о томъ, какъ дьяволъ заключаетъ договоръ съ человѣкомъ о его душѣ. Здѣсь произошло нѣчто подобное; разница только въ томъ, что дьяволъ давалъ человѣку всѣ блага земныя и бралъ только его будущую жизнь; Кузнецову даже и личныхъ благъ не предлагалось». (Соч. V, стр. 161).

Мнѣ уже не разъ приходилось говорить, что пользованіе общими мѣстами предполагаетъ крупный ораторскій талантъ, иначе оно въ рѣдкихъ случаяхъ будетъ удачнымъ. Рѣчи В. Д. Спасовича не въ чемъ упрекнуть въ этомъ отношеніи, его общія мѣста составлены безукоризненно и облачаютъ въ немъ художника, психолога и серьезнаго мыслителя. Остановлюсь для примѣра на дѣлѣ Калонтая, въ которомъ сущность защиты сводилась къ уясненію личности подсудимаго, неспособнаго къ труду, избалованнаго аристократа, вслѣдствіе недостатка средствъ рѣшившагося воспользоваться фальшивыми кредитными билетами. В. Д. Спасовичъ обращается для этого къ дѣтству и юности подсудимаго и представляетъ присяжнымъ источникъ зла — барское воспитаніе Калонтая. «Съ малыхъ лѣтъ ребенка окружаетъ стая боннь, гувернантокъ; раньше нежели на языкѣ родномъ выучивается онъ щебетать на иностранныхъ языкахъ, съ раннихъ лѣтъ стараются сообщить дѣтямъ свѣтскіе манеры, наружную изящность, обманчивый видъ образованности безъ внутренняго со-

держанія. Дома твердятъ ему.. что онъ богатъ, что ему не-
зачѣмъ трудиться, въ модномъ пансіонѣ онъ можетъ при-
обрѣсти весьма легкой запасъ поверхностнаго и болѣе того
ни на что не пригоднаго знанія... Въ 20 лѣтъ воспитаніе
окончено, и въ результатѣ выходитъ молодой человѣкъ... не
имѣющій никакого понятія о долгѣ, объ обязанностяхъ въ
отношеніи къ обществу». (Соч. V, стр. 19—20).

Выводъ изъ этого разсужденія ясенъ—такъ воспитанный
молодой человѣкъ можетъ удержаться въ обществѣ при усло-
віи, что у него хватитъ средствъ вести привычный образъ
жизни, онъ способенъ только на расходованіе готовыхъ до-
ходовъ, и при томъ весьма значительныхъ, — нѣтъ этихъ усло-
вій, и такой человѣкъ легко можетъ дойти до послѣднихъ сту-
пеней паденія. Избѣгнуть этого конца въ состояніи лишь
человѣкъ сильный, талантливый. В. Д. Спасовичъ и доказы-
ваетъ дальше, что подсудимый не былъ сильнымъ человѣкомъ,
способнымъ выбиться и побороть внѣшнія препятствія. По-
добное же общее мѣсто встрѣчается напр. въ рѣчи по дѣлу
о дуэли Утина для выясненія характера Жохова, убитаго въ
этой дуэли. В. Д. Спасовичъ объяснилъ столкновеніе против-
никовъ агитаторскимъ характеромъ Жохова: «Есть такія аги-
таторскія натуры; онѣ бывають бойки, предпріимчивы и по-
тому часто полезны, но особенность ихъ заключается въ
томъ, что у нихъ своя собственная мораль, т. е. онъ счи-
таетъ позволительнымъ то, чего, другіе сторонятся: онѣ очень
гибки, легко становятся на точку зрѣнія другихъ людей спо-
собны быстро подмѣчать слабыя стороны другихъ, онѣ спо-
собны увлекать другихъ, но также и ошибаться». (Соч. V,
стр. 229). Установивъ это опредѣленіе агитаторской натуры,
В. Д. Спасовичъ затѣмъ послѣдовательно прилагаетъ его къ
Жохову и освѣщаетъ такимъ путемъ роль послѣдняго въ раз-
считываемомъ дѣлѣ, отгнѣняя свой основной взглядъ, что от-
вѣтственность за происшедшее всецѣло падаетъ на убитаго.

Къ паѳосу В. Д. Спасовичъ прибѣгаетъ сравнительно
рѣдко, лишь когда самый предметъ рѣчи и предшествующее
изложеніе достаточно подготовили почву, создали надлежащее
настроеніе въ аудиторіи и у оратора; въ паѳосѣ В. Д. Спа-

совича не чувствуется фальши, преувеличенія или приподнятости. Конструкція патетическихъ мѣстъ отличается простотою и силой; въ нихъ нѣтъ натянутыхъ сравненій и громкихъ словъ, служащихъ вывѣской не существующаго у оратора чувства. Рѣдкое пользованіе паэосомъ объясняется тѣмъ, что, по складу ума склонный къ анализу, къ разсужденіямъ, В. Д. Спасовичъ не чувствуетъ влеченія къ патетическому, онъ прибѣгаетъ къ нему, когда дѣло идетъ о предметахъ, глубоко затрогивающихъ убѣжденіе и чувство самого оратора. Такъ отстаивая въ дѣлѣ Гайдебурова право каждаго молиться и прославлять Бога по своему, онъ говоритъ: «Позвольте имъ прославлять Бога (простымъ, неученымъ людямъ) какъ они умѣютъ, позвольте свободно выражаться, не стѣсняясь канонѣмъ, и тому, кто видитъ въ Богѣ первую причину, кто считаетъ землю его подножьемъ, а небо звѣздное его шатромъ, и тому, кто понимаетъ Бога, какъ верховный нравственный законъ, царящаго въ недосягаемыхъ глубинахъ нашего духа и поклоняется ему благоговѣйнымъ вошествомъ въ себя, возношеніемъ себя къ идеалу». (Соч. V, стр. 14—15). Далѣе ораторъ опять переходитъ въ дѣловой тонъ и заканчиваетъ рѣчь изложеніемъ аналогичныхъ съ разбираемымъ дѣломъ судебныхъ рѣшеній.

Примѣръ замѣчательной простоты паэоса представляетъ мѣсто въ рѣчи по дѣлу Долгушина и другихъ, въ которомъ В. Д. Спасовичъ хочетъ мимоходомъ возбудить сожалѣніе судей къ одному изъ подсудимыхъ. «Вся эта исторія лишена драматическаго элемента. Въ ней нѣтъ никакихъ страстей, страданій, никакой пролитой крови, никакихъ злодѣяній. Если она сдѣлала несчастныхъ, то единственный несчастный это развѣ тотъ бѣдный крестьянскій мальчикъ, котораго я почти касаюсь правою рукою». (Соч. V, стр. 345). Въ рѣчи произнесенной В. Д. Спасовичемъ въ сенатѣ по дѣлу Мельницкихъ ему пришлось говорить подъ впечатлѣніемъ заключенія оберъ-прокурора, направленнаго противъ злоупотребленій защиты, требовавшаго ограниченія ея правъ. Свое негодованіе и протестъ противъ неточныхъ и поспѣшныхъ обобщеній противника В. Д. Спасовичъ выразилъ въ слѣдующихъ сло-

вахъ, дающихъ сдержанный, но достойный и вѣскій отвѣтъ. «Я не въ правѣ вносить въ дѣло личную страсть, но да будетъ мнѣ разрѣшено... говорить не стѣсняясь... Здѣсь предлагаемы были крупныя мѣры для обузданія рѣчей защитниковъ. Эти мѣры еще не приняты, слово защиты еще свободно, да будетъ и мнѣ позволено можетъ быть въ послѣдній разъ воспользоваться имъ во всемъ объемѣ этой свободы». (Соч. VII, стр. 61). Иногда В. Д. Спасовичъ ограничивается тѣмъ, что вводитъ въ изложеніе рѣчи одну, двѣ патетическихъ фразы, отдѣляющихъ значеніе выдвинутыхъ имъ положеній, напр. можно указать на замѣчаніе въ Нечаевскомъ дѣлѣ. «Великія благородныя дѣла, совершаемыя во имя блага народа, никогда не цементируются невинною, напрасно пролитою кровью». (Соч. V, стр. 172). Такова же фраза, заканчивающая рѣчь по дѣлу Островлевоу: «надъ этою женщиною тяготѣетъ проклятіе природы, ея не должна касаться казнь государственная» (Соч. VII, стр. 25), эта фраза является общей мыслью всей рѣчи и выраженная въ концѣ, она превосходно резюмируетъ все сказанное раньше, запечатлѣваетъ важнѣйшій выводъ защиты въ умѣ присяжныхъ. Предметомъ паѳоса В. Д. Спасовича являются, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, важнѣйшіе вопросы человеческого существованія, религиозная терпимость, свобода слова и мысли, затронутые въ дѣлѣ, или важнѣйшія особенности, лежація въ характерѣ и состояніи подсудимаго и могуція опредѣлить степень его отвѣтственности, паѳосъ не расточается напрасно, употребляется бережливо и осторожно.

В. Д. Спасовичъ не уклоняется въ рѣчахъ и отъ пользованія комическимъ элементомъ. Юморъ и иронія, вытекающія изъ тщательнаго разбора дѣла, которое выдвигаетъ слабыя и несостоятельныя стороны дѣятельности подсудимыхъ и другихъ участвующихъ въ процессѣ, вполне соотвѣтствуютъ способности В. Д. Спасовича къ анализу и тонкой наблюдательности; примѣняются они въ сдержанной формѣ. Ораторъ обыкновенно попутно подчеркиваетъ ту или другую особенность дѣла, вызывающую юмористическое или ироническое настроеніе, которое нисколько не нарушаетъ общаго

серьезнаго тона рѣчи. Я имѣлъ уже случай приводить изъ рѣчи В. Д. Спасовича мѣста юмористическаго характера (см. Рѣчи сторонъ въ уголовномъ процессѣ), и потому не буду останавливаться на этомъ долѣе. Часто иронія служить В. Д. Спасовичу, для усиленія аргумента, такъ въ дѣлѣ Гайдебурова прокуроръ обосновывалъ обвиненіе между прочимъ на 39 ст. Цензурнаго устава, В. Д. Спасовичъ возразилъ ему на это саркастическимъ замѣчаніемъ, что «въ названной статьѣ излагаются обязанности цензуры... Мой довѣритель никогда цензоромъ не былъ и въ коронной службѣ не состоялъ. Г. прокуроръ полагаетъ вѣроятно, что за упраздненіемъ предварительной цензуры, обязанности цензоровъ перешли на издателей и сочинителей». (Соч. V, стр. 6).

Въ итогѣ, сопоставляя манеру произнесенія рѣчей В. Д. Спасовича съ его ораторскими средствами и приѣмами, можно сказать, что его рѣчи ближе всего подходятъ къ бесѣдѣ со слушателями въ живой, остроумной и высшей степени содержательной формѣ. Ораторъ не стремится поразить воображеніе, завладѣть чувствомъ; не торопясь, спокойно и послѣдовательно онъ подходитъ къ своей цѣли, стараясь не оставить въ умѣ слушателей сомнѣнія въ правильности его доводовъ и въ ихъ сердцѣ — неосновательнаго или легкомысленнаго предубѣжденія къ подсудимому; онъ передаетъ слушателямъ свое убѣжденіе по дѣлу и шагъ за шагомъ подчиняетъ ихъ своимъ взглядамъ; если можно убѣжденіе судей по дѣлу сравнить съ крѣпостью, которою долженъ завладѣть ораторъ, то В. Д. Спасовича слѣдуетъ отнести къ осторожнымъ и тактичнымъ полководцамъ, предпочитающимъ долгую, но за то успѣшную осаду, хотя бы блестящему, но рискованному штурму.

3.

Вступленія въ рѣчахъ В. Д. Спасовича состояются обыкновенно въ прямомъ отношеніи къ дѣлу, лишнихъ фразъ въ нихъ было бы напрасно искать; ораторъ даетъ въ началѣ самыя необходимыя указанія, вводяція слушателя въ

суть дѣла, что отъ вступленія и требуется. Внѣшняя отдѣлка вступленія, какъ и въ другихъ отдѣлахъ рѣчей В. Д. Спасовича, стоитъ на второмъ планѣ. По большей части, если въ дѣлѣ нѣтъ особенно спорныхъ пунктовъ, на которые нужно обратить вниманіе сначала, во вступленіи В. Д. Спасовичъ даетъ короткое изложеніе дѣла: «Г.г. сенаторы, 26 декабря 1866 г. совершено таинственное убійство крестьянина Будилы, а въ ночь съ 3 на 4 января еще болѣе таинственное похищеніе головы трупа того же Будилы. По стеченію нѣсколькихъ уликъ на графа Моркова направлено обвиненіе». (Соч. V, стр. 65). Иногда изложеніе дѣла замѣняется краткой характеристикой лицъ и личныхъ отношеній, если они занимаютъ центральное положеніе въ процессѣ и на нихъ главнымъ образомъ будетъ опираться ораторъ. Таково вступленіе въ Нечаевскомъ дѣлѣ: «Г.г. судьи, въ городѣ Херсонѣ было купеческое семейство, одно изъ рѣдкихъ въ купеческомъ быту: отецъ и 3 сына. Самыя нѣжныя отношенія соединяли ихъ между собою... Отецъ не поскупился дать своимъ сыновьямъ возможно хорошее воспитаніе по своимъ средствамъ. Онъ помѣстилъ старшаго сына, Алексѣя, сначала въ коммерческое училище, а потомъ въ земледѣльческую Петровскую академію... особенныя надежды возлагались на этого Алексѣя Кузнецова, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ хорошимъ человѣкомъ». (Соч. V, стр. 136). Этотъ способъ начинать рѣчи съ передачи существа дѣла настолько обыченъ В. Д. Спасовичу, что при отступленіи отъ него въ силу обстоятельствъ онъ считаетъ полезнымъ указать на наличность факта этого нарушенія. «Г.г. сенаторы, говоритъ онъ по дѣлу Теселкина и другихъ административно-ссылныхъ, хотѣлъ было я начать съ самаго дѣла, пойти *in medias res* безъ предисловія, но не могу обойтись безъ нѣсколькихъ словъ съ тѣмъ, чтобы указать, почему это дѣло для справедливаго его рѣшенія весьма трудно и почему оно рекомендуется особому вашему вниманію». (Соч. VII, стр. 145). Въ такихъ случаяхъ, когда обстоятельства дѣла не могутъ быть выдвинуты по какимъ либо соображеніямъ съ самаго начала, В. Д. Спасовичъ останавливается на ос-

новыхъ пунктахъ, на которыхъ будетъ построена защита, выясняетъ ея положеніе: «Г.г. судьи! такъ случилось что мои подсудимые съ краю верхняго всей фаланги первые, а потому и я съ краю первый, и что мнѣ выпала въ нѣкоторомъ отношеніи выгодная, а въ нѣкоторомъ невыгодная доля первому говорить». (Соч. VI, стр. 125).

Въ дѣлѣ поручика В. Крестовскаго, въ которомъ узелъ процесса заключался въ вопросѣ о томъ, нарушилъ ли потерпѣвшій присяжный повѣренный этическія правила своей профессіи или наоборотъ пострадалъ за добросовѣстное исполненіе долга, В. Д. Спасовичъ началъ рѣчь съ выясненія обязанностей присяжной адвокатуры. (Соч. VI, стр. 72). Въ дѣлѣ Гайдебурова самый важный предварительный пунктъ составлялъ вопросъ о томъ, съ какимъ противникомъ должна имѣть дѣло защита, В. Д. Спасовичъ и обратился прежде всего къ разъясненію этого вопроса: «Настоящее дѣло возникло по инициативѣ комитета духовной цензуры, при посредствѣ комитета цензуры свѣтской и по отзывамъ ихъ, переданнымъ прокурорскому надзору. Мнѣ не выгодно имѣть трехъ противниковъ, очень понятно, что я хотѣлъ бы имѣть дѣло съ однимъ». (Соч. V, стр. 3). Далѣе ораторъ постепенно устраняетъ изъ дѣла отзывы цензурнаго вѣдомства и становится лицомъ къ лицу съ обвиненіемъ, поддерживаемымъ прокуратурою. Пользуясь вступленіемъ, какъ средствомъ такъ или иначе войти наиболѣе выгоднымъ образомъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла, В. Д. Спасовичъ въ то же время избѣгаетъ въ нихъ однообразія: не смотря на простоту и безыскусственность ихъ постройки, они строго соотвѣтствуютъ потребностямъ каждаго конкретнаго случая.

Важное мѣсто въ рѣчахъ В. Д. Спасовича отводится изложенію событій преступленія и особенно характеристикамъ, въ этихъ отдѣлахъ В. Д. Спасовичъ получаетъ возможность, равно какъ и въ доказательствахъ, проявить свое умѣнье разбираться въ сложномъ бытовомъ и психологическомъ матеріалѣ, передавать событія такъ, чтобы его изложеніе поддерживало аргументацію и подкрѣпляло окончательные выводы. Какъ на примѣръ детальнаго изложенія, я могу указать на

дѣло Дементьева (см. Соч. V, стр. 284—89 и мои «Рѣчи сторонѣ», стр. 83) и на дѣло Шишкиныхъ (В. Д. Спасовичъ, Соч. I, стр. 41 и слѣд.); передавать эти отдѣлы рѣчей, занимающіе значительное мѣсто, было бы затруднительно, поэтому я приведу какъ образецъ изложенія только нѣсколько строкъ изъ рѣчи по дѣлу Н. Андреевской, въ которыхъ разсказывается событіе, вызвавшее этотъ огромный процессъ, такъ, какъ оно происходило, по мнѣнію оратора: «Легкою поступью, свѣтлою лунною ночью, Н. Андреевская спустилась по тропинкѣ, раздѣлась и, не зная мѣстности, не умѣя плавать, попала тотчасъ въ яму, глубиною въ 5 аршинъ... она потеряла почву подъ собою, захлебнулась, не испустивъ крика, потеряла сознаніе, получила нервный ударъ... и вода со свойственною Курѣ быстротою унесла ее... вдаль за Тифлисъ и до Кораюза». (Соч. VI, стр. 253). Если мы припомнимъ, какія многочисленныя толкованія и предположенія вызвала загадочная смерть Н. Андреевской, какъ былъ великъ и запутанъ матеріаль по начавшемуся дѣлу объ ея убійствѣ, то только тогда мы будемъ въ состояніи оцѣнить простоту и отчетливость изложенія В. Д. Спасовича какъ въ приведенномъ отрывкѣ, такъ и въ дальнѣйшихъ частяхъ его рѣчи, въ которыхъ онъ успѣлъ, несмотря на всѣ затрудненія, поддержать свой взглядъ на дѣло. Проигравъ дѣла несколько не умаляетъ достоинства этой рѣчи, стоившей оратору массы мелкой и кропотливой работы.

Характеристики составляютъ украшеніе рѣчей В. Д. Спасовича, въ нихъ онъ является ораторомъ-художникомъ, умѣющимъ возсоздать дѣйствительное лицо не по шаблону, дающему готовыя формы для людей добродѣтельныхъ и порочныхъ, но въ связи съ бытовою обстановкой, съ тѣмъ образомъ жизни, который считается нормальнымъ въ данной средѣ. Цѣль характеристики показать человѣка такимъ, какъ онъ есть, и оцѣнить его съ точки зрѣнія общежитейской морали. Въ дѣлѣ графа Моркова обвиненіе многое ставило въ упрекъ подсудимому и не безъ основанія: его поведеніе было далеко не безукоризненно; на взглядъ культурнаго, образованнаго человѣка здѣсь было трудно бороться съ прокуроромъ. В. Д.

Спасовичъ далъ поэтому свою характеристику въ иномъ освѣщеніи, изобразивъ графа Моркова не тѣмъ человѣкомъ, которымъ онъ долженъ былъ бы быть, принимая во вниманіе его богатство и социальное положеніе, но тѣмъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности: «Морковъ не литераторъ, не ученый, онъ ни въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ не былъ, а прямо изъ юнкеровъ дослужился до офицерскаго чина; однажды въ полку, поссорившись съ товарищемъ Спягинымъ, ударилъ его въ лицо, за что и былъ наказанъ двухмѣсячнымъ содержаніемъ въ крѣпости... Всѣ спрошенные по дѣлу одобрили его поведеніе, никто ни какихъ ни явныхъ, ни тайныхъ пороковъ за нимъ не указалъ, даже не видно, чтобы онъ имѣлъ привычку предаваться пьянству. Какъ молодой человѣкъ онъ любилъ иногда погулять и выпить въ компаніи, напр. въ великіе праздники, когда всѣ бражничаютъ отъ мала до велика». (Соч. V, стр. 168). Нѣтъ надобности говорить, что характеристика гр. Моркова написана по началу «уменьшенія» со сглаживаніемъ рѣзкихъ и опасныхъ чертъ, оправданіе поведенія гр. Моркова тѣмъ, что всѣ живутъ также и въ торжественные дни «бражничаютъ отъ мала до велика», можно признать лишь съ оговорками. Въ послѣдующемъ изложеніи указаніемъ на вспыльчивый характеръ гр. Моркова В. Д. Спасовичъ опровергаетъ возможность для него совершить строго обдуманное преступленіе (въ чемъ онъ обвинялся): «Я не отрицаю, что отъ гр. Моркова можно было бы ожидать, что разсердившись на Будилу, онъ ударитъ его, но дать ему сѣсть на запяткахъ, обдумать въ теченіе ѣзды планъ убійства, заготовить пистолетами, запретъ лошадей и ѣхать съ тѣмъ, чтобы убить человѣка, который ему лично никакого зла не сдѣлалъ, а дѣйствовалъ по чужому приказанію, это такая психологическая невозможность, которая не выдерживаетъ критики». (Соч. V, стр. 71). Характеристика гр. Моркова непосредственно сливается съ дальнѣйшими доказательствами въ его пользу, чѣмъ устанавливается его неспособность поступить такъ, какъ это предполагалось обвиненіемъ.

Въ другихъ случаяхъ характеристики служатъ В. Д. Спа-

совичу для установленія того, насколько данное лицо, виновное въ преступленіи, совершаетъ его сознательно, и насколько можетъ нести отвѣтственность за совершенное. Въ первомъ случаѣ характеристика примыкаетъ къ доказательству невинности, во-второмъ она связывается съ доводами, говорящими о невмѣняемости субъекта, напр. въ дѣлѣ Островлевоѣ съ ея характеристикой В. Д. Спасовичъ соединяетъ цѣлое разсужденіе о болѣзняхъ воли и опредѣляетъ состояніе Островлевоѣ, какъ безсиліе воли, при которомъ, сознавая свои дѣйствія, подсудимая тѣмъ не менѣе не могла управлять ими; по выраженію В. Д. Спасовича, Островлева «самое капризное, самое непостоянное существо, вырожденіе поступательное и безпредѣльное съ полной невозможностью дойти до полного здоровья.» (Соч. VII, стр. 57 и предшеств.).

На ряду съ изслѣдованіемъ характера В. Д. Спасовичъ внимательно останавливается и на мотивахъ дѣятельности подсудимыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда находитъ въ нихъ матеріалъ, удобный для защиты, на которомъ можно обосновать требованіе объ оправданіи или о смягченіи, или найти настоящее объясненіе дѣйствій участниковъ процесса. Въ дѣлѣ Крестовскаго, подсудимый ссылался на то, что нанесъ оскорбленіе, защищая честь мундира; дѣло разбиралось въ военномъ судѣ, и такой способъ защиты могъ оказаться очень выгоднымъ. В. Д. Спасовичъ, бывшій обвинителемъ, и постарался доказать, что мундиръ явился лишь для прикрытія другихъ болѣе низменныхъ побужденій. «Крестовскому, сказалъ онъ, предстояло рѣшить слѣдующую задачу: придумать средство, которое и репутацію его возстановило бы и служебную карьеру его не испортило. Средство найдено вполне подходящее, хотя весьма не рыцарское: сначала побить Соколовскаго, потомъ сказать, что онъ военный мундиръ порочилъ, и явиться, такимъ образомъ предъ товарищами и начальствомъ мстителемъ за этотъ мундиръ.» (Соч. VI, стр. 81); благодаря такой тактикѣ В. Д. Спасовичъ разбивалъ важнѣйшій расчетъ подсудимаго на симпатію судей, отъ которой зависѣла болѣе или менѣе снисходительная оцѣнка фактическихъ данныхъ. Въ дѣлѣ Савицкаго, занимавшаго мѣсто

члена Екатеринбургскаго суда, въ пылу увлеченія рѣзко отозвавшагося въ официальной бумагѣ о дѣйствіяхъ предсѣдателя суда и своихъ сотоварищей, В. Д. Спасовичъ главнымъ доводомъ въ защиту подсудимаго сдѣлалъ чистоту его мотивовъ, доказывая, что Савицкій совершилъ свой поступокъ, возмущенный неправильнымъ, по его мнѣнію, отношеніемъ къ судейскимъ обязанностямъ со стороны жалобщиковъ и желая добиться ихъ надлежащаго выполненія: «За эту устойчивость въ убѣжденіяхъ никто не вправе ни претендовать къ нему, ни взыскивать, — это святая область чувствъ и убѣжденій чело-вѣка, въ которой, будь онъ администраторъ или судья, онъ неповиненъ отчетомъ начальству». (Соч. VI, стр. 339). Затѣмъ В. Д. Спасовичъ постановкой вопроса о мотивахъ Савицкаго старается вызвать къ нему снисходительное отношеніе судей; дѣло разбиралось въ Сенатѣ, и В. Д. Спасовичъ указываетъ, что несчастіе подсудимаго — его слишкомъ щепетильное отношеніе къ своимъ и чужимъ обязанностямъ, которое, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что будучи кандидатомъ при уголовномъ департаментѣ Сената онъ вынесъ оттуда «слишкомъ идеальное понятіе объ обязанностяхъ судей, о законѣ, о правдѣ». (Соч. VI, стр. 330). Удачное изображеніе личности судьи «печальника судебныхъ порядковъ» вѣроятно не мало содѣйствовало тому, что дѣло Савицкаго окончилось для него сравнительно благопріятно: простымъ внушеніемъ.

Неоднократно уже указывалось мною на важность хорошо составленныхъ заключеній рѣчи и на то вниманіе, которое удѣляется этой части рѣчи всѣми ораторами. У В. Д. Спасовича заключеніе имѣетъ цѣлью подчеркнуть основную мысль дѣла, чтобы, удаляясь въ совѣщательную комнату, судьи не позабыли существеннѣйшаго пункта аргументаціи защитника. В. Д. Спасовичъ всегда старается поставить заключеніе такъ, чтобы его окончательный выводъ могъ быть принятъ судьями. Если иногда рѣшеніе суда не совпадаетъ съ его предположеніями, то это нисколько не колеблетъ правильности его пріемовъ, но лишь значитъ, что убѣжденіе, которое выносятъ люди изъ разсмотрѣнія и оцѣнки однихъ и тѣхъ же фактовъ, бываетъ

очень различнымъ. Во всякомъ случаѣ В. Д. Спасовичъ не стремится къ оправданію во что бы то ни стало и согласно съ этимъ въ дѣлахъ, не допускающихъ возможности настаивать на оправданіи, насколько допустимо, старается выхлопотать смягченіе участи подсудимаго, пользуясь для этого по большей части описаніемъ положенія подсудимаго, его личнаго характера: въ дѣлѣ Зона В. Д. Спасовичъ указываетъ на низкій умственный уровень развитія его несовершеннолѣтней кліентки и на то, что она дѣйствовала несамостоятельно, была вовлечена въ преступленіе другимъ лицомъ, имѣвшимъ въ ея глазахъ большой авторитетъ, бывшимъ ея хозяиномъ.

Призывомъ къ снисхожденію заканчивается и защитительная рѣчь по дѣлу Кузнецова въ виду сграданій пережитыхъ подсудимымъ: «онъ дошелъ до галлюцинацій, ему чудились призраки отца и убитаго Иванова. Онъ былъ почти помѣшанный. Но онъ—натура сильная, онъ отрезвился, переживъ страшныя муки, онъ все рассказалъ, г.г. судьи... Вы имѣете передъ собою этого человѣка, и я полагаю, что вы найдете основаніе къ значительному смягченію его участи. Я поручаю судьбу его вамъ». (Соч. V, стр. 173). Иногда просьба о снисхожденіи мотивируется тѣмъ, что подсудимый не могъ противиться давленію окружающей среды, что былъ захваченъ извѣстнымъ общественнымъ настроеніемъ: «не можетъ же быть этотъ человѣкъ икупителемъ за духъ вѣка, за его неудержимыя стремленія, за все то, что увлекаетъ мимо вѣдѣнія и воли въ невѣдомую и загадочную даль. Распространеніе движенія есть въ глазахъ правосудія смягчающее вину обстоятельство. Я вѣрю, что вы это обстоятельство примите въ расчетъ»... (Соч. VI, стр. 162). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ заключенія рѣчей В. Д. Спасовича представляютъ собою какъ бы окончаніе его предшествовавшихъ разсужденій о преступленіи и помогаютъ подведенію подъ законъ разсмотрѣнныхъ имъ фактовъ, выдвигаютъ главную черту преступленія, опредѣляющую и характеръ отвѣтственности. Въ рѣчи по дѣлу Утина необходимымъ базисомъ наказанія В. Д. Спасовичъ считаетъ поведеніе и мотивы дуэлянтовъ и указываетъ, что поведеніе ихъ безусловно и результатъ поединка «слѣдуетъ

приписать стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, то надлежитъ по справедливости понизить наказаніе до послѣдней грани, до которой позволяетъ вамъ доходить законъ». (Соч. V, стр. 247). Наконецъ, въ заключеніяхъ В. Д. Спасовичъ повторяетъ иногда главный пунктъ спора, выясненію котораго была посвящена его рѣчь и ставить немедленно за нимъ свое требованіе: «Г.г. присяжные, закончилъ онъ рѣчь по дѣлу Шишкиныхъ, во имя этой истины я прошу васъ... вникнуть въ то, что такое наслѣдство Ландсберга, и вы увидите, что оно все состоитъ не изъ настоящаго богатства, а изъ фальшивой репутаціи о мнимомъ богатствѣ, которая Шишкину давить и не даетъ ей жить. Я не сомнѣваюсь, что вы освободите ее отъ этого фальшиваго наслѣдства, т. е. что вы признаете ее невинною»... (Соч. V, стр. 64). Иногда все заключеніе В. Д. Спасовича сводится къ краткому резюме его желаній безъ всякихъ указаній и напоминаній. Таково заключеніе рѣчи по дѣлу Плотицыныхъ «Уголовная палата проситъ объ отмѣнѣ Зыкину наказанія за давностью, я же прошу того, о чемъ ходатайствуется, не въ видѣ милости, а въ видѣ строгой справедливости». (Соч. V, стр. 99).

Черезъ вступленіе, изложеніе и заключеніе въ рѣчахъ В. Д. Спасовича красною нитью проходитъ его главная цѣль—поддержаніе доказательствъ, подготовленіе для нихъ почвы, на доказательствахъ и сосредоточивается преимущественно работа В. Д. Спасовича.

4.

Доказательства въ рѣчахъ В. Д. Спасовича располагаются въ безусловномъ порядкѣ, въ тщательно продуманной системѣ, такъ что предыдущее тѣсно примыкаетъ къ послѣдующему, образуя непрерывную цѣпь, въ которой каждое звено имѣетъ свой смыслъ и значеніе и не можетъ быть вынута безъ поврежденія послѣдовательности и крѣпости всей цѣпи. Дорожа ясностью своей аргументаціи, В. Д. Спасовичъ, какъ и другіе ораторы, очень часто прежде, чѣмъ перейти къ изложенію доказательствъ, вкратцѣ сообщаетъ планъ защиты, всегда точно

соображенный съ обстоятельствами. Если обвиненіе не создало въ своей рѣчи выгоднаго положенія противнику или доводы и соображенія защиты настолько сильны, что нѣтъ надобности тотчасъ же отразить нападеніе, В. Д. Спасовичъ идетъ самостоятельнымъ путемъ, руководясь своимъ собственнымъ матеріаломъ.

Если же обвиненіе требуетъ отвѣта и опроверженія, В. Д. Спасовичъ въ планѣ отмѣчаетъ, что онъ направитъ свою аргументацію по пути, указанному обвинителемъ, и здѣсь уже послѣдуетъ за нимъ шагъ за шагомъ, уничтожая его доводы и выдвигая свои: «Эта книга обвиняется по 2 пунктамъ. Первый пунктъ заключается въ томъ, что книга Луи Блана содержитъ взгляды и мысли противныя христіанскому ученію... Другой пунктъ обвиненія заключается въ томъ, что въ ней высказываются мысли, противныя монархическому образу правленія. Сообразно этой системѣ обвиненія я долженъ раздѣлить на 2 части и мою защиту». (Соч. V, стр. 103). вмѣстѣ съ тѣмъ ораторъ, очерчивая планъ дѣйствій, гдѣ возможно, выясняетъ общее значеніе предстоящихъ доказательствъ, побуждая судей къ вниманію; въ дѣлѣ Шапова онъ указываетъ, что «Шаповъ ступевывается, и на скамьѣ подсудимыхъ въ лицѣ Шапова садится сама наша литература, и отъ васъ, г.г. судьи, ожидается установленіе границъ, въ какихъ можетъ она трактовать серьезнымъ и приличнымъ образомъ о предметахъ важныхъ: о правѣ, морали, религіи и государствѣ». (Соч. V, стр. 103). Затѣмъ, обезпечивъ за собою вниманіе судей, В. Д. Спасовичъ въ данномъ дѣлѣ перешелъ къ разбору доводовъ обвиненія посредствомъ ихъ опроверженія, намѣтивъ всѣ слабыя стороны аргументаціи прокурора.

В. Д. Спасовичъ не упускаетъ случая сдѣлать крайніе выводы изъ посылокъ обвиненія и такимъ способомъ вполне рельефно выставить передъ судомъ ихъ несостоятельность и необоснованность, что въ значительной мѣрѣ облегчаетъ защиту, не требуя отъ нея положительныхъ доказательствъ, дозволяя ограничиться критикой доводовъ противника. Такимъ путемъ въ цитированномъ дѣлѣ Шапова на основаніи

рѣшеній правительствующаго сената, ораторъ доказалъ, что отсылка книгъ, затрогивающихъ религіозные вопросы съ общей точки зрѣнія въ духовную цензуру не можетъ быть допущена, такъ какъ иначе «снова была бы восстановлена въ прежнемъ видѣ предварительная цензура и законъ 6 апрѣля 1865 г. былъ бы de facto отмѣненъ» — заключеніе, конечно, совершенно недопустимое и разбивающее аргументы прокурора, построенныя на этомъ предположеніи. Далѣе ораторъ побѣдоносно примѣнилъ свой методъ, доказавъ, что въ свѣтскихъ книгахъ можно говорить о сектахъ и вѣроученіяхъ въ противномъ случаѣ «надлежало бы вычеркнуть въ любомъ учебникѣ географіи свѣдѣнія о томъ, что есть моль сектанты, называемые мормонами, живущіе при Солянѣмъ озерѣ, вѣрующіе въ то-то», замѣчая, что при такомъ вычеркиваніи вышло бы «все, что угодно, но только не торжество религіи» и что «обобщить все возможно и путемъ обобщенія дойти до какихъ угодно послѣдствій». (Соч. V, 113, 114, 118).

Выказывая большое искусство въ опроверженіи противника, В. Д. Спасовичъ умѣло обходитъ опасныя мѣста, стараясь уменьшить ихъ значеніе. Въ дѣлѣ Щапова прокуратура выдвигала между прочимъ одну рѣзкую фразу Луи Блана, опасную для престижа христіанства, В. Д. Спасовичъ, перебравъ, всѣ доводы, относящіеся къ этому, и заявивъ, что извлекъ все религіозное изъ книги Луи Блана, припомнилъ «маленькую фразу», случайно пророненную Луи Бланомъ: «Вотъ уже 2000 лѣтъ, какъ умеръ Искупитель, когда же придетъ искупленіе?» (Соч. V, стр. 106), благодаря чему инкриминируемое мѣсто сгладилось другими соображеніями, которымъ ораторъ удѣлилъ гораздо больше вниманія.

В. Д. Спасовичъ вообще обладаетъ большимъ умѣньемъ ставить каждое доказательство на свое мѣсто и освобождать свою аргументацію отъ запутывающихъ подробностей и мелочей, затемняющихъ суть спора, на которыхъ нерѣдко задерживаются слишкомъ долго ораторы, не владѣющіе искусствомъ отличать важное отъ неважнаго и вести слушателя прямо къ цѣли. Напр. въ дѣлѣ Пальма прокуроръ долго занимался вопросомъ о томъ, знало ли лицо, передавшее Пальму

казенныя деньги, что послѣдній употребить ихъ на свои надобности. В. Д. Спасовичъ, касаясь этого пункта, мимоходомъ указаль, что это обстоятельство для дѣла безразлично, такъ какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ Пальмъ всетаки виновень и долженъ одинъ нести отвѣтственность за свой проступокъ. (Соч. V, стр. 251).

Строгая логичность въ построеніи доказательствъ выражается у В. Д. Спасовича и въ томъ, что онъ стремится выяснить не только результаты, но и способы изслѣдованія, благодаря которымъ сложилось его убѣжденіе и которые по его мнѣнію нужно примѣнить къ данному дѣлу, чтобы не впасть въ ошибку и не пойти по ложной дорогѣ, вслѣдствіе этого слушатели имѣють возможность всесторонне оцѣнить не только представленное соображеніе, но и достоинство приложенныхъ ораторомъ методовъ при ихъ добываніи и оцѣнѣ. «Я кончилъ мои предварительныя объясненія, извиняюсь за ихъ длинноту, но такова ужъ моя усвоенная привычка обращать прежде всего вниманіе на приемы и методы изслѣдованія. Во всякомъ изслѣдованіи они то главное, они почти все, всякая погрѣшность коренится въ ошибочномъ приемѣ, въ ложномъ методѣ», (Соч. VI, стр. 185) говоритъ В. Д. Спасовичъ въ рѣчи по дѣлу Нины Андреевской, въ которой особенно детально останавливается на способахъ оцѣнки доказательствъ; самая рѣчь начинается съ напомниманья судьямъ, что «закономъ установленная необходимость позабыть все, внѣ дѣла лежащее, имѣеть громадное значеніе въ настоящемъ дѣлѣ» и затѣмъ сравниваетъ дѣятельность судей съ работой историка, который долженъ очистить историческій фактъ отъ выросшихъ на него легендъ и искаженій и затѣмъ высказать свое сужденіе. Для выясненія неправильности метода В. Д. Спасовичъ употребляетъ всѣ средства и не идетъ дальше, не установивъ вполне прочно исходнаго пункта, не оцѣнивъ доказательствъ и выводовъ съ точки зрѣнія ихъ пригодности въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Въ дѣлѣ Московскаго коммерческаго банка совѣтъ этого банка не проявилъ въ рѣшительный моментъ достаточно энергичной дѣятельности, на этомъ основаніи судъ вывелъ причинную связь между послѣд-

ствіемъ и бездѣятельностью совѣта. В. Д. Спасовичъ опровергаетъ это доказательство, не затрогивая его фактической стороны. «Совершено убійство, говоритъ онъ, обнаружено, что о преступномъ замыслѣ зналъ А., что онъ могъ задержать убійцу, коего не задержалъ, и что вслѣдствіе такого «распоряженія», какъ бы выразился московскій судъ, убійство совершилось». На этомъ примѣрѣ В. Д. Спасовичъ и доказываетъ, что какъ нельзя обвинять А. въ совершеніи убійства, а только въ укрывательствѣ или недонесеніи, такъ точно нельзя установить прочной связи и въ первомъ случаѣ. (Соч. VI, стр. 91). Точно также въ рѣчи по дѣлу Нины Андреевской В. Д. Спасовичъ указываетъ, что относительно виновности Чхотуа судъ, вопреки логическому правилу идти отъ величинъ извѣстныхъ къ неизвѣстнымъ, посредствомъ неизвѣстныхъ старается отыскать другія неизвѣстныя, и на этомъ основаніи признаетъ бесплодную работу слѣдствія и суда въ данномъ направленіи (Соч. VI, стр. 228). Такой же приемъ чисто логической оцѣнки фактовъ былъ примѣненъ В. Д. Спасовичемъ въ дѣлѣ графа Моркова, обвинявшагося въ убійствѣ Будилы отчасти и потому, что его подозрѣвали въ похищеніи головы трупа убитаго, чтобы скрыть характеръ нанесенной ему раны: «убіеніе Будилы Морковымъ было и есть только догадка, подѣ которую подыскивались основанія. Изъ этой догадки комиссія вывела вторую догадку: если Будилу убилъ Морковъ, то и голову похитилъ Морковъ, а эта послѣдняя догадка обращена потомъ въ свою очередь въ средство, подкрѣпленіе и подтвержденіе первой: если голову похитилъ Морковъ, то по всей вѣроятности онъ же и убилъ Будилу. Выходитъ то, что называютъ въ логикѣ *circulus vitiosus*». (Соч. V, стр. 85). Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы стараться опровергнуть связь между двумя дѣйствіями, приписываемыми Моркову или доказывать, что онъ не совершилъ второго, т. е. похищенія головы, В. Д. Спасовичъ разрушаетъ силу аргументовъ, предварительно дѣлая совершенно ясной слабость обвинительнаго пункта и необходимость для обвиненія подыскать сначала прочный фундаментъ и на немъ уже строить зданіе, которое могло бы противостоять разрушитель-

ному анализу противника. Если доказательства повидимому неблагоприятны его кліенту, В. Д. Спасовичъ не уступаетъ противнику, и изслѣдовавъ ихъ, придаетъ имъ иногда другой характеръ и окраску, не подвергая сомнѣнію и не отрицая достовѣрныхъ фактовъ, что было бы безуспѣшно и могло бы произвести дурное впечатлѣніе на судей. Въ дѣлѣ Шишкиныхъ одинъ свидѣтель показывалъ, что драгоценности, найденныя у подсудимой, находились въ рукахъ ея покойнаго мужа и составляли часть его имущества. В. Д. Спасовичъ не опровергаетъ прямо этого факта, онъ даетъ ему только иное, болѣе вѣроятное истолкованіе: «я только въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, склоненъ былъ бы допустить предположеніе, что эти вещи собственность Ландсберга, если бы онъ былъ ювелиръ... Коль скоро онъ имъ не былъ, не естественнѣ ли предположить, что эти принадлежности дамскаго туалета... собственность той, которая можетъ ими пользоваться, а не того, кто не можетъ изъ нихъ извлекать непосредственной пользы». (Соч. V, стр. 57). Въ дѣлѣ Пальма прокуроръ обвинялъ подсудимаго въ томъ, что онъ растратилъ значительную часть денегъ послѣ обнаруженія растраты, что обвиненіе ставило отягощающимъ вину обстоятельствомъ, В. Д. Спасовичъ разбилъ это утвержденіе противника указаніемъ на то, что способъ дѣйствія подсудимаго былъ вполнѣ естествененъ и объясняется желаніемъ отвѣчать за растрату передъ однимъ, а не двумя учрежденіями. (Соч. V, стр. 254, 255). Въ расположеніи и развитіи доказательствъ В. Д. Спасовичъ не забываетъ основной мысли, тезиса рѣчи, на подтвержденія котораго и направляется аргументація; выводъ изъ нея является всегда подготовленнымъ, въ немъ въ послѣдній разъ суммируется въ краткихъ словахъ все подробно развитое раньше. Въ цитированномъ уже дѣлѣ Крестовскаго стараніе В. Д. Спасовича было направлено на доказательство неблагоприятности мотивовъ, руководившихъ подсудимымъ, окончательный выводъ и выражаетъ ясно главную цѣль оратора: «Я полагаю, что весь способъ передачи событія есть ничто иное какъ маска, что Крестовскій... достигалъ посредствомъ своихъ заявленій... цѣлей для него полезныхъ... сред-

ством непохвальнымъ. Кончикъ маски приподнять, и вы, г.г. судьи, разглядите за нею настоящее лицо». (Соч. VI, стр. 85).

Весьма часто сравненія служатъ для В. Д. Спасовича средствомъ убѣдить судей въ справедливости его соображеній, онъ придаетъ имъ въ этомъ смыслѣ важное значеніе: «Вся наша познавательная способность, весь нашъ аналитическій умъ проявляется только въ сравненіяхъ, мы ежеминутно сопоставляемъ самые разнородные и по виду даже не похожіе предметы и открываемъ въ нихъ черты сходства или несходства...»

Въ рѣчахъ В. Д. Спасовича чувствуется, что ораторъ увѣренъ въ прочности своего положенія, что онъ отбиваетъ нападенія и ведетъ атаку по обдуманному плану, вполне согласованному съ обстоятельствами дѣла *), не упуская ни одного доказательства.

*) Въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ ораторъ дѣйствуетъ въ доказательствахъ такъ, что можетъ показаться, что онъ старается прикрыть ихъ слабыя стороны. Такое впечатлѣніе производятъ нѣкоторые отдѣлы рѣчи по дѣлу К. объ истязаніи его семилѣтней дочери. Сущность дѣла заключалась въ томъ, что К. подвергалъ свою дочь слишкомъ сильнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, приравненнымъ обвиненіемъ къ причиненію истязаній и мученій, что грозило обвиняемому ссылкой. Положеніе защитника было не изъ легкихъ, и это отразилось на аргументаціи В. Д. Спасовича, лишило ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычной силы и безукоризненной послѣдовательности. Онъ въ основу защиты поставилъ право родителей наказывать дѣтей, подтвердивъ это ссылкой на законы царства польскаго, назначающіе за злоупотребленіе родительской властью внушеніе отъ суда, слѣдовательно главная мысль рѣчи, что К. могъ бы быть наказанъ за злоупотребленіе родительской властью, но не за истязанія, но такъ какъ по русскимъ законамъ это невозможно, онъ долженъ быть оправданъ по несоотвѣтствію наказанія съ виною. Въ этой основной постановкѣ съ В. Д. Спасовичемъ можно было бы согласиться, она въ значительной мѣрѣ поддерживается изложенными имъ обстоятельствами дѣла, но затѣмъ уже замѣчается нѣкоторая неровность въ приведеніи доводовъ. Ораторъ обсуждая наказаніе, понесенное потерпѣвшею, ссылается на англійскую и нѣмецкую педагогику, которая считаетъ пощечину болѣе предпочтительнымъ средствомъ, чѣмъ розги, оговариваясь, впрочемъ, что самъ считаетъ ихъ непригодными для воспитанія. (Соч. VI, стр. 58). Синяки отъ пощечинъ объясняетъ не ихъ силою, а тѣмъ, что, по показанію эксперта, «дѣвочка расположена къ золотухѣ и самый легкій ударъ, шипокъ, простой нажимъ производятъ пятна на тѣлѣ». Далѣе ораторъ отвергаетъ совсѣмъ существованіе синяковъ, ссылаясь на нѣкоторые свидѣтельскія показанія (Соч. VI, стр. 59) и это, несомнѣнно, болѣе убѣдительный доводъ, чѣмъ первый, такъ какъ впоследствии самъ В. Д. Спасовичъ признаетъ, что здоровье дѣвочки въ цвѣтущемъ состояніи, что она имѣетъ только нѣкоторое расположеніе къ золотухѣ, которое врядъ ли могло бы объяснить появленіе синяковъ безъ сильныхъ ударовъ.

Для примѣра я остановлюсь на его отношеніяхъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, которыя представляютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень трудный матеріаль: бывають не точны, передають обстоятельства невѣрно, наконецъ мѣняются. Не всегда легко бываетъ судебному оратору удержаться отъ нападеній на свидѣтеля, отъ стремленія подорвать къ нему довѣріе суда, не утратить необходимаго спокойствія и сдержанности. Въ этомъ отношеніи В. Д. Спасовичъ можетъ служить образцомъ: свидѣтельскія показанія онъ изслѣдуетъ, какъ и всякій другой фактъ, стараясь дать ему объясненіе, не прибѣгая къ нападенію, къ дискредитированію добросовѣстности свидѣтеля. Въ дѣлѣ Овсянникова, напр., приставъ показывалъ, что, явившись вмѣстѣ съ пожарными, видѣлъ пламя надъ главною трубою. В. Д. Спасовичъ, который не могъ согласиться съ этимъ показаніемъ, объяснилъ его обманомъ чувствъ свидѣтеля, такъ какъ «и по теоріи, которая лежитъ въ планѣ защиты и по теоріи, которой можетъ слѣдовать обвиненіе, этотъ фактъ невозможенъ». (Соч. VI, стр. 9).

(Соч. VI, стр. 67). Говоря о наказаніи розгами, касаясь медицинской экспертизы, указывая, что оно было тяжелымъ, но не причинило ранъ и поврежденій, защитникъ проводитъ взглядъ, что медикъ не можетъ опредѣлить прѣдѣловъ власти отца (Соч. VI, стр. 61), хотя, собственно говоря, медикъ долженъ былъ установить не эти прѣдѣлы, а наличность истязаній, жестокости, на которыя, само собою разумѣется, отецъ не имѣетъ права. Затѣмъ защитникъ, перейдя на другую позицію, доказывалъ, что суть въ наказаніи не въ синякахъ и пологахъ на тѣлѣ, а въ соответствіи между причиной, вызвавшей наказаніе и самимъ наказаніемъ. (Соч. VI, стр. 66). Излагая дѣло здѣсь В. Д. Спасовичъ съ излишнимъ увлеченіемъ поддерживалъ принципъ, что отецъ долженъ наказывать ребенка, хотя бы и больно: «Благо отцу, который останавливаетъ свое дитя во время; въ прежнее время говорили: «онъ избавляетъ сына отъ вислицы», мы говоримъ въ подобныхъ случаяхъ, что отецъ избавляетъ сына отъ каторжныхъ работъ и поселенія, а дочь отъ того, чтобы она не сдѣлалась распутною женщиною». (Соч. VI, стр. 68). Это положеніе напоминаетъ правила домостроя, наказаніе не есть сущность воспитанія и ни отъ чего не предохраняетъ, тѣмъ болѣе наказаніе тѣлесное, да и эти слова не совсѣмъ согласованы съ послѣдующей частью рѣчи, въ которой В. Д. Спасовичъ осуждаетъ образъ дѣйствій К. Излишнимъ слѣдуетъ считать и замѣчаніе, что наказаніе, вызвавшее судебное преслѣдованіе, хорошо подѣйствовало на ребенка и что «есть надежда, что она придетъ къ большому и большому исправленію» (Соч. VI, стр. 70), утвержденіе которое можетъ навести недовѣрчиваго слушателя на нѣкоторыя сомнѣнія. В. Д. Спасовичъ выигралъ дѣло: К. былъ оправданъ, нужно думать, что послѣднее произошло благодаря вѣрности основной идеи рѣчи, указанной выше, и не доказанности истязаній.

Въ дѣлѣ Крестовскаго противорѣчіе одного свидѣтеля объясняется В. Д. Спасовичемъ тѣмъ, что вниманіе его было направлено въ другую сторону и потому онъ могъ легко смѣшать лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ. (Соч. VI, стр. 76). Такъ же В. Д. Спасовичъ разбирается и среди другихъ доказательствъ—его каждая рѣчь даетъ въ этомъ смыслѣ много интересныхъ наблюденій, остроумныхъ и детальныхъ изслѣдованій о значеніи тѣхъ или другихъ доказательствъ.

СПбГу

II.

П. А. Александровъ.

П. А. Александровъ съ честью служилъ сначала въ рядахъ обвинителей, потомъ защитниковъ, такъ какъ охраняя независимость своихъ убѣжденій, онъ отказался отъ исключительной карьеры въ прокуратурѣ.

Выступая какъ защитникъ во многихъ громкихъ процессахъ, привлекавшихъ общественное вниманіе, П. А. Александровъ ставилъ свою защиту весьма широко, смотрѣлъ на себя не только какъ на юриста, но какъ на общественнаго дѣятеля, рѣчь котораго должна отозваться далеко за предѣлами залы судебного засѣданія. По сенсаціонному дѣлу объ убійствѣ Сарры Модебадзе, убитой, какъ предполагалось, евреями для выполненія религіозныхъ обрядовъ, П. А. Александровъ такъ опредѣляетъ цѣль, развиваемыхъ имъ аргументовъ: «въ виду того высокаго общественнаго значенія, которое долженъ имѣть настоящій процессъ... я желалъ бы исполнить мой долгъ не только какъ защитника, но и какъ гражданина, ибо нѣтъ сомнѣнія, что на насъ, какъ на общественныхъ дѣятеляхъ лежитъ обязанность служить не только интересамъ, защищаемыхъ нами, но и вносить свою лепту... по вопросамъ общественнаго интереса.» (Суд. оратор. I, стр. 406).

Въ отношеніяхъ къ противнику П. А. Александровъ держался съ большою осмотрительностью, избѣгая въ преніяхъ излишнихъ личныхъ столкновеній, нѣкоторыя отступленія отъ

этого объясняются особыми свойствами его стиля, о которомъ будетъ сказано ниже. Въ дѣлѣ Нотовича съ Тульскимъ банкомъ, касаясь обвиненій личнаго характера, направленныхъ противъ его кліента, П. А. Александровъ прямо отказался отъ ихъ обсужденія: «Я человекъ стараго времени, сказалъ онъ, я принадлежу началомъ моею дѣятельности къ первымъ годамъ судебной реформы. Я проникнутъ традиціями того времени, а въ то время всякая непорядочность въ преніяхъ удалалась». (Ляховецкій, стр. 39). Затѣмъ, однако, ораторъ, не касаясь по существу обвиненій, обратилъ ихъ противъ обвинителей, очень удачно замѣтивъ, что если они думаютъ, что Нотовичъ сталъ печатать статьи противъ банка за лишеніе его газеты объявленій, то можно предположить, что другія газеты хвалили банкъ также не безкорыстно, чѣмъ было окончательно уничтожено значеніе аргумента противниковъ. Въ дѣлѣ Модебадзе, опровергнувъ рядъ неосновательныхъ, легкомысленныхъ показаній свидѣтелей крестьянъ, П. А. Александровъ замѣтилъ, что не станеть смѣяться «надъ этими простыми людьми, лишенными умственнаго свѣта, надъ дѣтскою наивною ихъ выводовъ, надъ ихъ суевѣріемъ, нетронутымъ критикою здраваго сужденія», что тѣмъ болѣе было бы несправедливо, что и обвинительная власть сочла возможнымъ начать дѣло, «построенное на такихъ же умозаключеніяхъ и лишь пополненное съ избыткомъ баснями и сплетнями». (Ляховецкій, стр. 367).

П. А. Александровъ, насколько это видно по его напечатаннымъ рѣчамъ, былъ прирожденнымъ ораторомъ въ томъ смыслѣ, что замѣчательно легко владелъ словомъ; въ его фразахъ чувствуется легкость постройки, обильный запасъ словъ и выраженій, которыхъ оратору не приходилось приискивать, они шли къ нему сами, ему нужно было только выбирать и комбинировать. Поэтому въ его рѣчахъ щедро разсыпаны и патетическія и юмористическія мѣста, особенно П. А. Александровъ любилъ пользоваться послѣдними.

П. А. Александровъ не всегда останавливался во время, онъ увлекался какимъ-либо эффектнымъ положеніемъ, совершенно второстепеннымъ, но дающимъ пищу его шутливости

и остроумію, и останавливался на этомъ гораздо дольше, чѣмъ слѣдовало; то же можно сказать объ общихъ разсужденіяхъ, картинахъ и сравненіяхъ. Въ дѣлѣ Модебадзе предсѣдатель 2 раза останавливалъ защитника именно вслѣдствіе его злоупотребленія юморомъ (Рус. суд. ораторы, стр. 375—383) касательно пріятности одной свидѣтельницы и гаданья Моши Циціанова, при которомъ припоминались и законы Моисея и гаданье Саула и тѣнь Самуила.

Богатство стилия замѣтно и въ привычкѣ П. А. Александрова не довольствоваться однимъ выраженіемъ для поясненія мысли, а приводить ихъ нѣсколько, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣчь дѣлалась риторичной. Напр. въ дѣлѣ Модебадзе ораторъ долженъ былъ остановиться на дѣтскихъ стонахъ и крикахъ, слышанныхъ нѣсколькими свидѣтелями, П. А. Александровъ постарался даже описать сравненіями впечатлѣніе, произведенное на него этой частью судебного слѣдствія: «Это какой-то мрачный переходъ Дантовскаго чистилища, гдѣ души некрещенныхъ младенцевъ въ томительномъ ожиданіи взываютъ къ спасенію. Это продолжительная вокальная музыка, которая однако никакъ не складывается въ концертъ». (Рус. суд. ораторы, I, стр. 370).

Ораторъ вводилъ иногда для оживленія рѣчи и болѣе или менѣе подходящія анекдоты и рассказы и дѣлалъ это съ большимъ умѣньемъ; въ дѣлѣ Модебадзе, послѣ доказательства, что кровью ея никто не пользовался и ранъ на ней не было, чѣмъ, слѣдовательно, и уничтожалась предполагаемая цѣль убійства, П. А. Александровъ сравнилъ положеніе, въ которое былъ поставленъ судъ, съ положеніемъ одного стараго суда, судившаго вѣдьму и не могшаго придти къ результату пока какой-то старикъ не заявилъ, что есть несомнѣнное доказательство: у вѣдьмы долженъ быть хвостъ. Въ данномъ случаѣ хвоста не оказалось, и обвиненіе было разрушено. (Рус. суд. ораторы, I, стр. 393).

Эффектность и богатство слога П. А. Александрова сказывались уже во вступленіяхъ къ рѣчамъ, которыя начинались обыкновенно сильной и красивой картиной, могущей заинтересовать слушателей: «Гг. судьи, началъ П. А. Але-

ксандровъ рѣчь по дѣлу Модебадзе, 4 апрѣля, въ селеніи Перевиси исчезла неизвѣстно куда приближавшаяся къ шестилѣтію своей жизни Сарра Модебадзе. На другой день слить дамъ — кровавый навѣтъ, столь памятный еврейству по средневѣковымъ кострамъ, пыткамъ, мученіямъ и гоненіямъ всякаго рода — грознымъ эхомъ пронесся по всей Сачхерской дорогѣ и встревожилъ мирное Сачхерское населеніе». (Рус. суд. оратор., I, стр. 348). Этими словами судьи сразу вводились въ обстановку дѣла, въ трагическій узелъ, завязанный прокуроромъ надъ подсудимыми. Въ дѣлѣ Нотовича во вступленіи прекрасно изложено значеніе закона о диффамациі, выяснена его общественная роль и положеніе, созданное имъ для представителей печати, которые должны не трогать какихъ либо непріятныхъ или некрасивыхъ явленій общественной и частной жизни, но которымъ взаимно «остается розовая область отрадныхъ явленій. Оглашеніе такихъ явленій не возбранено; въ этой области печать свободна. Хвали, что можно, одобряй, гдѣ нужно; славословь, гдѣ выгодно, ликуй, когда это предоставлено». (Ляховецкій, о. с., стр. 12). Въ этихъ словахъ заключается злая критика существующаго положенія печати, выраженная вполне сдержанно, безъ всякихъ нападеній на кого бы то ни было; ораторъ только описываетъ несомнѣнно существующее и этимъ самымъ даетъ судьямъ матеріалъ для дальнѣйшихъ умозаключеній по дѣлу.

Такъ же какъ вступленія, блестящи въ рѣчахъ П. А. Александрова и заключенія, въ нихъ ораторъ умѣлъ суммировать въ изящныхъ выраженіяхъ свои мнѣнія и требованія и въ послѣдній разъ подчеркнуть передъ судьями значеніе ихъ приговора. Такъ въ дѣлѣ Нотовича онъ указалъ, что удовлетворить желаніе обвинителя, согласиться съ нимъ значило бы «закрывать уста печати». «Уважая такія неудобноисполнимыя требованія, судъ, можетъ быть, закроетъ тому или другому недобросовѣстному писателю ротъ, но съ этимъ вмѣстѣ наложитъ молчаніе на всю печать. Гг. судьи, не защита Нотовича ждетъ вашего приговора, его ждутъ отъ васъ интересы общества и печати». (Ляховецкій, стр. 43).

Со всѣми разобранными качествами, способностью къ

увлеченію, къ юмору, къ ироніи, П. А. Александровъ соединялъ и умѣнье вести аргументацію. Страстность, увлеченіе, съ которыми велась иногда защита, не препятствовали детальному обсужденію доказательствъ, П. А. Александровъ не уклонялся ни отъ одного довода противника, смѣло принималъ его вызовъ и старался не оставлять ничего не выясненнымъ, не проанализированнымъ.

Въ дѣлѣ Модебадзе вначалѣ перечислялись доказательства, добытыя на предварительномъ слѣдствіи, затѣмъ оцѣнивались вкратцѣ всѣ участвующіе въ процессѣ, при чемъ обвиненіе нѣсколько риторично сравнивалось со зданіемъ, въ которомъ каждому доказательству отведено мѣсто въ качествѣ какой либо архитектурной детали (Рус. суд. ораторы, т. I, стр. 353). Разбирая въ этой же рѣчи дальше отдѣльные доказательства, П. А. Александровъ обосновалъ прежде всего положеніе, что не могло быть похищенія Сарры евреями, путемъ самыхъ тщательныхъ наведеній и соображеній; ораторъ былъ такъ твердо увѣренъ въ своихъ выводахъ, что сдѣлалъ противнику предложеніе разъяснить его недоумѣнія или признать свою ошибку. (Ив., стр. 361). «Та западня, продолжалъ онъ дальше, въ которую по показанію Гр. Модебадзе, попала Сарра... становится въ дѣйствительности безвыходною западнею для обвиненія. Суживаетъ обвиненіе эту западню — Сарра не успѣваетъ попасть въ нее; расширяетъ — первая группа давно миновала Гр. Модебадзе, козелъ уже проблеялъ, ребенокъ прокричалъ, похищеніе стало быть совершилось».... (Рус. суд. орат., I, стр. 363).

Въ дѣлѣ Нотовича, въ которомъ П. А. Александрову пришлось выступить при разбирательствѣ въ апелляціонномъ порядкѣ, когда уже стороны успѣли осложнить дѣло массою различныхъ обстоятельствъ, затемнить главное и существенное, положеніе его требовало внимательной и большой работы, и онъ безукоризненно выполнилъ свою задачу, справившись съ дѣйствительными и фиктивными трудностями дѣла. Выяснивъ, что преслѣдованіе Нотовича за клевету, а не за диффамачію не могло значительно улучшить его положенія въ процессѣ, такъ какъ обвинители упорно отказывали

ему въ выдачѣ необходимыхъ удостовѣреній и документовъ и слѣдовательно они мало теряли отъ измѣненія въ порядкѣ преслѣдованія, П. А. Александровъ искусно перешелъ къ разсмотрѣнiю основного пункта доказательствъ обвинителей, обвинявшихъ на основаніи отдѣльныхъ фразъ и выраженій, не всегда точно приведенныхъ и вѣрно истолкованныхъ. «Пріемъ въ корнѣ неправильный. Изъ костюма вырываютъ клочъ; клочъ этотъ разсматриваютъ черезъ микроскопъ, увеличивающій во много разъ, отыскиваютъ подозрительное пятно, и заключаютъ. Нѣтъ! судите насъ по всему костюму, а не по тому лоскуту, который вырвали наши обвинители». (Ляховецкій, стр. 18). Послѣ этого ораторъ перевелъ въ этомъ дѣлѣ споръ на настоящую почву — къ сравненію Тульского банка съ Саратовско-Симбирскимъ, и сдѣлалъ это сравненіе исходной точкой послѣдующихъ разсужденій. Съ большимъ успѣхомъ П. А. Александровъ также выяснилъ тактику обвинителей, старавшихся держаться на формальной почвѣ, требуя вездѣ точныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ; между прочимъ обвинители считали недостаточными показанія двухъ свидѣтелей о подставныхъ акціонерахъ. «Что же это говорятъ за доказательство? Вы сами видѣли, какъ распредѣлялись акціи?—спрашивали свидѣтелей. Возликовали сущіе во гробѣхъ дьяки и подъячіе старинныхъ русскихъ приказовъ — не пропалъ, дескать, нашъ духъ на землѣ русской, не смотря на всѣ судебныя реформы!» (Ляховецкій, стр. 35). Расчистивъ себѣ такимъ образомъ дорогу, Александровъ могъ дѣйствовать свободно, разобрать каждое обстоятельство и опредѣлить его отношеніе къ процессу и всесторонне выяснить и освѣтить защищаемое имъ дѣло.

III.

С. А. Андреевскій.

С. А. Андреевскій оригинальный ораторъ, его важнѣйшая особенность, отмѣченная К. К. Арсеньевымъ и гг. Глинскимъ и Ляховецкимъ: литературный характеръ его рѣчей, художественность ихъ постройки. Къ самому С. А. Андреевскому можно бы было примѣнить данное имъ опредѣленіе рѣчей В. Д. Спасовича, какъ произвольной поэзіи; это опредѣленіе болѣе подходитъ къ его рѣчамъ. Особенности ораторской манеры С. А. Андреевскаго сказываются уже во вступленіяхъ: въ противоположность В. Д. Спасовичу онъ обращаетъ на нихъ большое вниманіе, занимаетъ иногда ими значительную часть рѣчи, тщательно ихъ отдѣлываетъ, стараясь до разбора дѣла заинтересовать судей, выяснить существенные вопросы и затѣмъ уже идти по подготовленному пути. Напр. во вступленіи въ рѣчи по дѣлу Вольфрамъ ораторъ пространно объясняетъ значеніе разбора дѣла при наличности сознанія подсудимыхъ, созданное уставами 1864 г., особенно важное на судѣ присяжныхъ «потому что судъ присяжныхъ есть судъ общественный, у дверей котораго толкуются живыя нужды и недуги времени». Разъясняетъ что присяжные должны всесторонне изучить личность преданныхъ ихъ суду, сообразить и взвѣсить бытовую обстановку, въ которой они находятся; затѣмъ ораторъ указываетъ, что дѣло Вольфрамъ близко связано съ законодательными неу-

стройствами въ вопросѣ о незаконнорожденныхъ и разлученіи супруговъ, что ея преступленіе какъ бы вызвано этими неустройствами и послѣ этого переходитъ къ оцѣнкѣ личности подсудимой, къ различнымъ мнѣніямъ, высказаннымъ на счетъ ея характера и поведенія (Защитительныя рѣчи изд. 2-е стр. 92—94). Столь же обширно и такой же общій характеръ носить вступленіе рѣчи по дѣлу Таганрогской таможни (стр. 123 и слѣд.). Въ дѣлѣ Мироновича во вступленіи разсматривается предварительное слѣдствіе, его пробѣлы и ошибки (стр. 173 и слѣд.). С. А. Андреевскій умѣетъ обходиться и безъ длинныхъ вступленій въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло представляется простымъ, не осложненнымъ различными внѣшними условіями и обстоятельствами. Напр. въ дѣлѣ Афанасьевой вкратцѣ отмѣчается важность преступленія (покушеніе на убійство, стоящее непосредственно за убійствомъ) изъ чего дѣлается выводъ, что «отвѣтственность защиты и самихъ судей въ этомъ дѣлѣ великая». Рядомъ съ этимъ С. А. Андреевскій выдвигаетъ главный пунктъ процесса: «страсть. Объ этомъ то явленіи человѣческой природы намъ и придется сказать нѣсколько словъ, потому что объ уликахъ разсуждать нечего». (Стр. 244). Для выясненія важнѣйшаго момента дѣла служить вступленіе по дѣлу Гальперна, разбиравшагося черезъ 15 лѣтъ послѣ предполагаемаго совершенія, что дало поводъ оратору составить лирическое вступленіе на тему о значеніи времени въ человѣческихъ дѣяніяхъ. «Давно это было, гг. присяжные, очень давно... легко назвать эту цифру 15 лѣтъ... Вѣдь это значитъ во время перваго векселя, едва только начинали въ Россіи щипать корпію для болгаръ! а потомъ была турецкая война... потомъ пошли страшныя внутреннія потрясенія въ Россіи... потомъ новое царствованіе, почти 10 лѣтъ новаго царствованія! Сколько героевъ, полководцевъ было и сплыло, сколько красавиць сдѣлалось старухами!»... (Рѣчи, стр. 290).

Слогъ рѣчей С. А. Андреевскаго тщательно отдѣланъ и изященъ, въ немъ замѣтно основательное знакомство съ литературой и литературныя наклонности автора, который вездѣ, гдѣ возможно, приводитъ цитаты изъ писателей, беретъ изъ

нихъ сравненія и аналогіи (ссылкоѣ на научныя работы почти не встрѣчается, С. А. Андреевскій отдаѣтъ рѣшительное предпочтеніе художественному элементу). Чтобы не быть голословнымъ укажу на дѣло Мироновича въ которомъ указывается на «знаменитаго слѣдователя Порфирія», выведеннаго Достоевскимъ въ «Преступленіи и наказаніи» (Рѣчи, стр. 197). Запутанный процессъ Мироновича сопоставляется съ разсказомъ Поэ «Двойное убійство въ улицѣ Morgue», въ которомъ авторъ описываетъ убійство, непонятное для слѣдователя, а въ дѣйствительности совершенное обезьяной. «Я не дѣлаю, замѣчаетъ по этому поводу ораторъ, сближеній оскорбительныхъ для г-жи Семеновой, хотя послѣ Дарвина тутъ и обижаться нечѣмъ». (Рѣчи стр. 212). Особенно много указаній на литературу въ типичной для таланта С. А. Андреевскаго рѣчи по дѣлу Иванова. По мнѣнію оратора подсудимый, «будто цѣликомъ взятъ изъ самыхъ страстныхъ романовъ нашей эпохи: въ немъ есть и Карамазовская кровь, есть большое сходство съ Позднышевымъ изъ «Крейцеровой сонаты»... Самая фамилія его «Ивановъ» подобно заглавію Чеховской комедіи будто хочетъ сказать намъ, что такихъ людей много расплодилось въ наше время». (Рѣчи стр. 325). Въ этой же рѣчи приводится опредѣленіе современной любви, данное французскимъ поэтомъ Ришпенемъ: «Наши отцы любили, какъ кролики; мы любимъ, какъ змѣи. Наша любовь это какаѣ то адская смѣсь острой водки и святой воды...» (Рѣчи, стр. 331), поясняемое цитатой изъ Достоевскаго. То, что Ивановъ могъ глубоко полюбить сразу, С. А. Андреевскій доказываетъ тѣмъ, что объ этомъ говоритъ вся исторія поэзіи. «Поэзія достояніе всѣхъ людей, она не знаетъ аристократизма, и въ дѣлѣ Иванова, который самъ себя считаетъ по натурѣ поэтомъ, я могу назвать извѣстныя и ему имена въ литературѣ: Данте, Ромео, Фауста». (Рѣчи, стр. 332). Итакъ, Достоевскій, Толстой, Чеховъ, Ришпень, Данте, Ромео, Фаустъ и все это по поводу любовной исторіи не особенно крупныхъ размѣровъ, такой приѣмъ вызываетъ мысль объ излишествѣ украшеній и цитатъ, при такой системѣ живыя лица, которыя должны сохранить свои индивидуаль-

ныя качества и особенности въ рѣчи судебного оратора, превращаются въ выдуманнхъ ad hoc героевъ, живущихъ не въ реальности, а въ его художественной фантазiи.

С. А. Андреевскiй охотно прибѣгаетъ и къ юмору; если обстоятельства дѣла даютъ возможность для комическаго намека и сопоставленiя, это сопоставленiе дѣлается иногда съ большимъ искусствомъ и служитъ для оживленiя и возбужденiя вниманiя слушателей. Ораторъ при этомъ не стѣсняется характеромъ сопоставленiй, не оберегаетъ серьезности рѣчи, не боится смѣлыхъ сравненiй и выраженiй, которыя не всегда соотвѣтствуютъ у него общему тону судебного разбирательства. Въ дѣлѣ Келешей ораторъ допускаетъ для подсудимыхъ возможность проникнуть на мѣсто совершения преступленiя только въ случаѣ, если «кто нибудь изъ Келешей могъ забиться комаромъ въ шелку или влетѣть въ кладовую черезъ трубу, какъ вѣдьма». (Рѣчи, стр. 83).

Въ дѣлѣ Айканова, трактуя о таможенныхъ соблазнахъ и ихъ заразительности, Андреевскiй передаетъ случай, какъ мелкiй чиновникъ «выпросилъ у купца цѣлую дюжину бутылокъ слабительной воды, безъ всякой надобности. Жадность разбираетъ». (Рѣчи, стр. 127).

Въ дѣлѣ Сушкиныхъ, высмѣивая доводъ обвиненiя, что Сушкинъ подкупалъ ревизоровъ кредитомъ на цѣлме $\frac{1}{2}$ милiона, С. А. Андреевскiй шутивно добавляетъ: «ради чего же нужна имъ милость этихъ жадныхъ ревизоровъ?! Вотъ ужъ по истинѣ выходитъ, какъ говорятъ хохлы: «прости мене, моя мила, що ты мене била». (Рѣчи, стр. 255). Иногда юморъ употребляется С. А. Андреевскимъ для опроверженiя утвержденiй противника. Такъ въ дѣлѣ Гальперна причиной смерти его управляющаго Раппопорта выставились угрызенiя совѣсти, вызванныя подлогомъ векселей; С. А. Андреевскiй, доказавъ, что мучиться Раппопорту было не изъ чего, дополняетъ свои соображенiя слѣдующими словами: «Да и потомъ рѣшительно никто на свѣтѣ отъ мученiй совѣсти не умираетъ! Такой смертельной болѣзни вовсе не существуетъ. Знаменитый Гуда испыталъ наибольшiя мученiя совѣсти, да и тотъ отъ нихъ непосредственно не умеръ, а вынужденъ

былъ повѣситься, чтобы умереть... Значить все это жалкая выдумка, клевета на покойнаго». (Рѣчи, стр. 298). Здѣсь уже юморъ переходитъ въ игру словами и понятіями, ораторъ возражаетъ, пользуясь внѣшнею правильностью своихъ доводовъ, такъ какъ, конечно, обвиненіе не выставило мученій совѣсти въ качествѣ спеціальной болѣзни Раппопорта, здѣсь уже чувствуется неумѣстность комическаго элемента, который едва ли могъ поддержать положеніе оратора и безъ того уже достаточно твердое. С. А. Андреевскій рискуетъ прибѣгать къ юмору уже во вступленіяхъ рѣчей и по весьма серьезнымъ дѣламъ, такъ въ рѣчи въ защиту Зеленко (Защит. рѣчи, 3 изд. 1898, стр. 558) онъ сравниваетъ положеніе защиты, борющейся противъ безосновательнаго обвиненія съ положеніемъ человѣка, котораго ввели въ пустую комнату и заставили драться съ воображаемыми противниками. «Иное дѣло, когда на васъ нападаетъ живой человѣкъ... но когда въ комнатѣ никого нѣтъ, попробуйте тогда размахивать руками, сжимать кулаки и вообще продѣлывать воображаемую драку въ пустомъ пространствѣ». Не говоря уже о томъ, что сравненіе выбрано болѣе оригинальное, чѣмъ удачное, попытка вызвать веселое настроеніе судей еще до ознакомленія ихъ съ доводами оратора не можетъ быть названа своевременной и способна не усилить, а расхолодить впечатлѣніе дальнѣйшихъ частей рѣчи.

Общія мѣста, какъ и разсужденія на различныя темы общественнаго или психологическаго характера, мало удаются С. А. Андреевскому, онъ не изслѣдователь, глубоко проникающій въ существо событій; такія разсужденія не составляютъ сильной стороны его рѣчей. Напр. въ дѣлѣ Таганрогской таможни ораторъ развиваетъ мысль о человѣчности правосудія въ слѣдующей формѣ: «въ послѣднее время люди какъ то вообще разочаровались въ прежнихъ суровыхъ формахъ правосудія. Указъ покойнаго государя называлъ вашъ судъ «милостивымъ», и все идетъ къ тому, чтобы судъ не мстилъ преступнику, а только исправлялъ его. И, кажется этимъ именно мыслямъ посвящена послѣдняя печатная статья недавно умершаго проф. уголовного права Кистяковскаго»

(Рѣчи, изд. 2-е, стр. 124). Это мѣсто не отличается ни особенной силой по содержанию, ни красотой формы, между тѣмъ какъ тема — идея гуманности въ уголовномъ правѣ давала богатый матеріалъ оратору. Разочарованіе въ суровыхъ формахъ правосудія замѣтно не только теперь, а уже очень давно. Наконецъ, ссылка на послѣднюю статью Кистяковскаго, да еще въ нерѣшительной формѣ (кажется), не можетъ быть признана имѣющей значеніе довода для присяжныхъ, которымъ и самая статья и даже имя проф. могло быть неизвѣстнымъ.

Односторонность и увлеченіе желаніемъ отстоять какой либо тезисъ приводитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ С. А. Андреевскаго къ смѣлымъ парадоксамъ и къ взглядамъ, которые представляютъ возможность легкаго опроверженія противнику и поэтому болѣе вредятъ впечатлѣнію защитительной рѣчи, чѣмъ обвинителью. Таково мѣсто рѣчи по дѣлу Сушкинскаго банка, въ которомъ банковыя крахи объяснялись не хищеніями, а «недозрѣлостью въ веденіи банковаго дѣла, полнымъ непониманіемъ директорами своей роли» и представляли «какія то шальные денежные потери, громадныя денежные пожары отъ неумѣлаго обращенія съ огнемъ кредита». (Рѣчи, стр. 253 — 254). Это оригинальное выясненіе причинъ банковыхъ банкротствъ не спасло кліента С. А. Андреевскаго. Въ дѣлѣ Кашеевыхъ ораторъ подробно перечисляетъ случаи, когда въ обыденной жизни прибѣгаютъ ко лжи и дѣлаетъ выводъ что «въ натурѣ человѣческой уйти отъ пошрины, штрафа, взыскація. И прислуга, которая сжилась со своимъ хозяиномъ, и даже пріятели и хорошіе знакомые отвѣтчика всегда будутъ на его сторонѣ и вещи упрячутъ отъ судебного пристава и о срокахъ покажутъ въ защиту своего человѣка. Такъ ужъ водится въ жизни». (Рѣчи, стр. 277). Несомнѣнно, что въ современной жизни существуетъ много лжи, фикцій и условностей, но нельзя говорить въ публичной рѣчи объ этомъ, какъ бы о свойствѣ человѣческой природы: нравственность зависитъ отъ соціальной среды, мѣняется, совершенствуется, и ораторъ рискуетъ, что его утвержденія могутъ показаться слушателямъ неточными и не вѣрными. Не-

сравненно болѣе удачны, чѣмъ разобранныя разсужденія, короткіе афоризмы и мысли, встрѣчающіяся въ рѣчахъ С. А. Андреевскаго, приводимые имъ въ подкрѣпленіе или поясненіе его аргументовъ. Такъ, объясняя проступокъ судьи Евскаго его чувствомъ человѣчности, С. А. Андреевскій говоритъ: «онъ просто поступилъ по человѣчески и въ этомъ нѣтъ ничего позорнаго, тѣмъ болѣе что всѣ судьи люди, и пусть лучше они будутъ хорошими людьми, такъ какъ они имѣютъ возможность быть и дурными». (Рѣчи, стр. 45).

Къ паѳосу С. А. Андреевскій часто обращается при изложеніи событія преступленія и въ заключеніяхъ, въ общихъ мѣстахъ онъ больше обсуждаетъ и объясняетъ, старается убѣдить, а не повліять на чувство слушателей.

Характеристикамъ С. А. Андреевскій отводитъ важное мѣсто въ своихъ рѣчахъ и обращаетъ на нихъ большое, иногда главное вниманіе. Посредствомъ ихъ ораторъ разрѣшаетъ вопросы, насколько данное лицо опасно или вредно для общества и какъ сообразно съ этимъ должны отнестись къ нему присяжные. Здѣсь во многихъ случаяхъ сказывается искусство оратора въ изображеніи наиболѣе трогательныхъ и симпатичныхъ чертъ характера подсудимыхъ. Ораторъ старается проникнуть, въ интимныя стороны характера, предупредить присяжныхъ отъ поспѣшныхъ сужденій по внѣшности: «Не судите Вольфрамъ по ея внѣшности и манерамъ. У нея есть рисовка, въ ея словахъ можно встрѣтить множество ребяческихъ противорѣчій... У нея живо работаетъ фантазія, чувства очень подвижны, она легко переходитъ отъ плача къ смѣху... И однако же: развѣ обильныя слезы ея были притворны? Развѣ смѣхъ ея можетъ насъ заставить забыть все то, что она натерпѣлась въ жизни». (Рѣчи, стр. 94). Послѣ такого введенія въ характеристику ораторъ успѣшно выдвигаетъ лучшія стороны личности подсудимой, изображенной въ обвинительной рѣчи далеко несимпатично, чѣмъ подготавливается выводъ объ умѣстности оправдательнаго вердикта. Въ дѣлѣ Мироновича положеніе защитника было не благопріятно, такъ какъ личность подсудимаго представлялась далеко не въ идеальномъ свѣтѣ. Андреевскій поэтому

обходить вопрос о нравственных качествах Мироновича, указывая, что они мало относятся къ дѣлу, но затѣмъ всетаки объясняетъ, что нравственные качества человѣка зависятъ отъ среды: «иной выросъ на тучномъ черноземѣ подъ солнцемъ и кажется хорошъ; другой жилъ въ болотѣ и вышелъ много хуже. Вы знаете какая трясина вся прошлая служба Мироновича, все на чемъ онъ воспитывался... Но если онъ дурной человѣкъ, то, вѣроятно, все таки хотя нѣсколько лучше нарисованнаго здѣсь портрета». (Рѣчи, стр. 189). Послѣ этого перехода С. А. Андреевскій насколько возможно смягчаетъ обрисовку, данную обвиняемому прокуратурой. Вообще, въ отыскиваніи въ человѣкѣ хорошихъ чертъ, въ умѣннѣ сгладить отталкивающія стороны характера С. А. Андреевскій большой мастеръ и умѣетъ достигнуть такимъ путемъ значительныхъ результатовъ даже при мало благодарномъ матеріалѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ характеристикахъ С. А. Андреевскаго проявляется въ широкихъ размѣрахъ и его склонность къ художественной, литературной обработкѣ предмета. Онъ начинаетъ смотрѣть на подсудимаго, какъ на типъ, выясненіе котораго представляетъ для него интересъ уже независимо отъ обстоятельствъ дѣла. Эта склонность проявляется напр. въ рѣчи по дѣлу Августовскаго: «не было и не будетъ въ жизни Августовскаго болѣе рѣшительныхъ и торжественныхъ минутъ, какъ тѣ, которыя онъ переживаетъ теперь. Настало время выяснить разъ на всегда: каковы его пороки? Гдѣ гнѣздится причина его неуживчивости? Что съ нимъ дѣлать и куда дѣвать?.. Всѣ эти вопросы крайне серьезны. Поэтому я не рѣшусь допустить никакого пристрастія къ оцѣнкѣ личности подсудимаго. Пусть онъ слушаетъ меня, какъ посторонняго и пусть вынесетъ изъ этого дѣла дѣйствительный урокъ». (Рѣчи, стр. 23—24). Затѣмъ ораторъ разбираетъ характеръ Августовскаго, указываетъ на его крайнее себялюбіе, стремленіе винить во всемъ другихъ, слишкомъ высоко цѣнить свои достоинства, и этотъ крайній эгоизмъ и «ослѣпленіе собой» С. А. Андреевскій старается обратить въ пользу подсудимаго, вызвать къ нему сожалѣніе: «это недостатокъ, говоритъ онъ, но недостатокъ этотъ дѣ-

лаетъ подсудимаго еще болѣе достойнымъ сожалѣнія. Сознаніе своихъ ошибокъ и пороковъ составляетъ для насъ облегчающій противовѣсъ гнетущей тяжести горя». (Рѣчи, стр. 25). Но этотъ не слишкомъ убѣдительный доводъ высказывается ораторомъ мимоходомъ, центръ тяжести характеристики лежитъ въ выясненіи отстаиваемой имъ ненормальности Августовскаго, который оказывается «человѣкомъ порывистымъ, пылкимъ, недовѣрчивымъ и подозрительнымъ. Онъ склоненъ самымъ мрачнымъ образомъ преувеличивать значеніе всякой несправедливости окружающихъ, и потому человѣкъ слѣпой къ себѣ, страждущій самообольщеніемъ». (Рѣчи, стр. 26). Въ этихъ словахъ заключается сущность характеристики, которая служитъ базисомъ для дальнѣйшихъ частей рѣчи.

Иногда ораторъ удачно пользуется психологическими данными для выясненія цѣнности доказательствъ, такъ по дѣлу объ изумрудной брошкѣ, объясняя причину ошибки экспертовъ, ораторъ указываетъ, что они сдѣлали ее подъ вліяніемъ односторонняго ознакомленія съ уликами, попали въ рабство собственному предубѣжденному взгляду, который и помыкалъ ими, какъ принцъ Гамлетъ министромъ Полоніемъ: «принцъ говорить: видишь ли это облако? Точно верблюдъ. Министръ отвѣчаетъ: совершенный верблюдъ. Или хорекъ! — Спина какъ у хорька... или какъ у кита? — Совершенный китъ!» (Рѣчи, изд. 3-е, стр. 341).

Собственно изложеніе событій преступления служитъ у С. А. Андреевскаго весьма часто для поддержанія выводовъ изъ характеристики, для возбужденія въ присяжныхъ сожалѣнія къ преступнику, оно пріобрѣтаетъ иногда даже нѣсколько театральнѣй, приподнятый характеръ, таково изложеніе по дѣлу Августовскаго неудачныя стороны котораго были уже подробно указаны К. К. Арсеньевымъ. (В. Евр. 1891, 6). Вообще С. А. Андреевскій умѣетъ рисовать яркія патетическія картины событій, завладѣвать вниманіемъ судей. Какъ примѣръ можно привести изложеніе по дѣлу Иванова. Передавъ, какъ Назаренко потребовала, чтобы онъ ушелъ, ораторъ продолжаетъ: «Этотъ поворотъ объясненія былъ са-

мымъ ужаснымъ, отъ этихъ именно словъ Настя дѣло такъ страшно быстро пошло къ концу... онъ «заскрипѣлъ зубами». Можно сказать, что только въ эти секунды дикій звѣрь сталъ просыпаться, въ этомъ замученномъ до послѣдней возможности человѣкѣ, съ его огненной кровью, съ его буйнымъ характеромъ, съ его высоко нравственными требованіями отъ женщины. Тогда на искаженномъ лицѣ Иванова Настя вдругъ прочтала свою гибель. Она съ ужасомъ закричала: «уходите». Ивановъ спросилъ въ послѣдній разъ: «ты меня гонишь?» (Ножъ былъ уже у него въ рукѣ: вотъ только когда этотъ ножъ, какъ змій, проскользнулъ въ его руку). Да, убирайтесь вонъ!—Умри же, несчастная!» (Рѣчи. Изд. 2-е стр. 341).

Въ случаѣ, если изложеніе событія не выгодно для защиты С. А. Андреевскій ограничивается двумя — тремя словами, признаетъ безспорные факты и переходитъ къ важнымъ для него доказательствамъ. (Дѣло Афанасьевой, стр. 247). Когда С. А. Андреевскій находитъ неудобнымъ обойти событіе, но между тѣмъ его обстоятельства не выгодны для кліента, онъ старается смягчить впечатлѣніе, обратить вниманіе и на другіе моменты событія. Въ дѣлахъ Зайцева и Иванова самое совершеніе убійства было козыремъ обвиненія и весьма затруднительнымъ обстоятельствомъ для защиты. С. А. Андреевскій, окончивъ изложеніе, старался и въ томъ и въ другомъ случаѣ отвлечь вниманіе отъ жертвы, направивъ его на внутреннія страданія убійцы. Въ дѣлѣ Зайцева ораторъ останавливается на его состояніи, о которомъ «никто не знаетъ» и говоритъ, что подсчетъ ранъ и ударовъ топоромъ не имѣетъ никакого значенія. (Рѣчи, стр. 11). Въ дѣлѣ Иванова С. А. Андреевскій становится на ту точку зрѣнія, что Ивановъ былъ вызванъ на преступленіе убитою, «можно сказать безъ особаго преувеличиванія, что этими словами, означавшими неожиданный и полный разрывъ, Настя вонзила острый ножъ въ сердце Иванова ранѣе, чѣмъ онъ вонзилъ въ ея сердце свой ножъ. Только никто не видѣлъ раны Иванова, ее нельзя измѣрить дюймами и никто не можетъ судить объ ея болѣзненности. И онъ въ этомъ случаѣ, быть можетъ, самъ защищался отъ ужасающей боли, а намъ кажется,

что онъ нападалъ первый». (Рѣчи, стр. 343). Это толкованіе событія представляетъ очень своеобразный способъ распространить на убійство понятіе необходимой обороны и можетъ быть объяснено лишь вышеуказанными особенностями взглядовъ оратора, которыя мало содѣйствуютъ успѣху его рѣчей.

Мы видѣли, что какъ въ общихъ мѣстахъ, такъ и въ характеристикахъ и изложеніи С. А. Андреевскій не отступаетъ передъ смѣлыми обобщеніями и своеобразнымъ освѣщеніемъ матеріала, рискуя тѣмъ, что съ нимъ не согласятся или отнесутся скептически къ его утвержденію. Тотъ же самый способъ дѣйствія онъ употребляетъ и въ доказательствахъ. Авторы, касавшіеся рѣчей С. А. Андреевскаго, согласны съ тѣмъ, что въ его рѣчахъ нѣтъ всегда полнаго перечисленія и разбора доказательствъ, что ораторъ часто ограничивается только тѣми, которыя кажутся ему полезными для кліента и пропускаетъ серьезные аргументы противника, благодаря этому рѣчи С. А. Андреевскаго носятъ характеръ односторонности. Такой приѣмъ благодаря таланту С. А. Андреевскаго, его умѣнью произвести впечатлѣніе, убѣдить судей, можетъ давать и даетъ желательные результаты, но съ общей точки зрѣнія онъ крайне опасенъ, такъ какъ можетъ оставить необъясненными и не отбитыми многіе важные доводы противника, тѣмъ болѣе что, какъ справедливо замѣчаетъ г. Арсеньевъ, судебный ораторъ не можетъ точно опредѣлить удѣльный вѣсъ доказательствъ, предрѣшить, какія покажутся судьямъ убѣдительными и какія необѣдительными.

Другая особенность доказательствъ въ рѣчахъ С. А. Андреевскаго это то, что и въ этомъ отдѣлѣ рѣчи главная цѣль, которую онъ преслѣдуетъ, — воздѣйствіе на чувство; его доводы сплошь перемѣшаны съ афоризмами, патетическими отступленіями. Сравненія, страсть, увлеченіе заслоняютъ въ нихъ строгую логичность и послѣдовательность. Въ дѣлѣ о Таганрогской таможенѣ, защищая Айканова, С. А. Андреевскій доказывалъ, что душа его «хотя и больная, но хорошая» тѣмъ, что Айкановъ не берегъ незаконно прибрѣтенныхъ денегъ, разбрасывая ихъ направо и налево, а не

пряталь подь спудь на будущее время. (Рѣчи, стр. 129). Тому же Айканову ставится въ заслугу, что онъ предпочель совершеніе подлоговъ привлеченію къ участию въ дѣлѣ «лишнихъ досмотрщиковъ, этихъ простыхъ людей. И слѣдуетъ сказать спасибо подсудимымъ, что они оберегались соблазнять «малыхъ сихъ». Лучше испортить казенную бумагу, чѣмъ испортить честнаго простолюдина». (Рѣчи, стр. 130). Не трудно видѣть слабость этихъ доводовъ: разбрасыванье денегъ свидѣтельствуеть объ извѣстныхъ привычкахъ къ расточительности, доказать, какая душа у человѣка наличностью этихъ привычекъ едва-ли возможно; точно также вѣроятнѣе всего предположить, что виновные, устраняя отъ участія въ дѣлѣ досмотрщиковъ, совсѣмъ не думали о томъ, что не хорошо ихъ соблазнять, а руководились менѣе высокими, но болѣе существенными для нихъ соображеніями.

Чрезвычайно важнымъ отдѣломъ рѣчей С. А. Андреевскаго являются заключенія, что естественно, такъ какъ въ нихъ всего легче дать просторъ чувству, повліять на настроеніе судей, возбудить въ нихъ симпатію, сочувствіе къ подсудимому, сдѣлать ихъ склонными къ милосердію, къ снисходительной оцѣнкѣ проступка, а въ этомъ, какъ было уже сказано, С. А. Андреевскій выказывается сильнымъ бойцомъ. Онъ умѣеть скомбинировать въ нѣсколькихъ фразахъ все выигрышное для защиты и выразить свои соображенія въ трогательныхъ словахъ, увлекающихъ присяжныхъ, побуждающихъ ихъ, насколько возможно, облегчить участь подсудимыхъ. Ставя на первый планъ личность подсудимаго, С. А. Андреевскій иногда слишкомъ снисходительно смотритъ на совершенное преступленіе и несмотря на его доказанность, проситъ присяжныхъ объ оправданіи. Такая просьба объ оправданіи была высказана напр., въ дѣлѣ Вольфрамъ, обвинявшейся въ покушеніи на отравленіе мужа: «Осиротѣлая, бездомная, безъ руководства любящихъ близкихъ и опытныхъ людей, выпущенная въ полудѣтскомъ возрастѣ на улицы С.-Петербурга, она по природному, но хорошему инстинкту вошла въ жизнь прямой, честной дорогой... Терпя крайнюю нужду, она никогда, никогда не посягнула на чу-

жое. Связанная съ мужемъ вѣчно пьянымъ... была его терпѣливой и вѣрной спутницей... Измѣняя такому мужу... страдала отъ сознанія нарушеннаго долга. Такую женщину рука не подымется выбросить. Что касается до преступнаго часа ея жизни... то за ея прожитыя несчастья и испытанія, за ту дрожь внутреннихъ укоровъ, которую она испытывала въ тѣ минуты, когда въ безвыходномъ положеніи рѣшилась на злодѣяніе, и въ особенности за ту радость, которую она ощутила, когда преступленіе не удалось, за ея однажды согрѣшившую, но привязчивую глубокую душу ея — простите ее». (Рѣчи, стр. 104). Подсудимая была оправдана. Въ чтеніи это заключеніе теряетъ часть своей силы: размышленіе убиваетъ чувство, но нужно вспомнить, что для судей сюда присоединялось произнесеніе рѣчи, личное обаяніе оратора, которое заслоняло недочеты и скользкія стороны его аргументовъ.

Въ случаяхъ, когда на оправданіе рассчитывать нельзя, С. А. Андреевскій направляетъ свои усилія на то, чтобы добиться снисхожденія, и въ этомъ смыслѣ часто успѣваетъ достигнуть успѣха. Таковъ былъ результатъ рѣчей по дѣламъ Зайцева, Иванова, Айканова и др., въ которыхъ ораторъ просилъ присяжныхъ сдѣлать возможное для смягченія ихъ участи.

Но С. А. Андреевскій стремится воздѣйствовать на чувство судей лишь, когда ему нужно ихъ милосердіе, въ другихъ случаяхъ онъ требуетъ оправданія во имя справедливости. Заключенія этого рода обыкновенно не бываютъ такъ длинны, какъ первыя и составлены гораздо проще. «Двукратное дознаніе, говоритъ ораторъ, заканчивая рѣчь по дѣлу Келешей, ничего изъ этого дѣла не сдѣлало. Ничего и не выйдетъ, мертвое дѣло не можетъ возгорѣться, и да стыдно будетъ не Келешамъ, они не поджигали, а тѣмъ, инымъ поджигателямъ — ихъ врагамъ, которые раздули это дѣло». (Рѣчи, стр. 87).

Такъ же просты, но сильны заключительныя слова рѣчи по дѣлу о кражѣ изумрудной брошки, въ которой ораторъ настаивалъ на оправдательномъ приговорѣ: «Такой приговоръ

постановите вы спокойно и достойно, для поддержанія вѣры въ чистоту нравовъ, ибо основное правило, на которомъ должно утверждаться уголовное правосудіе, всегда остается однимъ и тѣмъ же: довѣріе выше подозрѣнія» (Рѣчи, изд. 3-е, стр. 349), хотя и здѣсь не совсѣмъ умѣстна фраза, что оправданіе нужно «для поддержанія вѣры въ чистоту нравовъ».

Кончая разборъ рѣчей С. А. Андреевскаго, можно сказать, что они представляютъ собою изящныя художественныя произведенія, къ которымъ не слѣдуетъ подходить съ точнымъ анализомъ; рассмотрѣніе ихъ отдѣльныхъ деталей, оцѣнка крѣпости и устойчивости фундамента нерѣдко можетъ разсѣять очарованіе художественнаго слова оратора-поэта. Не во всякомъ дѣлѣ поэтому ораторскіе приемы С. А. Андреевскаго примѣнимы, но въ преступленіяхъ, вызванныхъ страстью, хотя бы они и представлялись безнадежными, въ смыслѣ защиты, С. А. Андреевскій можетъ многое сдѣлать, и въ нихъ въ полномъ блескѣ проявляется его дарованіе.

Существенный недостатокъ рѣчей С. А. Андреевскаго — это замѣчаемая въ нѣкоторыхъ изъ нихъ неопредѣленность проводимыхъ имъ этическихъ взглядовъ: ораторъ смотритъ на многое очень своеобразно, ставитъ себѣ цѣлью защитить такія явленія, и факты, которые защищать трудно. Характеризуя В. И. Жуковскаго, С. А. Андреевскій замѣчаетъ, что тотъ «скорѣе былъ призванъ клеймить зло, нежели примирять съ нимъ», и въ своихъ рѣчахъ С. А. Андреевскій, дѣйствительно, иногда какъ бы старается примирить съ преступленіемъ, что совершенно недопустимо съ этической точки зрѣнія.

Преступленіе (за исключеніемъ особыхъ случаевъ, когда запретъ законодателя вызванъ спеціальными условіями и обстоятельствами) само по себѣ не можетъ быть отстаиваемо. Не дѣло служителя правосудія «примирять со зломъ», напротивъ онъ долженъ употреблять всѣ усилія для борьбы съ нимъ, но подсудимый могъ совершить дѣяніе при условіяхъ почти или вовсе исключаящихъ его отвѣтственность, подъ давленіемъ обстоятельствъ, бывшихъ сильнѣе его, и обя-

занность защитника примирить съ нимъ общество, если это возможно, выяснитъ его характеръ, заставитъ судъ отнестись къ нему справедливо, хотя бы и не по буквѣ закона. С. А. Андреевскій не всегда соблюдаетъ указанное различіе между совершителемъ и дѣяніемъ, не стѣсняется нѣкоторой парадоксальностью своихъ взглядовъ и доводовъ, и этимъ въ значительной мѣрѣ самъ ослабляетъ силу своихъ рѣчей; беря на себя задачу отстаивать то, что отстоять невозможно, онъ подрываетъ довѣріе къ своимъ словамъ и рискуетъ иногда даже вызвать нареканія на неустойчивость этическихъ принциповъ, строгое соблюденіе которыхъ безусловно необходимо для судебного оратора. Поэтому рѣчи С. А. Андреевскаго и имѣютъ значеніе главнымъ образомъ по красотѣ и художественности ихъ формы.

IV.

К. К. Арсеньевъ.

К. К. Арсеньевъ въ теченіе своей восьмилѣтней адвокатской дѣятельности (1866 — 1874) успѣлъ занять почетное мѣсто среди русскихъ судебныхъ ораторовъ не только по внѣшней формѣ своихъ рѣчей, всегда простой и изящной, но и по ихъ содержанію, свидѣтельствовавшему о томъ, что К. К. Арсеньевъ стойко держался разъ принятыхъ имъ основныхъ взглядовъ на дѣятельность защитника, что эта дѣятельность была для него выполненіемъ его долга передъ обществомъ и правосудіемъ.

Въ его рѣчахъ чувствуется убѣжденность въ правотѣ и силѣ отстаиваемыхъ имъ положеній и отсутствіе всякаго желанія воспользоваться внѣшнимъ эффе́ктомъ, неловкостью противника, чтобы прикрыть свои слабыя мѣста страстностью полемики. Защищая Мясниковыхъ въ процессѣ, въ которомъ увлеченіе и страсти участвующихъ были доведены до высокой степени напряженія, К. К. Арсеньевъ сумѣлъ сохранить полную корректность въ отношеніи къ противникамъ, напр. онъ ограничился замѣчаніемъ, что вѣрить въ искренность показаній товарища прокурора Рынкевича и судебного слѣдователя Богаевскаго, но не считаетъ ихъ сердцевѣдами и не придаетъ значенія ихъ объясненію по поводу мотивовъ, заставлявшихъ свидѣтелей говорить то или другое (Дѣло Мясниковыхъ и Карганова. М., 1873, стр. 136). Далѣе, въ

этой же рѣчи ораторъ констатируетъ излишнее и неправильное участіе въ дѣлѣ сыскной полиціи, не входя въ личную оцѣнку, и оставаясь въ области строгихъ фактовъ (ib. стр. 150—151). Точно такъ же поступилъ К. К. Арсеньевъ въ дѣлѣ Полозова, когда прокуроръ пытался набросить подозрѣніе на свидѣтелей, потому что они были вызваны защитой; въ отвѣтъ обвинителю ораторъ только выставилъ общее положеніе, что чѣмъ больше данныхъ по дѣлу, тѣмъ легче его разрѣшеніе, и наглядно представилъ затруднительное положеніе защиты, благодаря устройству предварительнаго слѣдствія и очевидную несправедливость прокурорскихъ подозрѣній (Замѣчательные уголовные процессы. Москва, 1873, стр. 179).

К. К. Арсеньевъ не выходилъ изъ предѣловъ сдержанности и при рискованномъ увлеченіи противника; въ дѣлѣ Мясниковыхъ одинъ изъ гражданскихъ истцовъ указалъ, что предполагаемые виновники преступленія уже пострадали: одинъ умеръ въ домѣ сумашедшихъ, другой умеръ безвременно, третій спился, четвертый разбитъ параличомъ, и на этомъ основаніи заявилъ, что, можетъ быть, по дѣлу «прошла другая высшая рука» (Дѣло Мясниковыхъ, стр. 128), словомъ, привлекъ къ дѣлу не только земное, но и божественное правосудіе. К. К. Арсеньевъ въ заключеніи рѣчи нанесъ мѣткій ударъ противнику его же собственнымъ оружіемъ, напомнивъ присяжнымъ, какъ они должны отнестись къ слышаннымъ фразамъ: «Вы оцѣните по достоинству, сказалъ онъ, того, кто напр., позволилъ себѣ говорить, что человѣкъ, умершій отъ того, что взялъ 2 холерныя отдѣленія... умеръ потому, что высшая рука показала на немъ примѣръ... Вы также признаете, что когда человѣкъ постигнутъ двоякимъ несчастьемъ быть второй разъ привлеченнымъ къ суду и потерять здоровье... то никто не имѣетъ права говорить, что этотъ человѣкъ наказанъ высшей рукой» (Дѣло Мясниковыхъ, стр. 155—156). Здѣсь, непосредственно нѣтъ возраженія противнику, устраняются только его соображенія, но никакая личная полемика не могла бы достигнуть большаго результата, чѣмъ такое фактическое возраженіе.

Психологическій анализъ занимаетъ въ рѣчахъ К. К. Арсеньева должное мѣсто и разработанъ съ большимъ вниманіемъ; въ дѣлѣ Полозова ораторъ шагъ за шагомъ выясняетъ условія воспитанія подсудимаго сначала дома, потомъ въ лицей, основанномъ Катковымъ, и наконецъ въ Харьковѣ, въ конецъ испортившія его характеръ и сдѣлавшія изъ него человѣка, къ которому трудно предъявлять обычные требованія, и такимъ способомъ приходитъ къ выводу, съ которымъ согласились и присяжные, что подсудимый не относился сознательно къ совершенію преступления, что ему нужно не наказаніе, а мѣры исправленія, могущія сдѣлать его нормальнымъ человѣкомъ. (Замѣчат. уголов. процессы, стр. 188—199).

Заслуживаетъ вниманія и характеристика Прыжова, одного изъ подсудимыхъ по Нечаевскому дѣлу, въ которой ораторъ поддерживалъ свое мнѣніе объ отношеніяхъ Нечаева и Прыжова изученіемъ характера и дѣятельности послѣдняго и объяснял, что Прыжовъ «подъ вліяніемъ условій общихъ, среди которыхъ онъ живетъ... подъ вліяніемъ жизни, не давшей ему возможности усидчиваго труда, подъ вліяніемъ матеріальныхъ и физическихъ условій, сломившихъ его натуру, сдѣлавшихъ его прежде всего болѣзненнымъ» чувствовалъ себя очень тяжело и, ища выхода изъ своего положенія, могъ заинтересоваться Нечаевымъ, съ которымъ его связывала въ извѣстной мѣрѣ «общность происхожденія и основной мысли», а разъ сблизившись съ нимъ Прыжовъ долженъ былъ поддаться его вліянію, такъ какъ Нечаевъ сумѣлъ понять его характеръ и воспользоваться этимъ, потому что для Нечаева такой союзникъ представлялся очень желательнымъ. Объясняя причины сближенія Нечаева съ Прыжовымъ, ораторъ на тѣхъ же психическихъ данныхъ обосновалъ выводъ, что для воздѣйствія на Прыжова у Нечаева оставалось одно средство убѣжденія «неопредѣленность, таинственность, въ которую онъ облакалъ свои планы... и Прыжовъ могъ пойти съ Нечаевымъ, не спрашивая, какая у него конечная цѣль. Если бы она была объяснена... то я могу сказать съ полной увѣренностью, основываясь на томъ, что я изложилъ, что Прыжовъ не остался бы на этой дорогѣ». (Лиховецкій, о.

с., стр. 105—110). Такимъ образомъ характеристика, составляющая послѣднюю часть рѣчи въ защитѣ Прыжова, достигала двухъ цѣлей: служила для наиболѣе благопріятнаго подсудимому объясненія знакомства его съ Нечаевымъ и въ то же время составляла существенный доводъ въ пользу того, что Прыжовъ не принималъ близкаго участія въ замыслахъ Нечаева. Слѣдуетъ замѣтить, что въ характеристикахъ К. К. Арсеневъ не стремится къ художественному воссозданію личности, онъ преслѣдуетъ посредствомъ ихъ осуществленіе ближайшихъ задачъ, непосредственной поддержки его аргументаціи, и въ этихъ предѣлахъ удачно справляется съ психологическимъ матеріаломъ, имѣющимся въ дѣлѣ. Главное въ его рѣчахъ—это ясное и логическое построеніе доказательствъ, сравнительно съ которымъ всѣ остальные части рѣчи имѣютъ второстепенное, служебное значеніе. Хорошимъ примѣромъ его искусства въ этомъ смыслѣ служить цитированная уже рѣчь въ защиту Прыжова, въ которой ораторъ въ весьма трудныхъ обстоятельствахъ долженъ былъ снять съ своего кліента обвиненіе въ ближайшемъ участіи въ дѣлахъ тайнаго общества, при чемъ онъ самъ признавалъ, что съ перваго взгляда положенія обвиненія кажутся безспорными, соотвѣствующими дѣйствительности и затѣмъ шагъ за шагомъ, пользуясь на первый взглядъ незамѣтными подробностями, доказывалъ, что въ сущности сколько нибудь крѣпкой организаціи не было, и что Прыжовъ принималъ въ дѣлѣ очень небольшое участіе, не придавая значенія именно тому, что считалось самымъ важнымъ въ точки зрѣнія обвиненія. (Ляховецкій, о. с. стр. 92—103).

V.

Н. П. Карабчевскій.

Большою и заслуженною извѣстностью среди защитниковъ по уголовнымъ дѣламъ пользуется Н. П. Карабчевскій, выступавшій въ послѣдніе годы во многихъ крупныхъ процессахъ, привлекавшихъ къ себѣ общественное вниманіе. Н. П. Карабчевскій не только адвокатъ, но и литераторъ и во взглядахъ на адвокатскую профессію придерживается лучшихъ традицій, созданныхъ выдающимися русскими судебными ораторами. Такъ въ своей статьѣ о современной французской адвокатурѣ (Сѣв. Вѣст. 1891, 6) онъ высказываетъ мнѣніе, что адвокатъ долженъ быть всесторонне образованнымъ и развитымъ человекомъ, потому что онъ не въ правѣ отступать ни передъ психологическимъ, ни передъ бытовымъ, ни передъ политическимъ или историческимъ освѣщеніемъ дѣла. Это мнѣніе опытнаго юриста-практика служить вѣскимъ свидѣтельствомъ въ пользу необходимости для судебного оратора общаго образованія, которое такъ ярко сказано въ трудахъ А. Ѳ. Кони, В. Д. Спасовича. Переходя къ оцѣнкѣ рѣчей Н. П. Карабчевскаго слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что въ нихъ играетъ важную роль живой увлекающійся темпераментъ оратора, вліяніе котораго замѣтно во всѣхъ отдѣлахъ рѣчи и въ полемикѣ съ противниками по процессу. По отношенію къ послѣднимъ Н. П. Карабчевскій не всегда въ состояніи оставаться въ предѣлахъ сдержан-

ности и спокойствія, отчего личныя нападенія въ его рѣчахъ носятъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ слишкомъ страстный характеръ. Нападая въ началѣ рѣчи по дѣлу Поповыхъ на эксперта Н. П. Карабчевскій отмѣчаетъ довольно сдержанно излишества эксперта, вмѣшательство его въ разборъ дѣла по существу, называетъ это «развязностью» и признаетъ такой способъ дѣйствія «празднымъ ораторствованіемъ». (Отчетъ о дѣлѣ, стр. 100). Въ концѣ рѣчи, когда ораторъ уже увлекся, тотъ же экспертъ подвергается высмѣиванію, при чемъ попадаетъ докторамъ аллопатамъ, и здѣсь замѣтна нѣкоторая преувеличенность въ нападеніи. (Отчетъ по дѣлу, стр. 114; мои «Рѣчи сторонъ» стр. 141.). Въ дѣлѣ Имшинецкаго уже въ началѣ рѣчи ораторъ далъ значительный просторъ своему увлеченію и сопоставилъ образъ дѣйствій противника съ тѣмъ, котораго предполагалъ держаться самъ. «Я поступлю иначе, чѣмъ поступали мои противники, я не буду убѣгать отъ фактовъ и укрываться отъ нихъ въ область краснорѣчивыхъ восклицаній, загадочныхъ прорицаній и эффектныхъ тирадъ: я самъ поведу ихъ за собою». (Рус. суд. оратор. I, стр. 73, 74). Конечно было бы лучше, если бы ораторъ безъ преждевременныхъ обѣщаній, не обвиняя противниковъ въ пустословіи и безсодержательности, просто установилъ программу своихъ дѣйствій. Н. П. Карабчевскій съ большою осторожностью и вниманіемъ относится къ судьямъ, особенно присяжнымъ, онъ любитъ пользоваться обращеніемъ къ нимъ, выясняетъ ихъ обязанности и задачи. Напр. въ дѣлѣ Поповыхъ Н. П. Карабчевскій обратился къ присяжнымъ со слѣдующими словами: «я представляю себѣ васъ (въ совѣщательной комнатѣ)... оставленными наединѣ со своей совѣстью... съ мучительной жаждой произнести возможно справедливый приговоръ, чему мы здѣсь, занятые каждый своими интересами, не всегда даже способствуемъ. Здѣсь вы слушатели наши... тамъ вы наши строгіе критики — судьи». (Отчетъ по дѣлу, стр. 99). Въ дѣлѣ Диманта ораторъ напомнилъ присяжнымъ о томъ, что законодатель питаетъ наивысшее довѣріе къ ихъ добросовѣстности, къ ихъ здравому смыслу, что онъ предоставляетъ имъ разрѣшать вопросъ о психіатри-

ческой экспертизѣ «какимъ то шестымъ чувствомъ, инстинктивной прозорливостью судейской совѣсти присяжныхъ» (Отчетъ по дѣлу, стр. 201). Въ Мультанскомъ дѣлѣ ораторъ называетъ присяжныхъ «младенцами чистыми сердцемъ», говорить о томъ, что стороны ихъ помощники въ отысканіи истины, которые не должны мѣшать работѣ присяжныхъ, вводить ихъ въ соблазнъ.

Не смотря на пылкій темпераментъ бойца, Н. П. Карабчевскій не забываетъ и о доказательствахъ, напротивъ, онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы подробно разобрать ихъ, расчистить путь для своего окончательнаго вывода, онъ умѣетъ выдвинуть центральное положеніе, необходимое для выясненія спора. Такъ, прежде чѣмъ перейти (въ рѣчи по дѣлу Поповыхъ) къ обсужденію отдѣльныхъ обстоятельствъ, ораторъ устанавливаетъ признаки различія уголовнонаказуемаго обмана отъ обмана въ общежитійскомъ смыслѣ, не преслѣдуемаго закономъ. (Отчетъ по дѣлу, стр. 107). Ораторъ не оставляетъ безъ вниманія пріемы и способы полученія доказательствъ, прежде чѣмъ перейти къ ихъ разбору, такъ въ рѣчи по дѣлу о крушеніи парохода «Владиміръ» онъ указываетъ на пробѣлы въ доказательствахъ вслѣдствіе чрезмѣрной быстроты слѣдствія и невозможности провѣрить нѣкоторыя обстоятельства крушенія осмотромъ затонувшаго парохода. (Ляховецкій, о. с. стр. 134), выясняетъ затрудненія, возникшія благодаря этому для защиты. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ рѣчахъ Н. П. Карабчевскаго проскальзываетъ нѣкоторая небрежность, можетъ быть являющаяся результатомъ того, что онъ мало подготавливаетъ свои рѣчи, что въ крупномъ дѣлѣ легко можетъ вызвать замѣтныя для внимательнаго слушателя противорѣчія. Въ началѣ рѣчи по дѣлу о «Владиміръ» Н. П. Карабчевскій говоритъ: «Такъ относительно Пеше... возможно ли обвиненіе, когда онъ мирно спалъ, ничего не видѣлъ, управлялъ пароходомъ Риццо»; черезъ нѣкоторое время въ тѣхъ же предварительныхъ соображеніяхъ ораторъ замѣчаетъ «Нельзя въ самомъ дѣлѣ во имя интересовъ иска явно обвинять Кріуна... и во всемъ оправдывать Пеше и даже защищать его... Два дня мы слушаемъ здѣсь исключительно грозныя

нападки по адресу Кріуна... Другой обвиняемый Пеше оказался у истцовъ на положеніи особомъ, привилегированномъ. Едва ли это сообразно съ справедливостью». (Ляховецкій, о. с. стр. 137 и 140). Въ первомъ случаѣ вѣроятно ораторъ имѣлъ въ виду лишь моментъ столкновенія, въ немъ Пеше не былъ виновенъ, во второмъ — дѣйствія Пеше послѣ столкновенія, за которыя онъ подлежалъ отвѣтственности, но онъ не отгѣнилъ этого, и въ рѣчи осталась неясность.

Попадаются въ рѣчахъ Н. П. Карабчевскаго и рискованные доводы: таково извиненіе приемовъ фирмы братьевъ А. и И. Поповыхъ, конкурировавшихъ съ К. и С. Поповыми: «Коммерческій расчетъ, желаніе барыша — единственный ихъ двигатель. Это можетъ претить чутко развитому моральному чувству, но что же подѣлаешь, на то и коммерція!» (Отчетъ по дѣлу, стр. 103). Конечно, такая система конкуренціи оправдана быть не можетъ, и «коммерція» для своего процвѣтанія въ такихъ средствахъ не нуждается. Они могутъ употребляться на практикѣ, но ихъ нельзя отстаивать, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ на лицо были болѣе чѣмъ неприглядные способы пользованія кредитомъ чужой фирмы.

Сильнѣе всего Н. П. Карабчевскій бываетъ не тогда, когда приводитъ свои доказательства, что требуетъ большаго запаса спокойствія, вдумчивости, способности къ анализу и строгой провѣрки, что мы видимъ, напр., въ рѣчахъ В. Д. Спасовича, а въ опроверженіи доводовъ противника, въ уничтоженіи его слабыхъ доказательствъ и приемовъ изслѣдованія. Эту сторону таланта Н. П. Карабчевскаго отмѣчаетъ г. Ляховецкій: «Онъ любитъ полемику съ противникомъ. Когда послѣдній слабъ или сдѣлалъ какія нибудь ошибки или промахи, Н. П. Карабчевскій не упуститъ случая обнаружить передъ судьями всѣ дефекты въ рѣчи противника и сдѣлаетъ это съ талантомъ, убѣдительно и горячо». (Ляховецкій, о. с. стр. 132). Въ дѣлѣ Диманта обвинитель и гражданскій истецъ всячески старались освободить убитаго отъ нареканій въ ростовщичество, что по обстоятельствамъ дѣла устроить было не легко. Опровергая ихъ доводы Н. П. Карабчевскій поступилъ довольно остроумно, согласив-

шись съ противникомъ, что Димантъ не былъ ростовщикомъ, такъ какъ ростовщикъ только человѣкъ, взимающій очень высокіе проценты, а Димантъ былъ хищникомъ-разорителемъ, сознательно запутывающимъ своихъ должниковъ. (Отчетъ по дѣлу, стр. 204, 205). Затѣмъ, опровергая доводъ противниковъ на счетъ того, что Димантъ требовалъ лишь слѣдующее ему по договору, Н. П. Карабчевскій удачно выставилъ слабое мѣсто этого формальнаго аргумента, напомнивъ, что и Шейлокъ требовалъ себѣ фунтъ человѣческаго мяса по договору. (Отчетъ, стр. 209). Въ рѣчи по дѣлу Имшинецкаго ораторъ съ большимъ искусствомъ и тактомъ разбивалъ выводы обвиненія изъ уликъ по дѣлу, доказывая, что какъ бы ни поступалъ при данныхъ обстоятельствахъ Имшинецкій, все было бы одинаково поставлено ему въ вину потому, что противъ него были уже предубѣждены. (Рус. суд. оратор. I., стр. 84 и слѣд.).

Выше было сказано, что не въ анализѣ и глубоко тщательномъ изслѣдованіи сиза дарованія Н. П. Карабчевскаго, неудивительно поэтому, что характеристики лицъ, участвующихъ въ процессѣ не являются лучшими мѣстами въ его рѣчахъ, какъ это уже и отмѣчено другими авторами, писавшими о русскихъ адвокатахъ. Характеристика Имшинецкаго, имѣвшая большое значеніе въ дѣлѣ, составлена изъ отрывочныхъ фактовъ, въ ней напрасно было бы искать изображенія и развитія характера, но нужно всетаки признать, что она даетъ матеріалъ для вывода, необходимаго оратору, о томъ, что «демоническіе замыслы, титаническія страсти — не по росту и не по плечу Имшинецкаго». (Рус. суд. оратор. I., стр. 93). Характеристики были неизбѣжны въ дѣлѣ Диманта: Димантъ и Бутми, убитый и убійца, должны были быть обрисованы, безъ этого было бы непонятнымъ событіе преступленія, которое обуславливалось индивидуальными свойствами названныхъ лицъ. Вотъ какъ описываетъ Н. П. Карабчевскій Диманта: «Прежде всего передъ нами встаетъ гигантская и, по отзыву всѣхъ знавшихъ покойнаго, какъ то физически вмѣстѣ и подавлявшая и отталкивавшая, фигура Диманта. Та фигура, удалявшаяся, мощная, широкая спина которой каза-

лось такъ нестерпимо ненавистной обезумѣвшему Вадиму Кацману»¹⁾. (Отчетъ, стр. 23). Далѣе идетъ изложеніе приѣмовъ взысканія Диманта, оцѣнка его какъ разорителя, и разбираются заключаемыя имъ сдѣлки, чѣмъ отодвигается въ тѣнь личность совершителя — передъ слушателями остаются его дѣйствія (Отчетъ, стр. 204 и слѣд.), и ораторъ незамѣтно переходитъ къ изложенію событія преступления.

Удачнѣе вышла характеристика Бутми-де-Кацмана, въ которой ораторъ перечислилъ его отличительные черты: «Рожденный и выросшій въ привычной къ роскоши и безпечной жизни богатой дворянской семьѣ... Вадимъ ничего не тратитъ на себя, онъ получаетъ скромное, но солидное образованіе. Деликатный и сдержанный онъ руководствуется въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ только чувствомъ справедливости. Ложь его коробитъ». (Отчетъ, стр. 216). Параллель между нимъ и Димантомъ получается яркая.

Въ заключеніяхъ своихъ рѣчей Н. П. Карабчевскій широко пользуясь патетическими мѣстами, дѣлаетъ послѣднія возраженія противнику. Въ дѣлѣ Имшинецкаго гражданскій истецъ въ заключеніе рѣчи обратился къ тѣни умершей, Н. П. Карабчевскій не отступилъ передъ этимъ приѣмомъ: «Г.г., я желалъ бы, говорить онъ, вызвать ее сюда, и кто знаетъ, на чью сторону стала бы ея блѣдная тѣнь, за кого стали бы молить безкровныя уста! Есть вещи священные, злоупотреблять которыми недостойно». (Рус. суд. орат. I, стр. 99—100). Не менѣе патетично кончается рѣчь по дѣлу Диманта, гдѣ Н. П. Карабчевскій описываетъ состояніе убійцы:

¹⁾ Въ характеристикѣ собственно Диманта его особенное вниманіе почему то привлечено спяноу, о ней уже говорилось въ цитированномъ выше мѣстѣ. Затѣмъ, говоря о развязкѣ, ораторъ повторяетъ, что подсудимымъ овладѣло «животное возбужденіе» «при видѣ широкой спины Диманта, *спины, хотѣвшей удалиться торжественно и побѣдоносно*». (Отчетъ, стр. 215). Можетъ быть въ стенографическомъ отчетѣ вралась ошибка, такъ какъ въ такой формѣ конструкція фразы очень неудачна. Описывая самое преступленіе Н. П. Карабчевскій еще разъ повторяетъ: «Димантъ повернулъ къ нему свою широкую... свою ненавистную *спину*». Онъ торжествующій уходитъ». (Отчетъ, стр. 210). При сопоставленіи этихъ мѣстъ напрашивается вопросъ, что же особеннаго заключалось въ спинѣ Диманта, и могло ли имѣть значеніе, если бы онъ стоялъ въ моментъ крайняго возбужденія Бутми-де-Кацмана къ нему лицомъ, а не спиною, почему именно этому положенію Диманта придается особое значеніе?

«Онъ смутно ощущаетъ и чувствуетъ въ моментъ преступленія, что съ нимъ самимъ въ тотъ моментъ «кончено навсегда». Увы! Онъ не ошибся въ ту минуту. Съ нимъ дѣйствительно «кончено»... Жестокій и тяжкій недугъ все болѣе и болѣе застилаетъ свѣтъ передъ его глазами. Ему грозитъ полная слѣпота. Слепецъ и нищій, что можетъ быть ужаснѣе; слѣпецъ по волѣ неба, нищій — по волѣ Диманта». (Отчетъ, стр. 220). Разумѣется такое мѣсто, произнесенное съ увлеченіемъ можетъ и могло произвести впечатлѣніе — рѣчь по дѣлу Диманта была встрѣчена аплодисментами, — но едва ли этотъ паѳосъ можетъ быть названъ безукоризненнымъ при чтеніи рѣчи, когда дѣйствуетъ не чувство, а размышленіе. Сопоставленіе воли неба и воли Диманта является нѣсколько рѣзкимъ эффектомъ. Заключенія Н. П. Карабчевскаго обыкновенно проникнуты сильнымъ чувствомъ, которое поддерживаетъ основное положеніе оратора: «Несправедливый приговоръ, такъ заканчиваетъ Н. П. Карабчевскій рѣчь по дѣлу братьевъ Скитскихъ, огромное общественное бѣдствіе... случаются судебныя ошибки, зависящія отъ роковаго, неотвратимаго сдѣянія неразгаданныхъ обстоятельствъ... Настоящее дѣло не представляетъ собою ничего роковаго и неотвратимаго. Неправильный приговоръ не будетъ судебною ошибкою, но только ошибкою судей... Что можете противопоставить вы въ видѣ роковаго и неизбежнаго запросамъ и тревогамъ вашей совѣсти: огрызки колбасы, веревку? Столько же ради этихъ двухъ несчастныхъ, сколько и ради васъ самихъ, я прошу у васъ оправдательнаго приговора». (Суд. Драмы, 1899, № 6 стр. 145—146).

Въ заключеніяхъ же Н. П. Карабчевскій старается возбудить сожалѣніе къ подсудимому, изображаетъ его внутреннія муки, его тяжелое положеніе, таково заключеніе по дѣлу «Владимира» (Ляховецкій, о. с. стр. 156). Вообще въ заключеніяхъ Н. П. Карабчевскій можетъ быть, чаще прибѣгаетъ къ риторикѣ, чѣмъ другіе русскіе ораторы, но онъ умѣетъ также заключать свою рѣчь просто и убѣдительно; примѣръ такого заключенія представляетъ дѣло Поповыхъ, гдѣ ораторъ только указываетъ присяжнымъ положеніе под-

судимыхъ по степени ихъ участія въ дѣлѣ и просить раз-
смотреть виновность каждаго брата отдѣльно. (Отчетъ по
дѣлу, стр. 116).

Попутно я уже имѣлъ случай останавливаться на слогѣ
Н. П. Карабчевскаго, изученіе котораго подтверждаетъ из-
вѣстное изреченіе Бюффона, что «слогъ — это человѣкъ», —
слогъ Н. П. Карабчевскаго въ значительной мѣрѣ объяс-
няется его характеромъ, страстностью, съ которой онъ от-
стаиваетъ свое дѣло, отдаваясь вполнѣ чувству, стремясь ско-
рѣе достигнуть цѣли, бросая тирады и фразы, не заботясь
объ ихъ изяществѣ и правильной постройкѣ. Н. П. Караб-
чевскій надѣется на подъемъ своего настроенія, силу па-
тоса — этимъ онъ стремится завладѣть судьями; послѣдствія
такого приѣма понятны: что рѣчь выиграетъ въ горячности
чувства, то она проигрываетъ въ ясности стиля и система-
тичности изложенія. «Н. П. Карабчевскій, замѣчаетъ г. Ля-
ховецкій (о. с., стр. 131), зачастую произноситъ свои рѣчи
безъ всякой системы». Благодаря этому, рѣчи Н. П. Караб-
чевскаго весьма много теряютъ, когда приходится ихъ пе-
речитывать и когда, слѣдовательно, исчезаетъ возможность
заставить позабыть недостатки рѣчи ея увлекательнымъ про-
изнесеніемъ; въ этомъ смыслѣ Н. П. Карабчевскій отличается
отъ А. Θ. Кони, В. Д. Спасовича и С. А. Андреевскаго,
рѣчи которыхъ сохраняютъ и въ печати значеніе художе-
ственныхъ произведеній.

Нельзя не сдѣлать Н. П. Карабчевскому упрека и въ
томъ, что риторическимъ украшеніямъ въ его рѣчахъ отво-
дится много мѣста; какъ на примѣръ укажу на вступленіе
въ рѣчи по дѣлу о «Владимірѣ»: «Разсвѣтъ, опоздавшій ос-
вѣтить мѣсто печальной катастрофы 27 іюня, конечно, на-
всегда останется кровавымъ въ нашемъ воображеніи; бездна,
жадно поглотившая въ короткій мигъ между утромъ и ночью
столько человѣческихъ жертвъ, останется навсегда неизмѣнно
холодною и мрачною. Но вѣдь не этой потрясающей, но, къ
сожалѣнію, безмолвной картины ждетъ отъ васъ въ настоя-
щую минуту вся Россія». (Ляховецкій, о. с. стр. 134). Рядъ
не точныхъ выраженій, имѣющихъ цѣлью поднять чувство

слушателей, дѣлаеть затруднительнымъ уясненіе смысла приведеннаго мѣста, на него нужно смотрѣть, какъ на фразу, могущую воздѣйствовать своей формой, но не содержаніемъ.

Не всегда безукоризненными бываютъ и сравненія, выбираемые ораторомъ: сравненія, для того чтобы достигнуть своей цѣли, должны быть составлены обдуманно и осторожно, не выдѣляться изъ общаго тона мѣста рѣчи, въ которомъ они приведены. Н. П. Карабчевскій такъ описываетъ столкнове- ніе «Владимира», моментъ когда раздался ударъ: «Всѣ вско- чили въ ужасѣ... Въ машинномъ отдѣленіи уже хлестала, сбивавшая съ ногъ машинную команду, вода и электричество погасло. Предоставляю вамъ судить, г.г. судьи, объ этой ми- нутѣ ужаса, заставившаго всѣхъ затаить на секунду дыха- ніе. О ней едва ли могутъ дать намъ хотя бы приблизитель- ное понятіе всѣ декоративные успѣхи сценическаго воспро- изведенія сказочнаго момента изъ оперы «Русланъ и Люд- мила». (Ляховецкій, о. с. стр. 147). Во-первыхъ, это сравне- ніе длинно и блѣдно и предполагаетъ, что всѣ и судьи и присяжные знаютъ оперу, во-вторыхъ, сопоставленіе страш- ной катастрофы въ патетическій моментъ рѣчи съ театраль- нымъ эффектомъ могло расхолодить слушателей и погубить патетическое мѣсто рѣчи оратора.

Итакъ, главная сила дарованія Н. П. Карабчевскаго въ увлекательномъ произнесеніи рѣчи, въ умѣньи захватить слушателей силою своего увлеченія, въ искусствѣ опровер- гать и разбивать аргументацію противника, и эти качества во время судебного состязанія могутъ заставить позабыть о недочетахъ его краснорѣчія.

VI.

А. В. Лохвицкій.

Къ числу русскихъ выдающихся адвокатовъ нельзя не отнести и сошедшаго уже съ жизненной сцены А. В. Лохвицкаго. Его рѣчи не отличались внѣшнимъ блескомъ и мастерствомъ отдѣлки или необычайнымъ богатствомъ и глубиною содержанія, ораторъ не поднималъ въ нихъ дѣла до высоты общихъ вопросовъ, не затрогивалъ широкихъ общественныхъ настроеній,—онъ оставался въ предѣлахъ, очерченныхъ обстоятельствами дѣла, но зато умѣлъ въ этихъ предѣлахъ искусно распорядиться матеріаломъ и сдѣлать въ пользу своего кліента все возможное, чтобы доказать его невиновность или смягчить грозящее ему наказаніе. Прекрасный юрисконсультъ, основательно разбиравшійся въ сложныхъ юридическихъ вопросахъ, А. В. Лохвицкій особенно выдавался въ дѣлахъ, гдѣ споръ сводился къ нарушенію имущественнаго права, къ обсужденію различныхъ обязательствъ и документовъ, здѣсь отъ него не ускользала ни малѣйшая подробность или неясность, препятствовавшая надлежащему объясненію даннаго случая. Въ виду этихъ особенностей дарованія А. В. Лохвицкаго, останавливаться на его слогѣ не представляется надобности, достаточно сказать, что съ внѣшней стороны его рѣчь давала ясное и понятное изложеніе дѣла.

А. В. Лохвицкій сравнительно рѣдко пользуется общими

мѣстами и разсужденіями—они незамѣтно проходятъ въ его рѣчахъ, такъ, напр., разсужденіе въ рѣчи по дѣлу Бильба-сова о томъ, что по волѣ провидѣнія преступнику рѣдко удается уйти отъ наказанія, что его губить по большей части какая нибудь пустая неосторожность (Суд. Драмы, 1898, стр. 180). Также рѣдко встрѣчается и юморъ (см. Суд. Драмы, 1898, № 6, стр. 104 и 105. Дѣло Мгеброва). Изложеніе сохранять, такимъ образомъ, дѣловой характеръ, что не мѣшаетъ ему оставаться интереснымъ, далекимъ отъ чрезмѣрно сухого пересказа или перечня выясненныхъ на судѣ фактовъ.

Болѣе всего А. В. Лохвицкій обращаетъ вниманія на форму рѣчи во вступленіяхъ и въ заключеніяхъ. Первымъ онъ отводитъ весьма важное мѣсто, выясняя въ нихъ суть дѣла или его отличительные черты и признаки, связывая его иногда съ самой аргументаціей. Въ дѣлѣ Мгеброва, напр., ораторъ, упомянувъ, что присяжнымъ приходится разбирать дѣло, къ несчастію запутанное самимъ подсудимымъ, переходитъ къ программѣ рѣчи, въ объясненію порядка, въ которомъ онъ будетъ разсматривать доказательства, и выдвигаетъ основное положеніе своей аргументаціи — вопросъ о личныхъ свойствахъ обвиняемаго Мгеброва и потерпѣвшаго Зейферта. (Суд. Драмы, 1898, № 6, стр. 93).

Въ заключеніяхъ А. В. Лохвицкій иногда, въ отступленіе отъ общаго тона своихъ рѣчей, даетъ большій просторъ чувству и въ особенно сложныхъ и сомнительныхъ дѣлахъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать заключеніе возможно убѣдительнымъ, закрѣпить имъ свои доказательства и выводы. Въ дѣлѣ Мгеброва, не представлявшемъ особенныхъ осложненій, ораторъ въ заключеніе довольствуется тѣмъ, что повторяетъ вкратцѣ высказанные имъ аргументы въ пользу того, что Мгебровъ по характеру не могъ совершить преступленія, но что по легкомыслію онъ, дѣйствительно «надѣлалъ вещей непростительныхъ», попалъ въ глупое и скверное положеніе, за что и пострадалъ достаточно: уволенъ отъ службы, нѣсколько лѣтъ находился подъ судомъ и слѣдствіемъ: «Но я полагаю, закончилъ свою рѣчь А. В. Лохвицкій, что этого

будетъ довольно. Гражданская сторона довольна; она дала записку отъ себя, что ничего не ищетъ. Надѣюсь, что и ваша совѣсть будетъ удовлетворена, и вы провозгласите невинность подсудимаго Мгеброва». (Суд. Драмы, 1898, № 6, стр. 112). Большія затрудненія для защиты представляло дѣло Бильбасова, и на заключеніи этой рѣчи А. В. Лохвицкій сосредоточилъ свои силы. Въ началѣ его онъ выясняетъ, почему присяжные при наличности сомнѣнія обязаны вынести оправдательный, а не обвинительный вердиктъ, говорить имъ, что, идя вслѣдъ за обвинителемъ, они должны будутъ «раздавить судьбу человѣка даровитаго, способнаго, могущаго принести еще много пользы, человѣка у котораго есть жена, есть дѣти». Онъ требуетъ, чтобы присяжные не надѣялись успокоить свою совѣсть, признавъ вину Бильбасова въ менѣе важномъ преступленіи, такъ какъ здѣсь нѣтъ ничего переходнаго: въ случаѣ обвинительнаго приговора «обвиняемый сваливается разомъ въ пропасть 20 степеней наказанія», и успокаиваетъ возможные колебанія присяжныхъ соображеніемъ, что и при оправданіи обвиняемый все-таки наказанъ такъ, «какъ, можетъ быть, трудно наказать болѣе за это преступленіе. Онъ три года слишкомъ содержится въ тюремномъ заключеніи». Кромѣ того ораторъ указываетъ, что подсудимый—адвокатъ по профессіи, не можетъ приняться за свое дѣло при всякомъ приговорѣ, что его средства существованія уничтожены и, въ концѣ концовъ, замѣчаетъ: «если я скажу, что дѣло смутно, что въ немъ много неяснаго—я скажу мало... дѣло чрезвычайно темно, чрезвычайно запутано», затѣмъ идетъ ссылка на то, что первый обвинительный приговоръ уничтоженъ, и это какъ бы служить знакомъ, что провидѣніе «не захотѣло допустить торжества неправды». (Суд. Драмы, 1898, № 11, стр. 192—195). По этому заключенію видно, что ораторъ опасался возможности обвинительнаго приговора, и потому привелъ дѣйствительно всѣ мыслимыя соображенія, не исключая и того, что у Бильбасова были жена и дѣти, и что провидѣніе не захотѣло допустить неправды; въ менѣе затруднительныхъ случаяхъ, какъ указано выше, и заключенія строились А. В. Лохвицкимъ гораздо проще.

А. В. Лохвицкій глубоко проникался защищаемымъ имъ дѣломъ, ознакамливался съ его подробностями, старался передать судьямъ свое убѣжденье, это значительно скрашивало пробѣлы и шероховатости внѣшней стороны его рѣчей. Въ рѣчи по дѣлу Мгеброва А. В. Лохвицкій говоритъ, что самъ желалъ составить искреннее мнѣніе о поступкѣ подсудимаго, для чего указывалъ ему на опасность напраснаго заpirationства, на то, что спорные факты могутъ быть установлены экспертизой, но что подсудимый рѣшительно настаиваетъ на своей невинности, и что его доводы убѣдили защитника. (Суд. Драмы, 1898, № 6, стр. 94).

А. В. Лохвицкій требовалъ отъ противника полной корректности при исполненіи долга и не стѣснялся замѣчаніями, если ему казалось, что противникъ дѣйствуетъ не совсѣмъ лойально. (Суд. Драмы, № 11, стр. 160. Дѣло Бильбасова). Вмѣстѣ съ тѣмъ А. В. Лохвицкій умѣлъ также выдвинуть свой способъ дѣйствій въ томъ случаѣ, когда противникъ особенно настаивалъ на своемъ безпристрастіи и великодушіи. Защищая Поливанова онъ, напр. заявилъ, что если прокуроръ могъ гордиться тѣмъ, что предоставилъ подсудимому полную свободу въ представленіи доказательствъ, то и защита предоставила прокурору «свободу пользоваться объясненіями подсудимаго, данными на предварительномъ слѣдствіи, хотя одного ея слова было достаточно, чтобы воспрепятствовать слишкомъ частой ссылкѣ на оныя». (Рус. суд. оратор. III, стр. 335).

Центръ тяжести защиты во всѣхъ рѣчахъ А. В. Лохвицкаго лежитъ въ доказательствахъ. Онъ умѣетъ прежде всего уяснить основаніе спора, установить ясную и точную программу и тѣмъ въ значительной степени облегчить судьямъ пониманіе сложныхъ и запутанныхъ отношеній лицъ, участвовавшихъ въ процессѣ. При этомъ А. В. Лохвицкій старается разбить всѣ соображенія противника, чтобы не оставить у судей никакихъ сомнѣній. «Защита бываетъ сильна и побѣдоносна, говоритъ онъ въ рѣчи въ защиту Поливанова, не тогда, когда она попадаетъ на тотъ или другой слабый пунктъ обвиненія, а когда въ состояніи напастъ на обвине-

ніе со всѣхъ сторонъ, отнять самую почву обвиненія». (Рус. суд. ораторы, III, стр. 333). Мелкія подробности и неточности въ показаніяхъ, ускользавшія отъ неопытнаго взгляда, давали ему оружіе для построенія весьма важныхъ выводовъ. Въ дѣлѣ Бильбасова былъ одинъ подозрительный свидѣтель Дмоховскій, показаніе котораго было въ высшей степени важно для установленія факта полученія Бильбасовымъ спорныхъ денегъ. Дмоховскій говорилъ сперва, что не помнитъ, передалъ ли Бильбасовъ всѣ деньги или часть ихъ. «Это по моему, замѣтилъ А. В. Лохвицкій, въ высшей степени важный фактъ, это хвостикъ чего то, но хвостикъ, по которому мы, если бы слѣдствіе ударило на него искусно, такъ что не давало бы допрашиваемому ни отдыха ни срока, пришли бы къ важному результату». И далѣе строить на этомъ недосмотрѣ слѣдствія существенную часть своей аргументаціи. (Суд. Др., 1898, № 12, стр. 188—189).

Промахи противника немедленно подмѣчаются ораторомъ, такъ въ дѣлѣ Мгеброва Лохвицкій указываетъ, что «прокуроръ напираетъ на тотъ пунктъ, что векселя были не на 1800 р., но на 2800 р., но доводы прокурора такого рода: сначала онъ сказалъ—«позволительно сомнѣваться», что векселя были на 1800 р., а черезъ нѣсколько минутъ говорить, «что векселя были «несомнѣнно на 2800 р. Какимъ образомъ «позволительно сомнѣваться» безъ всякихъ фактическихъ данныхъ обратилось въ «несомнѣнно», я не знаю». (Суд. орат., 1898, № 6, стр. 100).

Въ рѣчахъ А. В. Лохвицкаго нѣтъ характеристикъ въ собственномъ смыслѣ слова, возстановляющихъ личность подсудимыхъ, въ связи съ бытовой обстановкой; онъ довольствовался, краткой обрисовкой личности для поддержанія своихъ доказательствъ, для подтвержденія, что данный человекъ могъ поступить такъ, какъ предполагалъ А. В. Лохвицкій. Въ дѣлѣ Бильбасова онъ ставитъ вопросъ, могъ ли подсудимый, котораго судьи оцѣнили какъ человека съ умомъ, съ дарованіемъ и «главное, законника», совершить приписываемое ему преступленіе. И доказываетъ, что это предположеніе несомнѣнимо съ названными качествами Бильбасова. (Суд. Др.,

1898, № 12, стр. 165). Такимъ же способомъ, т. е. указаніемъ на характеръ и образъ дѣйствій подкрѣпляется догадка о причастности къ дѣлу Дмоховскаго. (Суд. Драмы, 1898, № 12, стр. 170 и слѣд.), при чемъ ораторъ проводитъ параллель, какъ должны бы были дѣйствовать оба названныя лица (Бильбасовъ и Дмоховскій) сообразно съ ихъ знаніемъ и силами для безопаснаго достиженія своихъ цѣлей. (Суд. Драмы, 1898, № 12, стр. 184). Въ дѣлѣ о подложномъ завѣщаніи Сѣдкова А. В. Лохвицкій защищалъ нотариуса Лысенкова, котораго другіе подсудимые старались представить инициаторомъ преступленія; ораторъ весьма осторожно старался ослабить въ интересахъ своего кліента этотъ оговоръ его сотоварищей по преступленію. Указавъ, что вообще къ словамъ подсудимыхъ слѣдуетъ относиться безъ излишняго довѣрія, онъ далъ психологическое объясненіе и извиненіе ихъ образа дѣйствій, замѣтивъ, что желанье свалить вину на другого естественно въ положеніи людей «главный интересъ которыхъ оградить себя, если не оправдать, то предстать передъ вами въ менѣе ненавистномъ видѣ, показать, что они слабы, что не будь злого генія въ лицѣ такого то, и, быть можетъ, они не совершили бы преступленія.» (Рус. суд оратор. V, стр. 476).

VII.

П. Г. Мироновъ.

Рѣчи П. Г. Миронова отличаются искренностію и теплою тона, въ нихъ не чувствуется усилій, дѣлаемыхъ для приданія имъ блестящей формы и повышеннаго риторическаго паѳоса. Ораторъ излагаетъ свои мысли просто и ясно, не выходя за предѣлы разбираемаго случая, не отступая передъ трудностями и умѣя выдвинуть на первый планъ самое существенное съ точки зрѣнія отстаиваемыхъ имъ мнѣній. Такъ же, какъ у многихъ другихъ русскихъ ораторовъ, у П. Г. Миронова не замѣтно внимательной подготовки рѣчи, она производитъ впечатлѣніе импровизаціи, составленной во время судебного разбирательства.

Вступленія его рѣчей нерѣдко составляютъ непосредственное возраженіе противнику, указаніе на основную ошибку его тактики, слабое мѣсто его доказательствъ и доводовъ, что даетъ оратору возможность перейти къ дѣлу, уже ослабивъ болѣе или менѣе доводы противника, и заинтересовать судей, вводя ихъ въ сущность спора. По дѣлу о Минскихъ безпорядкахъ, напр. П. Г. Мироновъ началъ рѣчь замѣчаніемъ, что «скромно готовился немногими словами дополнить пропущенное въ рѣчахъ товарищей... но смущенный чувствую необходимость вернуть ваше вниманіе, г.г. судьи, къ общей картинѣ происшествія. Я смущенъ горячностью и даже страстностью, которыя сегодня звучали въ рѣчи государственнаго

обвинителя» (Рус. суд. ораторы, IV, стр. 339), потомъ онъ отмѣтилъ неправильность взгляда обвинителей и непосредственно перешелъ къ обоснованію своего взгляда на дѣло. Въ доказательствахъ П. Г. Мироновъ всегда хорошо отмѣняетъ центральное положеніе, около котораго сосредоточивается судебное состязаніе; въ цитированномъ дѣлѣ о Минскихъ безпорядкахъ онъ поддерживалъ мнѣніе, что они не были результатомъ племенной вражды евреевъ къ русскимъ, но обычной дракой, происшедшей по винѣ солдатъ и разросшейся въ крупные безпорядки, благодаря неосторожнымъ дѣйствіямъ патрулей и нарушенію порядка входившими въ нихъ солдатами. Этотъ тезисъ проводится ораторомъ при помощи доказательствъ и соображеній отъ начала до конца рѣчи съ полной наглядностью, безъ отступленій въ сторону, настойчиво и послѣдовательно. (о. с. 341—350).

Защищая Нагурскаго, обвиняемаго въ покушеніи на убійство, П. Г. Мироновъ исходитъ изъ взгляда, что мысли объ убійствѣ у Нагурскаго не было, что стрѣляя въ своего врага, онъ дѣйствовалъ подъ влияніемъ полубезсознательнаго состоянія, до котораго былъ доведенъ пережитой имъ благодаря ему семейной драмой. (Розенцвейгъ, о. с. стр. 252), и это положеніе ораторомъ выдѣляется среди другихъ обстоятельствъ дѣла, бывшихъ предметомъ рѣчи. Обыкновенно очень удачно П. Г. Мироновъ отстаиваетъ важныя для него показанія участвующихъ лицъ, хотя бы они не могли рассчитывать на довѣріе судей; ораторъ строить въ такихъ случаяхъ свою аргументацію не на возможности или невозможности довѣрять этимъ лицамъ, но на фактическихъ обстоятельствахъ и дѣйствіяхъ другихъ, которыя косвеннымъ образомъ свидѣлствуютъ о правильности защищаемыхъ ораторомъ показаній. Такимъ образомъ при защитѣ Меранвила ораторъ доказывалъ справедливость его показаній рядомъ доводовъ, въ концѣ которыхъ сослался на дѣйствія Юрія Попова, потерпѣвшаго, который по окончаніи сдѣлки съ братомъ самъ пригласилъ Меранвила на панихиду по отцѣ. «Обвинители говорятъ: Юрій молился за то, что избавился, наконецъ, отъ мученій Меранвила... Можно ли допустить такое лицемѣріе въ чело-

вѣгѣ... А если это возможно, если лгутъ его письма, если онъ можетъ такъ притворяться, то какое же основаніе ему вѣрить теперь въ его показаніяхъ». (Розенцвейгъ, о. с. стр. 435).

Заслуживаютъ вниманія и полемическіе приемы г. Миронова, и въ особенности, служащіе весьма часто камнемъ преткновенія, нападенія на личность. Какъ показываетъ процессъ Нагурскаго, г. Мироновъ умѣетъ оставаться въ подобныхъ случаяхъ корректнымъ по формѣ, не смотря на всю силу и жестокость содержанія его нападеній. Печальнымъ героемъ названнаго процесса явился г. Б., участвовавшій въ процессѣ въ качествѣ гражданскаго истца. П. Г. Мироновъ, разобравъ обстоятельства, выясняющія характеръ образа дѣйствій г. Б. и выставивъ ихъ въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ, удержался отъ ихъ рѣзкой оцѣнки, ограничившись суровымъ, но поддерживаемымъ фактами выводомъ: «Нѣтъ, г. Б., сказалъ онъ, вы неправы, вы истинный, единственный виновникъ этого мрачнаго дѣла, вы разбили чужое счастье, обманули довѣріе юноши, имѣвшаго несчастье вѣрить вамъ, вы внесли смуту и позоръ въ чужую семью, вы разбили жизнь двухъ людей». (Розенцвейгъ, стр. 251).

Общій характеръ рѣчей П. Г. Миронова, производящихъ, какъ я уже сказалъ, впечатлѣніе импровизацій, отражается и на заключеніяхъ, которыя, впрочемъ не выдвигаются особенно ораторомъ. Обыкновенно они представляютъ изъ себя краткое резюме доказательствъ, связанное иногда съ возраженіемъ противнику, такъ что рѣчь г. Миронова и начинается и заканчивается нападеніемъ. Таково заключеніе рѣчи по дѣлу Меранвила: «Понимая невозможность бороться въ судѣ гражданскомъ, они (гражданскіе истцы) настойчиво добиваются обвиненія и торгуются съ правосудіемъ. Г. Плевако сравнилъ храмъ правосудія съ храмомъ молитвы и приводилъ слова Божественнаго Учителя, но пусть же въ такомъ случаѣ онъ вспомнить, что когда Божественный Учитель засталъ въ храмѣ торгующихъ, то выгналъ ихъ». (Розенцвейгъ, о. с. стр. 436).

VIII.

А. Я. Пассоверъ.

Приступая къ разбору рѣчей А. Я. Пассовера, необходимо оговориться, что въ печати имѣется всего одна рѣчь, произнесенная имъ въ 1876 г. въ защиту присяжнаго повѣреннаго П., и что это обстоятельство не дозволяетъ детальнаго разсмотрѣнія и характеристики его краснорѣчія. А. Я. Пассоверъ, справедливо считающійся болѣе виднымъ цивилистомъ, чѣмъ криминалистомъ, отличается отъ другихъ адвокатовъ по внѣшнимъ приѣмамъ рѣчи; онъ тщательно изучаетъ и разрабатываетъ дѣло дома, обдумываетъ свою рѣчь, но въ судѣ никогда не прибѣгаетъ къ записямъ или документамъ, вполне полагаясь на свою память (Ляховецкій, о. с. стр. 206). По произнесенію рѣчи А. Я. Пассоверъ напоминаетъ В. Д. Спасовича въ томъ смыслѣ, что не обладаетъ значительными внѣшними ораторскими средствами. По словамъ Н. П. Карабчевскаго (Сѣв. В. 1897, № 3, стр. 322) его обычная тактика состоитъ въ разборѣ во вступленіи рѣчи побочныхъ и неблагопріятныхъ сторонъ защиты, затѣмъ слѣдуетъ энергичное нападеніе на слабыя мѣста противника, и въ концѣ уже наносится собранными силами послѣдній ударъ, рѣшающій судьбу состязанія. Обладая, какъ указываетъ В. Д. Спасовичъ, обширными познаніями «не только въ области права, но и въ исторіи, философіи и изящной литературѣ» (Сѣв. В. 1897, 3, стр. 326), А. Я. Пассоверъ умѣетъ такъ

располагать своими знаніями, что въ его рѣчахъ не бросается въ глаза усиленная подготовительная работа, рѣчь не загромождается лишнимъ балластомъ, не теряетъ ясности и изящества. Содержаніе рѣчей А. Я. Пассовера оригинально, онъ умѣетъ найти и выдвинуть важныя, но малозамѣтныя на первый взглядъ стороны дѣла. (Ляховецкій, о. с. стр. 205). Говоритъ А. Я. Пассоверъ просто, но въ то же время умѣетъ пользоваться образами и сравненіями, такъ въ началѣ рѣчи въ защиту присяжнаго повѣреннаго П. онъ удачно сравниваетъ судебное дѣло съ калейдоскопомъ, въ которомъ при каждомъ передвиженіи стеклышка получается новая фигура, и такимъ образомъ поясняетъ необходимость касаться уже извѣстныхъ суду фактовъ, оцѣнка которыхъ зависитъ отъ соотвѣтствующаго освѣщенія и распредѣленія.

Ораторъ пользуется также цитатами и изреченіями (въ его рѣчи встрѣчаются ссылки на Щедрина, Талейрана, Шиллера, стихи изъ «Горе отъ ума») и, не ограничиваясь передачей обстоятельствъ дѣла, прибѣгаетъ довольно часто къ общимъ мѣстамъ и разсужденіямъ. Таково разсужденіе о формальной правдѣ, достигаемой гражданскимъ правомъ, въ которомъ ораторъ съ точки зрѣнія современнаго цивилиста утверждаетъ, что «формальная, легальная правда не всегда совпадаетъ съ внутренней справедливостью... И что такое въ самомъ дѣлѣ все наше гражданское судопроизводство? Вѣдь это машина, которая дѣлаетъ свою работу, не вѣдая праваго и виноватаго... Но кто умѣючи ея орудуетъ, тотъ можетъ ее направить, куда слѣдуетъ». (Ляховецкій, о. с. стр. 224).

Вообще А. Я. Пассоверъ по свойству своего таланта, въ которомъ преобладающее значеніе имѣетъ діалектика, умѣнье разобратся въ деталяхъ сложныхъ гражданско-правовыхъ отношеній, и въ уголовныхъ защитахъ остается цивилистомъ, сильнымъ въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ приходится бороться главнымъ образомъ путемъ выясненія различныхъ имущественныхъ вопросовъ, т. е. въ тѣсно сопрягающихся съ областью гражданского права. Въ рѣчи въ защиту П. онъ блестяще разбирается въ запутанныхъ по-

дробностяхъ дѣла, искусно лавируя между подводными камнями. Сознывая, что его клиента трудно отстаивать, примѣняя къ его дѣйствиамъ мѣрку адвокатской этики, А. Я. Пассоверъ цѣлесообразно отдѣляетъ его сомнительныя дѣйствія и относитъ ихъ въ другую область: «коммерціи», и посредствомъ этого спасаетъ, что можно. «Если меня спросятъ, скажешь ты, какъ долженъ былъ держать себя адвокатъ, совершая всѣ эти дѣйствія? я скажу: никакъ. Обсуживать коммерческія дѣйствія съ точки зрѣнія правилъ адвокатской профессіи — дѣло невозможное, абсурдъ, ибо коммерція и адвокатура — двѣ несоизмѣримыя величины. Для насъ важенъ результатъ: во всѣхъ этихъ передрыгахъ П. нельзя сдѣлать упрека, что онъ не дѣйствовалъ, какъ подобаетъ порядочному человѣку». (Ляховецкій, о. с. стр. 222). Благодаря этому освѣщенію дѣла, ораторъ могъ, признавая необходимость строгой адвокатской этики, отстаивать интересы своего клиента. Въ заключеніи рѣчи А. Я. Пассоверъ указываетъ, что П. не долженъ былъ смѣшивать адвокатскую дѣятельность и коммерцію, но извиняетъ его тѣмъ, что такъ поступаютъ и другіе, и что это хотя и прискорбный фактъ, могущій привести адвоката «къ моральному банкротству», но тѣмъ не менѣе фактъ, съ которымъ нужно считаться. Судя по разбираемой рѣчи, А. Я. Пассоверу удаются и мѣста, проникнутыя ироніей, таково напр. мѣсто, въ которомъ дѣятельность П. сопоставляется съ дѣятельностью другихъ, оставляющихъ службу для болѣе выгодныхъ занятій. «Другіе драпируются въ гражданскую скорбь, другіе умѣютъ рисоваться идеей, другіе, выходя кокетничаютъ съ министромъ юстиціи, а вышедшіе объявляютъ, что они пострадали за свои идеалы, что съ ихъ выходомъ замыкается эпоха реформъ... а П. взялъ свою оставку *sans phrases*». (Ляховецкій, о. с. стр. 215).

IX.

Ө. Н. Плевако.

Ө. Н. Плевако — замѣчательный ораторъ, обладающій всѣми данными, необходимыми для достиженія успѣха. Его рѣчи составлены всегда живо и увлекательно, онъ свободно владѣеть паѳосомъ и ироніей, прекрасно ведетъ аргументацію, не теряется въ спорѣ съ противникомъ, не отступаетъ передъ психологическимъ анализомъ и болѣе или менѣе удачно справляется съ характеристиками. При этомъ въ его рѣчахъ нѣтъ однообразія: ихъ тонъ приспосабливается къ обстоятельствамъ дѣла. Общій недостатокъ, который въ не малой мѣрѣ вредитъ оратору — это незаконченность работы. Въ рѣчахъ Ө. Н. Плевако виденъ большой талантъ, но мало замѣтно стараніе о его развитіи и обработкѣ, почему въ его рѣчахъ наряду съ очень удачными мѣстами попадаетъ и довольно банальная реторика и не всегда подходящія къ дѣлу цитаты; недостаточность ораторской подготовки отражается и на систематичности и красотѣ изложенія.

Главная сила рѣчей Плевако въ воздѣйствіи на чувство слушателей, хотя часто реторическомъ, но тѣмъ не менѣе сильномъ, для котораго Ө. Н. Плевако умѣетъ находить матеріалъ во всякомъ дѣлѣ. Въ качествѣ образца можно указать на рѣчь по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка, гдѣ онъ выступалъ гражданскимъ истцомъ, и, сообразуясь съ характеромъ дѣла, казалось, долженъ былъ бы оставаться въ

области цифровыхъ данныхъ и вытекающихъ изъ нихъ выводовъ и сопоставленій. *Ө. Н. Плевако* началъ свою рѣчь съ патетическаго противопоставленія прежняго положенія подсудимыхъ, когда добрая половина ихъ «была сильной, славной, обладающей властью и средствами», когда они были свободны и крѣпки, могли не обращать вниманія на слухи и мнѣнія, которое онъ сравнилъ съ ихъ настоящимъ положеніемъ, когда «они сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, крѣпко связанные узами карающаго закона, слабые, опозоренные». Это вступленіе послужило прочнымъ основаніемъ для объясненія тактики оратора, который не желалъ своею рѣчью «перевѣсить чашу вѣсовъ на сторонѣ обвиненія» и желалъ услышать отъ присяжныхъ только «слово правды». (Рус. суд. орат., IV, стр. 459, 460, 464).

По богатству слога, умѣнью выбирать выраженія, приводить сравненія и примѣры *Ө. Н. Плевако* можетъ быть сопоставленъ съ лучшими русскими ораторами. Напр., говоря о различныхъ темныхъ дисконтерахъ, принимавшихъ участіе въ вексельныхъ операціяхъ извѣстной игуменьи *Митрофаніи*, ораторъ сравниваетъ ихъ съ червями: «Эти люди напоминаютъ мнѣ червей: ихъ не видать на свѣжемъ кускѣ мяса, на свѣжемъ, только что созрѣломъ плодѣ. Но они кишатъ на всемъ разлагающемся и гниломъ. Какъ по чутью бѣгутъ они на нечистое дѣло; но ихъ нѣтъ тамъ, гдѣ идетъ честная и открытая сдѣлка, а такой сдѣлки не могло выйти изъ кельи игуменьи *Митрофаніи*». (Рус. суд. орат. II, стр. 266). Въ общихъ мѣстахъ у *Ө. Н. Плевако* можно замѣтить иногда поспѣшность сужденій, приспособленіе къ потребностямъ даннаго момента; объясненіе этому на мой взглядъ заключается въ сказанномъ выше объ особенностяхъ его работы, но во многихъ случаяхъ они бывають составлены красиво, и въ значительной степени увеличивають впечатлѣніе рѣчей. Въ дѣлѣ о безпорядкахъ на фабрикѣ товарищества *Коншина*, въ которомъ *Ө. Н. Плевако* защищалъ интересы рабочихъ, обвинявшихся въ сопротивленіи властямъ, ему нужно было объяснить причины дѣйствій буйствовавшихъ рабочихъ, разбиравшихъ кабаки и распоряжавшихся бывшимъ въ нихъ ви-

номъ; ораторъ достигнулъ этого выясненіемъ общихъ условій жизни фабричныхъ рабочихъ: «Насъ воспитываютъ съ пеленокъ въ понятіи добра, насъ блюдутъ свободные отъ повседневнаго труда зоркія очи родителей, къ намъ приставлены пестуны. Вся наша жизненная дорога, несмотря на запасъ силъ и умѣнья различать вещи, обставлена барьерами, за счетъ нашего достатка, благодаря которымъ мы и сонные не свалимся въ пучину, и разсѣянные идемъ автоматически по прямой и торной дорогѣ. А у нихъ не то: обезсиленные физическимъ трудомъ, съ обмершими отъ бездѣйствія духовными силами, они тѣмъ не менѣе сами должны искать путь и находить признаки праваго и неправаго направленія». (Судебная драма, 1898, 2 стр. 89—90). Въ данномъ случаѣ приведенное сопоставленіе имѣло смыслъ и должно было содѣйствовать цѣлямъ оратора, взятое же внѣ этого случая оно является не совсѣмъ точнымъ; воспитаніе не всегда зависитъ отъ достатка, идеализировать его у имущихъ классовъ врядъ ли возможно: самъ О. Н. Плевако въ рѣчи по дѣлу «Качка», гдѣ приходилось разбирать вопросъ о воспитаніи въ, такъ называемыхъ, интеллигентныхъ и достаточныхъ семьяхъ, ближе подходит къ правдѣ, различая настоящую семью и воспитаніе отъ соблюденія внѣшняго приличія и правилъ общежитія, которыми нерѣдко замѣняется сущность воспитанія: «Въ этомъ семействѣ, сказалъ ораторъ, говоря о семействѣ Качка, которое, собственно говоря, не было семействомъ, а механическимъ соединеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, полагали, что сходить въ церковь, заставить пропѣть надъ собой брачныя молитвы, значить совершить бракъ. Нѣтъ, отъ перваго поцѣлуя супруговъ до той минуты, когда наши дѣти, окрѣпшіе духомъ и тѣломъ, насъ оставляютъ для новыхъ, самостоятельныхъ союзовъ, бракъ не перестаетъ быть священной тайной, высокой обязанностью мужа и жены, отца и матери нравственно отвѣтственныхъ за ростъ души и тѣла, за направленіе и чистоту ума и воли тѣхъ, кого вызвала къ жизни супружеская любовь... О вліяніи воспитанія нечего и говорить. Не всѣ ли мы теперь плачемся, видя, какъ много бѣдъ у насъ отъ нерадѣнія семействъ къ этой величайшей

обязанности отцовъ?» (Рус. суд. оратор. III, стр. 389). Если сравнить выводъ этого общаго мѣста съ предыдущимъ, взятымъ изъ дѣла о безпорядкахъ на фабрикѣ Коншина, противорѣчіе будетъ ясно: тамъ воспитаніе охраняетъ и направляетъ, здѣсь о немъ «нечего и говорить». Такіе факты доказываютъ, что О. Н. Плевако не выходитъ изъ твердыхъ общихъ принциповъ, что его исходныя положенія измѣняются, смотря по дѣлу,—пріемъ который нельзя признать удобнымъ для судебного оратора.

Тѣмъ не менѣе, какъ сказано выше, О. Н. Плевако пользуется съ успѣхомъ общими мѣстами для обоснованія своей аргументаціи. Такъ въ рѣчи по дѣлу Кашина онъ опредѣляетъ отношеніе суда присяжныхъ къ преступленію и преступнику, выясняетъ значеніе личныхъ свойствъ и качествъ послѣдняго въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «судъ старается выяснить: было ли законопреступное дѣло или нѣтъ, а вы, по поводу дѣла, стараетесь выяснить, каковъ данный человѣкъ... Если стоящій передъ вами подсудимый вырисовывается... чистымъ, и грѣхъ, ему приписываемый, не вяжется съ его характеромъ, вы не вѣрите въ его преступность... если приписываемое ему дѣло сходно съ установившимися привычками и обычаями его, вы довѣряете уликамъ».. (Судебн. драмы. 1898, 9, стр. 71).

Паѳосъ О. Н. Плевако бываетъ очень эффектнымъ, хотя ораторъ любитъ прибѣгать къ излишнимъ украшеніямъ, забывая, что простота стили не исключаетъ ни подъема настроенія, ни силы, ни красоты рѣчи. Говоря о томъ, что игуменья Митрофанія прикрывала свои хищенія богоугодными цѣлями, ораторъ продолжаетъ: «Богу такихъ жертвъ не надо. Каинова жертва не можетъ быть Ему пріятна; лепта добровольнаго приношенія вдовицы Ему лучше золота фарисейскаго. Ей это извѣстно лучше насъ, такъ пусть же не прикрывается она этимъ, пусть кощунствомъ не обморачиваетъ умы». (Рус. суд. оратор. II, стр. 261).

Это мѣсто не выходитъ изъ предѣловъ, допустимыхъ въ рѣчи, не заслоняетъ риторическими фигурами мысли оратора, чего нельзя сказать о заключеніи по дѣлу Качка, въ кото-

ромъ ораторъ старается пробудить состраданіе къ убійцѣ изъ ревности, молодой 18 лѣтней дѣвушкѣ, выросшей внѣ настоящаго семейнаго вліянія: «Бездомная скиталица, безродная... впервые нашла свою мать-родину, Русь, сидящую передъ ней въ образѣ представителей общественной совѣсти. Раскройте ваши объятія, я отдаю ее вамъ. Дѣлайте, что совѣсть вамъ укажетъ. Если ваше отеческое чувство возмущено грѣхомъ дѣтища, сожгите гнѣвно объятія, пусть съ крикомъ отчаянія сокрушится это слабое созданіе и исчезнетъ... если ваше сердце повѣритъ ей... воскресите ее и, пусть вашъ приговоръ будетъ новымъ рожденіемъ ея на лучшую, страданіями умудренную жизнь». (Рус. суд. оратор. III, стр. 394). Уподобленіе 12 присяжныхъ «матери Руси», предложеніе принять имъ Качку въ свои объятія и еще болѣе того сжать объятія такъ, чтобы «слабое созданіе» сокрушилось «съ крикомъ отчаянія», слишкомъ парадоксальные обороты рѣчи, которые не должны употребляться даже при высшей степени увлеченія оратора, тѣмъ болѣе, что О. Н. Плевако имѣетъ въ своемъ распоряженіи прекрасныя ораторскія средства, а подобные приемы ничего не могутъ прибавить къ его ораторской славѣ. Отъ начала до конца въ повышенномъ патетическомъ тонѣ была составлена рѣчь, произнесенная по дѣлу объ убійствѣ присяжнаго повѣреннаго Старосельскаго, въ которой ораторъ сравнивалъ сыщиковъ съ собаками, предупреждалъ отъ излишняго довѣрія къ нимъ, такъ какъ «собаки только собаки, грибокъ не роза, а только грибокъ, онъ не будетъ пахнуть розой, не приобрететъ ея благовонія: отъ него будетъ всегда разить мухоморомъ». (Суд. драмы, 1899, 6, стр. 123). Въ той же рѣчи присяжные называются «жрецами, изрекающими слово Божіе», говорится о богинѣ правосудія и о томъ, что «судья знаетъ, что вѣсы, врученные ему, выкованы изъ того матеріала, изъ котораго слиты вѣсы великаго Божьяго суда, имѣющаго произнести приговоръ надъ всѣмъ міромъ и судьбами его». (Суд. драмы, 1899, 6, стр. 126). Этотъ наборъ громкихъ словъ, очевидно, не могъ содѣйствовать увеличенію содержательности цитированной рѣчи и заставляеть невольно думать, что ораторъ обиліемъ словъ

хотѣлъ скрасить недостатокъ фактическаго матеріала и знакомства съ дѣломъ.

Такое же преувеличеніе представляетъ паѳосъ *Θ. Н. Плевако* и въ другихъ рѣчахъ, напр. въ репликѣ по дѣлу *Меранвила*, бывшей, по словамъ г. *Розенцвейга* «взрывомъ пламеннаго краснорѣчія», произведшимъ очень сильное впечатлѣніе, въ которой «идеализація московской адвокатуры... восхваленіе ея скромныхъ аппетитовъ и божеской, праведной жизни—вся эта тирада невольно вызывала улыбку, и кампанія, предпринятая противъ крупныхъ гонораровъ со стороны *Θ. Н. Плевако*, казалось болѣе, чѣмъ странною» (*Розенцвейгъ*, о. с. стр. 437).

Любовь къ фразѣ вообще несомнѣнно крупный недостатокъ; онъ прежде всего дурно отражается на самомъ ораторѣ, который постепенно привыкаетъ обращать вниманіе только на внѣшнюю форму, гонится за словами и красивыми выраженіями, а при такомъ направленіи рѣчь легко можетъ перейти въ безсодержательную болтовню, производящую впечатлѣніе только на не подготовленныхъ и мало развитыхъ умственно слушателей. Неизбѣжный результатъ такихъ пріемовъ—дискредитированіе слова, въ корнѣ подрывающее значеніе дѣятельности оратора. Недостатки рѣчей *Θ. Н. Плевако* сглаживаются его большимъ талантомъ, но они могутъ вредно повліять на его подражателей, не обладающихъ такими силами, заимствующихъ у своего образца внѣшніе пріемы.

Увлечение оратора приводитъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ и къ преувеличенному нападенію не только на личность подсудимыхъ, но и защитниковъ. Въ заключеніи рѣчи по дѣлу *игуменьи Митрофаніи* заявивъ, что ей не удастся обмануть правосудіе, которое «молодо и сильно», ораторъ продолжаетъ: «пусть строитъ защита оплотъ противъ насъ; ей придется защищать полное противорѣчій и неправды показаніе подсудимыхъ, ей придется его ставить въ основаніе своего зданія, придется пользоваться, какъ матеріаломъ показаніями такихъ личностей, какъ *Ираида* и т. п... Жалкій матеріалъ... Хрупкое зданіе!.. Отъ перваго вопроса вашего

испытующаго ума оно пошатнется, отъ перваго прикоснове-
нія судейской совѣсти падеть во прахъ»... (Рус. суд. оратор.,
II, стр. 276). Только полная увѣренность въ побѣдѣ можетъ
оправдать такой способъ предрѣшенія приговора, но даже и
при этомъ условіи, нельзя не признать излишнимъ такого
дискредитированія противника.

Въ большей части рѣчей *Θ. Н. Плевако* заключенія со-
ставляются умѣло и сильно, при чемъ ораторъ старается до-
вести въ нихъ до высшихъ предѣловъ свое патетическое на-
строеніе. Таково заключеніе въ рѣчи *Θ. Н. Плевако*, произ-
несенной по дѣлу о беспорядкахъ на фабрикѣ *Коншина*, гдѣ,
призывавъ присяжныхъ къ снисходительности, несмотря на
то, что для рабочаго «разница между неволей по закону и
неволей нужды» не велика, ораторъ сказалъ: «всѣ эти люди,
куда бы ни послали ихъ къ станку, въ тюрьмы или ссылку,
услышавъ въ вашемъ приговорѣ голосъ осторожный въ при-
знаніи вины и свободный въ приложеніи милости, исполнятся
чувства нравственнаго удовлетворенія; они увидятъ, что ве-
λικое благо страны—судъ равный для всѣхъ—коснулся и ихъ,
пасынокъ природы» (Суд. Драмы, 1898, 2, стр. 90), хотя
и здѣсь послѣднюю фразу, въ которой рабочіе называются
почему-то «пасынками природы» нельзя назвать безукориз-
ненной. Въ дѣлѣ *Старосельскаго* ораторъ обращается даже
къ тѣни убитаго, чтобы уничтожить въ судьяхъ желаніе ото-
мстить за преступленіе и возможность недоувѣрія къ мо-
тивамъ рѣчи самого защитника: «Товарищъ, спящій мирно въ
могилѣ, я служу тебѣ, какъ и всѣ, здѣсь бьющіеся за правду...
И если невинный... выйдетъ отсюда оправданный... правда
приговора и счастье спасеннаго... будетъ лучшей тризной,
лучшимъ надгробнымъ словомъ, лучшимъ памятникомъ, какой
воздвигнется тебѣ друзьями и соратниками твоими по бран-
ному полю»... (Суд. Драмы, 1899, 6, стр. 127).

Во вступленіяхъ *Θ. Н. Плевако* часто начинается съ опро-
верженія какого либо положенія противника, что способствуетъ
возбужденію интереса въ слушателяхъ, дѣлаетъ рѣчь сразу
же энергичной и интересной. «Обвинитель нѣсколько смѣло
утверждаетъ, началъ *Θ. Н. Плевако* рѣчь по дѣлу *Бабани-*

ныхъ, что единственно правильный приговоръ, какой могутъ вынести изучившіе этотъ процессъ лица, долженъ быть приговоръ обвинительный. Пока здѣсь есть одинъ человѣкъ, который, изучивъ это дѣло, мнѣнія прокурора не раздѣляетъ. Этотъ человѣкъ защитникъ подсудимаго, т. е. я. Надѣюсь, что черезъ нѣсколько часовъ къ раздѣляемому мною мнѣнію присоединятся многіе, кто дѣйствительно глубоко вникнетъ въ это дѣло» (Отчетъ, стр. 90). Вступленіе по дѣлу Качка ораторъ началъ съ обсужденія вопроса, предложеннаго председателемъ эксперту, о томъ, обусловливается ли вся душевная жизнь состояніемъ мозга—вопроса, тѣсно связаннаго съ обсужденіемъ отвѣтственности подсудимой, признанной приговоромъ присяжныхъ дѣйствовавшей въ умоизступленіи (Рус. суд. орат., III, стр. 386). О. Н. Плевако не старается объ обработкѣ вступленія, рѣдко вводитъ въ него общія разсужденія, ограничиваясь, гдѣ можно, лишь указаніемъ на главное въ процессуальномъ состязаніи. По дѣлу игуменьи Митрофаніи ораторъ прямо оговаривается, что обязанъ щадить время суда и проситъ позволенія «прямо вступить въ середину этого дѣла» (Рус. суд. орат., II, стр. 252). Въ этомъ отношеніи рѣчи О. Н. Плевако близко подходятъ къ рѣчамъ В. Д. Спасовича и, наоборотъ, значительно отличаются отъ рѣчей П. А. Александрова и С. А. Андреевскаго, въ которыхъ вступленіямъ придается большое значеніе.

Въ доказательствахъ О. Н. Плевако искусно ведетъ борьбу съ противникомъ. Въ дѣлѣ Бабаниныхъ обвиненіе выгораживало потерпѣвшаго и въ слишкомъ черныхъ краскахъ рисовало подсудимыхъ, оскорбившихъ мирового посредника Сулиму—ораторъ и направляетъ свои усилія на доказательство несостоятельности такой постановки дѣла. «Говорятъ, что благородный и достойный представитель закона подвергался обидамъ и съ кротостью претерпѣлъ ихъ. Но слѣдствіе намъ показало, какъ у кроткаго, какъ у безгласнаго Сулимы всегда были съ собою стилеть и пистолеть, принадлежность далеко не кроткихъ личностей... Напрасно думаетъ обвиненіе, что, сдѣлавшись посредникомъ, Сулима ужъ не имѣлъ и къ нему не могли имѣть иныхъ, не служебныхъ отношеній: и у Ба-

банина и у Сулимы подъ форменной одеждой или сюртукомъ билось хорошее ли, дурное ли, но человѣческое сердце» (Отчетъ, стр. 92 и 95).

Сильную сторону въ рѣчахъ Ѳ. И. Плевако составляютъ характеристики и психологическій анализъ, особенно ему удается патетическое изображеніе преступнаго момента въ преступленіяхъ, обусловленныхъ страстью. Въ рѣчи по дѣлу «Качка» — лучшія мѣста, въ которыхъ ораторъ разбираетъ мотивъ преступленія и описываетъ самое убійство. Качка убила своего возлюбленнаго въ обществѣ, послѣ того, какъ пропѣла свою любимую пѣсню, случайно совпавшую съ ея настроеніемъ въ ту минуту: «Она пѣла, какъ никогда; голосъ ея былъ, по выраженію юноши Малышева, страшень... На бѣду попросили запѣть ее ея любимую пѣсню изъ Некрасова: «Бѣду ли ночью по улицѣ темной...» И она запѣла... и каждая строка поднимала передъ ней ея прошлое со всѣмъ его безобразіемъ и со всѣмъ гнетомъ, надломившимъ молодую жизнь... Душа ея надрывалась, а пѣсня не падала, рисуя и гробъ, и паденіе, и проклятіе толпы. И подъ финальные слова: «или пошла ты дорогой обычной и роковая свершилась судьба», — преступленіе было сдѣлано». (Рус. суд. оратор. III, стр. 392—393). На психологическомъ анализѣ построена и рѣчь въ защиту Бартенева, убившаго артистку Висновскую. Убійство произошло безъ свидѣтелей; его мотивы и обстановку приходилось выяснять по показаніямъ убійцы и запискамъ покойной. Задача защиты сводилась къ доказательству, что убійство совершено по требованію самой Висновской, желавшей покончить со своимъ существованіемъ, что Бартеневъ былъ вполне подчиненъ нравственно Висновской и не могъ противиться ея желаніямъ. Ѳ. И. Плевако начинаетъ изложеніе съ характеристики Висновской, говорить, что «она не была обижена судьбой: съ завидной красотой гармонировала талантъ», она пользовалась большимъ успѣхомъ на сценѣ, имѣла много поклонниковъ, но это лишь казовая сторона ея жизни: несмотря на внѣшнюю удачу, Висновская не чувствовала себя довольной: «Такъ живетъ она, — то удовлетворяемая артистическимъ успѣхомъ, то оскор-

бляемая грубостью поклонниковъ, то обольщаемая любовью, то разочаровывающаяся пошлостью, прикрытою любовными рѣчами... все это мало по малу... обращаетъ ея воззрѣніе къ смерти, къ небытію». Подобнымъ образомъ ораторъ незамѣтно переходитъ къ доказательству основного тезиса, что желаніе смерти, правда красивой и эффектной, давно уже было у Висновской, вызывалось условіями ея жизни. «Молодая женщина... утомленная трудами и внутреннимъ разладомъ... должна была въ годы, когда съ ней встрѣтился Бартенева, быть уже разбитой натурой». Встрѣча съ Бартенева, его преданная любовь и покорность, сдѣланное имъ предложеніе стать его женой, все это при такихъ обстоятельствахъ не могло не отразиться на Висновской. Этимъ ораторъ дѣлаетъ понятнымъ благосклонное отношеніе ея къ новому поклоннику, которымъ она совершенно завладѣла, ввела въ свой интимный міръ, эффектно позировала передъ нимъ разочарованіемъ и жаждой смерти. Бартенева не былъ способенъ отличать фразы отъ дѣла, онъ самъ сталъ серьезно проникаться мыслью Висновской, запасся ядомъ и револьверомъ. (Рус. суд. орат. I, стр. 163—174). Такимъ путемъ ораторъ дѣлаетъ яснымъ тотъ психологическій процессъ, который привелъ Бартенева къ трагической развязкѣ, къ убійству любимой женщины. Но здѣсь было одно обстоятельство, невыгодное для защиты: можно было ожидать, что Бартенева, согласившись убить Висновскую, не переживетъ ея, покончитъ съ собою,—этого не случилось. Ораторъ объясняетъ это не трусостью Бартенева (что было бы самымъ естественнымъ объясненіемъ), а весьма искусно выводитъ его образъ дѣйствій изъ той же характеристики взаимныхъ отношеній Бартенева и Висновской: Бартенева исполнилъ страшный приказъ — совершилъ убійство и «потерялся: хозяина его души не стало, не было больше той живой силы, которая по своему произволу могла его толкать на доброе и злое, на отчаянный подвигъ и робкое молчаніе». (Рус. суд. орат. I, 185—186). Можно, конечно, не согласиться съ объясненіями и соображеніями оратора, но имъ нельзя отказать въ послѣдовательности и правдоподобіи, нельзя не признать за О. Н.

Плевако умѣнья пользоваться психологическимъ анализомъ, какъ могучимъ средствомъ для убѣжденія судей въ правильности поддерживаемыхъ имъ выводовъ.

Умѣнье разбираться въ характерѣ лицъ, участвующихъ въ процессѣ сказывается и въ тѣхъ случаяхъ, когда *Θ. Н. Плевако* обрисовываетъ чью либо личность попутно, выдвигая тѣ черты характера, которыя имѣютъ значеніе въ данномъ случаѣ. Такъ говоря о директорѣ Саратовско-Симбирскаго банка *Борисовѣ* и опровергая возможность сознательнаго хищенія съ его стороны, *Θ. Н. Плевако* подчеркиваетъ, что *Борисовъ* «спекулянтъ по природѣ, а у спекулянтовъ есть болѣзнь—смѣшеніе своихъ собственныхъ фантазій съ дѣйствительностью, а потому онъ не остановился во время и рисковалъ вѣренными ему капиталами.» Оцѣнивая роль другого подсудимаго въ томъ же процессѣ Саратовско-Симбирскаго банка, *Θ. Н. Плевако* ограничивается выясненіемъ его роли, указаніемъ на то, что подсудимый «типъ лишнихъ людей, изъ породы тѣхъ засѣдателей старыхъ судовъ, которые приглашались заваривать чай для дѣйствительныхъ судей» (*Рус. суд. оратор.*, II, стр. 463), этими словами уже опредѣляется значеніе и участіе, которое могъ имѣть подсудимый въ приписываемомъ ему преступленіи.

Х.

кн. А. И. Урусовъ.

Судебныя рѣчи кн. А. И. Урусова *) доставили ему уже давно извѣстность талантливаго оратора. По свидѣтельству г.г. Ляховецкаго (о. с. стр. 273) и Глинскаго (о. с. стр. 50 и 51) кн. Урусовъ—ораторъ, прекрасно владѣющій своимъ словомъ. По приемамъ подготовки рѣчей онъ напоминаетъ Ѳ. Н. Плевако, такъ какъ не любитъ предварительной работы надъ рѣчами, произноситъ послѣднiя по большей части экспромтомъ (Ляховецкiй, о. с. 275), что, конечно, налагаетъ на нихъ своеобразный отпечатокъ: его рѣчи не охватываютъ всего дѣла въ подробностяхъ, не представляютъ выводовъ изъ заранѣ собранныхъ, строго обдуманыхъ и взвѣшенныхъ данныхъ. Ораторъ улавливаетъ наиболѣе крупное въ дѣлѣ и на немъ строить свою защиту. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ищетъ выигрышныхъ мѣстъ въ рѣчи противника и не пропускаетъ сдѣланныхъ имъ промаховъ, стараясь такимъ путемъ уничтожить впечатлѣнiе его рѣчи и ослабить силу приведенныхъ имъ аргументовъ. Онъ опирается преимущественно на чувство, убѣждаетъ судей силою своего увлеченiя, блескомъ нападенiя и полемики. Напр. по дѣлу о безпорядкахъ въ деревнѣ Хрущевѣ, по которому на скамьѣ подсудимыхъ находилось 53 крестьянина, кн. А. И. Урусовъ

*) Кн. А. И. Урусовъ скончался во время печатанiя настоящей книги.

обратился къ присяжнымъ (послѣ предупрежденія прокурора, чтобы тѣ не увлекались возраженіями защиты) со слѣдующими словами: «Если бы вы сидѣли здѣсь въ первый разъ, я бы сказалъ вамъ, что надъ вашимъ приговоромъ нѣтъ власти, такъ какъ выше совѣсти человѣка нѣтъ силы въ мірѣ. Вы вольны обвинить или оправдать, вы ни передъ кѣмъ и никогда не отвѣчаете... Никто не можетъ сказать, что вашъ приговоръ не справедливъ... смущаться нашими или чьими бы то ни было словами значило бы... пойти противъ совѣсти». (Носъ. Замѣчательныя судебныя дѣла, кн. II, М. 1869 г. стр. 144). Понятно, что такое обращеніе, произнесенное со свойственнымъ оратору мастерствомъ, должно было уничтожить впечатлѣніе казенныхъ замѣчаній прокуратуры и перевести вниманіе присяжныхъ на доводы защиты.

Кн. А. И. Урусовъ умѣетъ составлять эффектныя фразы, сильно дѣйствующія въ данный моментъ на аудиторію. Такъ въ рѣчи по дѣлу Карицкаго, въ которомъ были замѣшаны вліятельныя лица, ораторъ указалъ на значеніе равенства передъ закономъ: «Есть одно чувство, г.г. присяжные засѣдатели, сказалъ онъ, которое какъ бы вставало во очію передъ вашими глазами словно возвышалось надъ этимъ уголовнымъ процессомъ, чувство величественное и гордое — это чувство общечеловѣческаго равенства, безъ котораго нѣтъ правосудія на землѣ». (Рус. суд. ораторы, II, стр. 60). Подобными фразами кн. А. И. Урусовъ замѣняетъ сплошь и рядомъ общія мѣста и разсужденія, нужныя ему, чтобы выяснить роль и значеніе участвующихъ въ процессѣ. Какъ примѣръ такой замѣны можно привести мѣсто изъ рѣчи по дѣлу Гулакь-Артемовской, характеризующее среду, въ которой вращалась подсудимая: «Это міръ внѣшняго изящества и внутренняго безобразія, это міръ матеріальнаго обезпеченія и нравственнаго убожества, внѣшней представительности и внутренняго мошенничества, міръ сильныхъ вліятельныхъ связей, подъ покровомъ которыхъ играютъ инстинкты самаго необузданнаго, безстыднаго хищничества» (Рус. суд. ораторы, V, стр. 119). Нагроможденіе противопоставленій и эпитетовъ въ приведенныхъ фразахъ нѣсколько напоминаетъ риторическія

упражнения ораторовъ давно минувшихъ поколѣній (сравн. мой «Очерки по исторіи краснорѣчія. Краснорѣчіе во Франціи въ XVII и въ XVIII в. стр. 92). Но все-таки кн. А. И. Урусовъ и въ патетическихъ мѣстахъ не переходитъ предѣловъ допустимаго, не прибѣгаетъ для возбужденія чувства къ перечисленію ужасовъ, связанныхъ съ событіемъ преступленія, онъ создаетъ патетическія картины, очерчивая ихъ въ общихъ выраженіяхъ, достаточно возстановляющихъ въ памяти судей происшедшее: «Я не хочу возобновлять, напр. говорить онъ въ только что цитированной рѣчи, еще разъ слишкомъ памятна подробности ужасной пытки, которую выдержала несчастная; не хочу вновь описывать эту отвратительную борьбу съ природой: все это слишкомъ болѣзненно врѣзывается въ памяти, чтобы когда либо изгладиться. Вы помните въ какомъ положеніи была Дмитріева, боясь лишиться добраго имени и убить своимъ стыдомъ стариковъ родителей, она согласилась подвергнуть себя всѣмъ мученіямъ, при мысли о которыхъ морозъ проходитъ по кожѣ». (Рус. суд. ораторы, II, стр. 82).

Иногда кн. А. И. Урусовъ съ успѣхомъ пользуется ироніей, поддерживая силу своего нападенія удачною насмѣшкой или остротой. Въ дѣлѣ Карицкаго, утверждавшаго, что онъ не могъ выѣхать изъ Рязани, такъ какъ долженъ былъ на всякій случай находиться всегда на мѣстѣ, ораторъ намекая на извѣстныя его аудиторіи событія, не вызывавшія особеннаго сочувствія къ Карицкому, замѣчаетъ: «Никакихъ опасностей не предвидѣлось, никакихъ ужасовъ не было и въ поминѣ, все обстояло благополучно. Юрловъ и Обновскій по приговору суда подъ предсѣдательствомъ того же г. Карицкаго были уже давно разстрѣляны, слѣдовательно ничто не мѣшало ему съѣздить въ Москву для необходимыхъ денежныхъ операцій». (Рус. суд. ораторы, II, стр. 71). Въ этомъ же мѣстѣ ораторъ намекаетъ, что въ это время надъ Карицкимъ производилось слѣдствіе «во время котораго нерѣдко бывають нужны деньги, напр. для развѣздовъ». (Ib. стр. 71).

Кн. А. И. Урусовъ не оставляетъ безъ вниманія и характеровъ дѣйствующихъ лицъ, насколько это можно сдѣлать,

не вдаваясь въ ихъ долгое изученіе, требующее времени и труда. Онъ ограничивается обыкновенно нѣсколькими штрихами, обрисовываетъ нужную для него сторону характера, отчего характеристики и не выдѣляются въ его рѣчахъ, даже иногда и въ случаяхъ, въ которыхъ онѣ были бы полезны для дѣла. Напр. потребность въ характеристикѣ ясно чувствовалась въ дѣлѣ Сурина, но кн. Урусовъ, не давая характеристики, обратилъ вниманіе исключительно на наследственность, будто бы роковымъ образомъ натолкнувшую подсудимаго на преступленіе, и лишь мимоходомъ коснулся его личныхъ качествъ и условій жизни. (Рус. суд. оратор. II, стр. 510, 511). Впрочемъ, когда характеристика подсудимаго служить весьма важнымъ доказательствомъ, какъ это было напр. въ дѣлѣ Бефани, и на немъ должна основываться защита, то кн. А. И. Урусовъ входитъ въ психологическія детали, старается воспроизвести характеръ, хотя и въ цитированномъ дѣлѣ обрисовка личности подсудимаго Орлова была сдѣлана односторонне, подчинена основной мысли оратора, что Орловъ совершилъ преступленіе вслѣдствіе наследственнаго психическаго разстройства. (Отчетъ по дѣлу. Москва, 1893, стр. 68 и слѣд.).

Но когда психологическая сторона дѣла не требуетъ сложной работы, то кн. А. И. Урусовъ не упускаетъ случая воспользоваться ею. Въ дѣлѣ Дмитріевой, объясняя причины, побудившія ее къ сознанию, что было важно для поддержанія симпатіи къ подсудимой, онъ рисуетъ картину положенія Дмитріевой въ тюрьмѣ, гдѣ въ безконечные часы одиночества, напало на нее тяжкое раздумье: «одна, брошенная всѣми, всѣми забыта... за что эти страданія?.. Дмитріеву начинаетъ мучить раскаянье, передъ нею съ новою силою встаетъ воспоминаніе о томъ ребенкѣ, который былъ уничтоженъ Карицкимъ, и вотъ съ тою порывистою страстностью, съ тѣмъ полнымъ забвеніемъ о себѣ, которыя составляютъ главныя черты въ характерѣ Дмитріевой, она рѣшается сказать правду—не щадя себя, не дѣлая ничего въ половину». (Рус. суд. ораторы, II, стр. 75). Далѣе ораторъ на основаніи психологическихъ данныхъ разбираетъ дѣятельность дру-

того подсудимаго по дѣлу Карицкаго, поддерживають ими доказательства, добытыя слѣдствіемъ и отвергаемые подсудимымъ. (Ib. стр. 77).

Во вступленіи къ рѣчамъ кн. А. И. Урусовъ по большей части выдвигаетъ важность разсматриваемаго дѣла, напр. въ рѣчи по дѣлу Умецкихъ ораторъ указываетъ, что «На это дѣло будетъ обращено вниманіе не одного уѣзднаго города, но вниманіе всей Россіи... Я ожидаю, г.г. присяжные, полнаго вниманія къ моей рѣчи, которая будетъ направлена къ обвиненію родителей и къ оправданію дочери». (Носъ, о. с. стр. 85). Въ крупныхъ процессахъ ораторъ удѣляетъ введенію очень много мѣста, пространно разбирая въ немъ общіе вопросы, имѣющіе соприкосновеніе съ обстоятельствами дѣла и ходомъ процесса (напр. вступленіе по дѣлу Дмитріевой (Рус. суд. орат., II, стр. 59). Въ несложныхъ дѣлахъ кн. А. И. Урусовъ обходится иногда и безъ вступленія. (Рус. суд. орат. II, стр. 509). Въ нѣкоторыхъ рѣчахъ вступленіе представляетъ изъ себя изложеніе какого либо принципа, изъ котораго исходитъ ораторъ въ дальнѣйшей аргументаціи, такимъ образомъ и намѣчается программа рѣчи. Въ дѣлѣ объ убійствѣ Бефани во вступленіи рѣчи кн. Урусовъ указалъ, что по закону защита обязана изложить обстоятельства, которыми опровергается или ослабляется обвиненіе и что соотвѣтственно этимъ требованіямъ будетъ построена его защита. (Отчетъ по дѣлу, стр. 66).

Въ заключеніяхъ ораторъ прибѣгаетъ обыкновенно къ паѳосу и къ фразамъ, стараясь завладѣть чувствомъ судей. Напр. «Для Умецкой, закончилъ свою рѣчь кн. Урусовъ по дѣлу Умецкихъ, наказаніе не страшно, потому что она прошла сквозь каторгу въ родительскомъ домѣ. Но я думаю, что вы признаете въ ней больнаго человѣка, а больнаго наказывать едва ли справедливо. А потому я надѣюсь, г.г. присяжные, что ни у кого изъ васъ не поднимется рука, чтобы бросить камень въ этого несчастнаго ребенка». (Носъ, о. с. стр. 88). Но бываютъ случаи, когда кн. А. И. Урусовъ рисуетъ слишкомъ сентиментальныя картины въ духѣ французскихъ адвокатовъ, злоупотребляя именемъ матери, добродѣ-

телью и слезами. Напр. въ заключеніи по дѣлу Сурина кн. А. И. Урусовъ такъ описываетъ положеніе подсудимаго: «Онъ даже счастливъ: старый больной отецъ обращается къ нимъ ласково, больная мать цѣлыми днями шепчетъ безсвязныя слова, но Аркадію кажется, что она его понимаетъ... Когда онъ къ ней подходитъ, изъ ея глазъ текутъ безмолвныя слезы. О чемъ же она плачетъ? О томъ ли, что дала жизнь несчастному, на которомъ тяготѣетъ непосильная ноша цѣлаго ряда больныхъ поколѣній?.. Или она смутно предчувствуетъ, что ея сыну грозитъ гибель? А не думаете ли вы, г.г. присяжные, что въ этихъ безмолвныхъ слезахъ и заключается лучшая его защита?» (Рус. суд. оратор., II, стр. 512). Въ названномъ дѣлѣ лучшая защита Сурина заключалась въ его собственномъ положеніи, въ условіяхъ жизни и бытовой обстановкѣ, введеніе же въ рѣчь приподнятой сентиментальной картины не могло бы при другихъ обстоятельствахъ спасти подсудимаго: въ ней слишкомъ видна риторика.

XI.

К. Ф. Хартулари.

Имя К. Ф. Хартулари известно въ русской юридической литературѣ по сборнику его рѣчей (Итоги прошлаго) и по изслѣдованію о правѣ помилованія, недавно вышедшему въ свѣтъ и являющемуся нагляднымъ доказательствомъ трудолюбія и эрудиціи автора. По характеру своихъ рѣчей К. Ф. Хартулари не можетъ быть причисленъ къ ораторамъ, приковывающимъ къ себѣ вниманіе блестящей внѣшней формой, онъ скорѣе адвокатъ-юрисконсультъ, просто и толково излагающій дѣло, и въ этихъ предѣлахъ К. Ф. Хартулари добросовѣстно исполняетъ свои обязанности защитника. Такъ въ дѣлѣ Разнатовскаго ораторъ во вступленіи указываетъ на мотивъ, заставлявшій его «опасаться какихъ нибудь невольныхъ упущеній» въ защитѣ, на страшную отвѣтственность передъ совѣстью въ случаѣ неудовлетворительнаго или небрежнаго исполненія долга. (Итоги, стр. 84).

Проникнутый сознаніемъ важности своей профессіи, К. Ф. Хартулари остается сдержаннымъ въ судебномъ состязаніи. Такъ, напр., отвѣчая на, полную рѣзкихъ нападокъ, рѣчь обвинителя въ дѣлѣ Баранова, К. Ф. Хартулари удовольствовался слѣдующими словами, отгнѣвившими различіе въ приѣмахъ обвиненія и защиты: «Послѣ только что выслушанной вами, г.г. судьи, обвинительной рѣчи, полной необыкновенной страстности и даже неумѣстныхъ оскорбленій, направленныхъ по адресу обвиняемаго, вы въ правѣ ожидать и опасаться такого же свойства реплики со стороны защиты г.

Баранова, но я считаю долгом предупредить васъ, м.м. г.г., что не послѣдую примѣру прокурорской власти, какъ несомнѣстному съ достоинствомъ защиты». (Итоги, стр. 330).

Добросовѣстность К. Ф. Хартулари сказывается и въ тщательной разработкѣ специально юридическихъ вопросовъ, возникающихъ въ дѣлѣ. Ораторъ съ величайшимъ вниманіемъ разбираетъ законы, подходящіе къ данному случаю, и на этомъ разборѣ строить свои дальнѣйшіе выводы и заключенія. Какъ примѣръ можно привести толкованіе 1 ч. 482 ст. Уложен. о наказаніяхъ въ дѣлѣ Борова (Итоги, стр. 36) и толкованіе требованій строительнаго устава въ дѣлѣ Лебедева (Итоги, стр. 574 и слѣд.); въ нѣкоторыхъ случаяхъ ораторъ ссылается и на иностранныя законодательства. Нужно замѣтить, что К. Ф. Хартулари старается поддержать свою аргументацію ссылкой не столько на букву, сколько на духъ закона. Таково мѣсто въ рѣчи по дѣлу Шебалиной, указаніе на непримѣнимость къ данному случаю правила, что незнаніемъ законовъ никто не можетъ отговариваться. «Человѣческихъ дѣяній, преступное свойство которыхъ познается инстинктивно, немного... что же касается до тонкихъ видовъ воровства-мошенничества и разнаго рода подлоговъ, то запрещеніе и преслѣдованіе ихъ положительнымъ закономъ узнается изъ житейскаго опыта, котораго нельзя было допустить у Шебалиной, выпущенной изъ института за годъ до обнаруженія преступления». (Итоги, стр. 124).

Какъ сказано, слогъ К. Ф. Хартулари дѣловой, въ немъ нѣтъ ни оригинальности, ни изящества, ни силы, которыя бы могли выдѣлить рѣчи Хартулари, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и это его несомнѣнное достоинство, нѣтъ и чрезмѣрныхъ претензій, которыя такъ портятъ рѣчи нѣкоторыхъ ораторовъ. К. Ф. Хартулари пользуется цитатами, довольно часто приводитъ слова авторитетовъ въ области психіатріи (Сравни. Итоги, стр. 20 и слѣд.), не уклоняется отъ составленія общихъ мнѣній, хотя рѣдко, но все таки прибѣгаетъ къ юмору, и все это дѣлаетъ въ предѣлахъ доступныхъ его дарованію, не стараясь говорить во что бы то ни стало краснорѣчиво. Иногда ораторъ вдается въ разсужденія объ общихъ вопросахъ, свя-

занныхъ съ разбираемымъ дѣломъ; какъ примѣръ можно указать на обсужденіе правъ женщины, не состоящей въ законномъ бракѣ (Итоги, дѣло Левенштейна, стр. 480), написанное безъ излишнихъ натяжекъ и покушеній на пафосъ. По временамъ, впрочемъ, у К. Ф. Хартулари выходятъ довольно удачно и сравненія, таково сравненіе обвинительной рѣчи съ гармоническимъ аккордомъ, въ которомъ не скрыть фальшивой ноты «отъ чуткаго и опытнаго уха судьи никакими переливами и никакими переходами аккордовъ изъ одного тона въ другой». (Итоги, стр. 546).

К. Ф. Хартулари стремится также повліять на чувство присяжныхъ, обращаясь къ нимъ съ просьбами о снисхожденіи: въ дѣлѣ Протопопова онъ напоминаетъ имъ, что, «подсудимый не забудетъ своихъ страданій, въ случаѣ его неправильнаго осужденія, равно какъ не забудетъ своихъ страданій несчастная семья, которая вмѣстѣ съ нимъ лишается послѣдней опоры, послѣднихъ средствъ къ существованію!» (Итоги, стр. 22). Въ дѣлѣ Разнатовскаго ораторъ заканчиваетъ рѣчь слѣдующимъ обращеніемъ къ присяжнымъ: «Будьте же справедливы! Выразите... въ вашемъ приговорѣ: за кѣмъ изъ двухъ дѣйствовавшихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ—за Разнатовскимъ или его женою, вы признаете честь и правду?.. Я убѣжденъ, что вы протянете руку подсудимому». (Итоги, стр. 91). Приведенные отрывки достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что эти обращенія къ чувству присяжныхъ не составляютъ сильной стороны рѣчей К. Ф. Хартулари, это же можно сказать и о тѣхъ случаяхъ, когда онъ обращался къ юмору, напр. ораторъ сдѣлалъ попытку съ ироническимъ отгѣнкомъ описать наружность Линевица, который «ни по внѣшнему своему виду, ни по уму, ни по развитію... далеко не представляется намъ такимъ Адонисомъ, воспитаннымъ дриадами, передъ красою и умомъ котораго, какъ гласитъ мифологія, не устояла даже богиня красоты Венера... но, впрочемъ, о вкусахъ—говорятъ, не спорятъ вообще, а о женскихъ въ особенности». (Итоги, стр. 486). Въ этомъ случаѣ рѣчь К. Ф. Хартулари ничѣмъ не выдѣляется изъ обычныхъ адвокатскихъ рѣчей, удѣлъ которыхъ немедленное забвеніе.

Изложеніе дѣла въ рѣчахъ К. Ф. Хартулари всегда очень просто, и въ то же время полно, и съ сохраненіемъ должной объективности рисуеъ событіе преступленія. Излагая тѣ или другія обстоятельства, ораторъ вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ и подкрѣпляющія ихъ доказательства, если поддерживаемая имъ версія передачи событія представляется почему либо сомнительной или противорѣчитъ изложенію событій противникомъ (какъ примѣръ ср. дѣло Разнатовскаго. Итоги, стр. 88).

Въ настоящей работѣ я имѣлъ уже случай отмѣчать важное значеніе личности преступника, занимающее въ современномъ уголовномъ процессѣ все болѣе и болѣе господствующее мѣсто и необходимость поэтому для судебного оратора умѣть обращаться съ психологическими данными, имѣющимися въ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи рѣчи К. Ф. Хартулари представляются результатомъ такой же добросовѣстной работы, какъ и въ другихъ отдѣлахъ. Такъ, приступая къ характеристикѣ подсудимаго Кондырева, К. Ф. Хартулари задается рядомъ вопросовъ, сущность которыхъ заключается въ одномъ: почему Кондыревъ, бывший честнымъ и добрымъ человѣкомъ, хорошо воспитаннымъ и обезпеченнымъ, совершилъ растрату? Послѣ этихъ вопросовъ слушатель въ правѣ ожидать изображенія характера Кондырева, указанія, какъ сложились особенности, побудившія его совершить преступленіе, но ораторъ довольствуется указаніемъ на чистосердечное признаніе Кондырева и на то, что онъ сталъ преступникомъ подъ вліяніемъ страсти къ карточной игрѣ, и резюмируетъ сказанное, указавъ на то, что «страсть къ карточной игрѣ, вотъ—завязка настоящаго дѣла, а отсутствіе необходимаго самообладанія, не выработанность воли съ дѣтства, ведущая обыкновенно къ ослабленію нравственныхъ началъ, вотъ истинный двигатель, породившій въ Кондыревѣ то легкое воззрѣніе на чужую собственность, которое и привело его на скамью подсудимыхъ». (Итоги, стр. 145—147). Здѣсь ораторъ выдвигаетъ одну только страсть подсудимаго, но не даетъ никакихъ подтвержденій своимъ выводамъ о слабости его воли и самообладанія, благодаря которымъ могло получиться «легкое воззрѣніе» на чужое имущество. Въ характе-

ристикъ Александра Иванова (дѣло ф. Зона. Итоги, стр. 250 и слѣд.) указаны лишь внѣшніе факты, приведшіе его на путь преступленія (знакомство съ Максимомъ Ивановымъ и кутежи), но не разобранъ внутренній процессъ, превратившій честнаго человѣка въ сообщника убійцы-грабителя. Лучшей изъ характеристикъ К. Ф. Хартулари, на мой взглядъ, является характеристика Орлова, которую ораторъ разрабатываетъ соп амоге и гдѣ ему удалось обрисовать недюжинную личность обвиняемаго. (Итоги, стр. 152 и слѣд.). Къ числу несомнѣнныхъ достоинствъ рѣчей К. Ф. Хартулари принадлежит внимательное разсмотрѣніе вопроса о психическомъ состояніи подсудимаго въ моментъ совершенія преступленія, какъ примѣры въ этомъ отношеніи могутъ быть указаны рѣчи по дѣламъ Протопопова и Черкасова. (Итоги, стр. 20 и слѣд. и 63 и слѣд.).

Доказательства К. Ф. Хартулари развиваетъ послѣдовательно и осторожно, устраняя изъ дѣла недоброкачественный или сомнительный матеріалъ. Въ дѣлѣ Разнатовскаго напр. онъ указываетъ, что все «обвиненіе построено на одной теоріи вѣроятностей на однихъ умозрѣніяхъ... Не стану тратить бесполезно время... но остановлюсь только на тѣхъ... доводахъ, которые дѣйствительно могутъ возбудить извѣстное сомнѣніе». (Итоги, стр. 85). К. Ф. Хартулари не старается оправдать своего кліента во что бы то ни стало; въ случаѣ, когда нельзя отстаивать невинность, онъ направляетъ свои усилія на то, чтобы добиться возможно снисходительнаго отношенія къ обвиняемому напр. въ дѣлѣ ф. Зона, выяснивъ вину своего кліента Александра Иванова, ораторъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Вотъ то преступленіе... за которое по убѣжденію моему Александръ Ивановъ долженъ принять законное наказаніе, какъ должное возмездіе за свою вину и какъ единственное средство для примиренія съ совѣстью, угрызений которой онъ, какъ вамъ извѣстно, не вынесъ и первый явился съ повинною». (Итоги, стр. 249).

Вступленія въ рѣчахъ К. Ф. Хартулари служатъ обыкновенно для краткаго введенія въ суть дѣла и составляются безъ всякой заботы объ отдѣлкѣ и интересѣ, иногда вступ-

леніе въ то же время служить и программой рѣчи, подчеркиваетъ основной тезисъ дѣла, напр. защищая Вульфа ораторъ началъ свою рѣчь съ замѣчанія, что «одного бѣлаго взгляда на тѣ данныя, которыя послужили поводомъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія... уже достаточно для убѣжденія въ совершенномъ отсутствіи какихъ либо основаній не только для обвиненія кого-либо въ преступленіи, но даже для привлеченія къ слѣдствію». (Итоги, стр. 132). Во вступленіи къ рѣчи по дѣлу Кондырева ораторъ занимается разъясненіемъ требованій закона относительно судебныхъ преній (Итоги, стр. 142); вступленія этого типа выходятъ у К. Ф. Хартулари гораздо лучше тѣхъ, въ которыхъ онъ дѣлаетъ попытку говорить въ повышенномъ тонѣ какъ напр. въ дѣлѣ Зона (Итоги, стр. 244—245), гдѣ трактуется вообще о возмутительныхъ преступленіяхъ и процессахъ «страдающихъ загадочностью», въ виду которой обыкновенно «невольнo блѣднѣетъ и обвиненіе и судейская совѣсть».

Заключенія рѣчей К. Ф. Хартулари не отличаются большимъ блескомъ и изяществомъ и не останавливаютъ на себѣ вниманія. Напр. рѣчь по дѣлу Черкасова заканчивается цитатой изъ Эскироля о связи алкоголизма съ душевными болѣзнями и краткимъ выводомъ изъ мнѣнія «почтеннаго психіатра». (Итоги, стр. 65). Даже въ наиболѣе громкихъ процессахъ, гдѣ К. Ф. Хартулари приходилось разбирать отношенія и обстоятельства, дающія просторъ выраженію чувства, онъ не выходитъ изъ предѣловъ спокойнаго разсужденія, связаннаго съ нѣсколькими реторическими фразами сомнительнаго достоинства. Заканчивая, напр., рѣчь по дѣлу Жюжанъ и высказавъ положеніе, что она должна выйти осужденной или оправданной, ораторъ продолжаетъ: «Мнѣ кажется, что послѣдній исходъ наиболѣе соотвѣтствуетъ условіямъ справедливости и безпристрастія въ настоящемъ процессѣ, который... занявши мѣсто среди разнаго рода загадочныхъ убійствъ возмущающихъ душу читателя, возбудить несомнѣнно одно только недоумѣніе». (Итоги, стр. 410—411). Защита Левенштейнъ оканчивается цитатой изъ Фонтенеля о заблужденіяхъ, истину которой предлагается постигнуть г. Линевику.

ХІІ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сопоставляя особенности рѣчей наиболее выдающихся русскихъ судебныхъ ораторовъ, можно отмѣтить въ нихъ нѣкоторыя общія, постоянно встрѣчающіяся черты, позволяющія говорить о національномъ характерѣ русскаго судебного краснорѣчія, на что указывалъ уже К. К. Арсеньевъ. Первые русскіе адвокаты и прокуроры самостоятельно прокладывали себѣ дорогу, и это одно уже въ значительной степени обусловило индивидуальность русскаго судебного краснорѣчія. Для современныхъ русскихъ ораторовъ профессиональныя традиціи сводятся къ вліянію немногихъ замѣчательныхъ ораторовъ, рѣчи которыхъ служатъ предметомъ изученія и подражанія, которое не можетъ воспрепятствовать плодотворной самостоятельной работѣ, и предыдущіе очерки достаточно свидѣтельствуютъ о разнообразіи и богатствѣ индивидуальных оттѣнковъ въ рѣчахъ русскихъ судебныхъ ораторовъ какъ по направленію и содержанію рѣчей, такъ и по ихъ внѣшней формѣ. Затѣмъ достойную вниманія общую черту лучшихъ судебныхъ ораторовъ составляетъ простота и искренній тонъ рѣчей какъ обвинителей, такъ и защитниковъ, ихъ объективное отношеніе къ дѣлу, отсутствіе стремленія взять верхъ независимо отъ того, согласно ли это или нѣтъ съ истиной и убѣжденіемъ оратора, основанномъ на глубокомъ знакомствѣ съ дѣломъ, что является основаніемъ судебного краснорѣчія, безъ котораго самая блестящая рѣчь будетъ не больше, какъ риторическимъ упражненіемъ на заданную тему. Простота стили сохраняется у мастеровъ русскаго слова и въ самые патетическіе моменты и выгодно отличаетъ ихъ отъ французскихъ и

итальянскихъ ораторовъ, мысли которыхъ часто исчезаютъ въ потокъ словъ, красивыхъ фразъ и риторическихъ украшеній всякаго рода. Театральные эффекты, картинная жестикуляція не свойственны русскимъ ораторамъ и за нѣкоторыми, всегда неизбѣжными исключеніями о нихъ не приходится слышать въ русской практикѣ. Съ другой стороны простота и искренность русскихъ ораторовъ далеки отъ неуклюжести и сухости, превращающихъ рѣчь въ длинныя и скучныя реляціи по дѣлу, какими часто бываютъ напр. рѣчи нѣмецкихъ адвокатовъ. Рѣчи русскихъ ораторовъ отличаются и тѣмъ, что въ нихъ не нарушается уваженіе къ личности участвующихъ; они не стремятся къ тому, чтобы выставить въ непривлекательномъ свѣтѣ кого либо изъ участвующихъ въ дѣлѣ и такимъ образомъ приобрѣсти лишній шансъ въ свою пользу, хотя бы этого и не требовалось въ интересахъ выясненія истины, и хотя бы для этого нужно было захватить интимную жизнь человѣка внѣ всякаго отношенія къ процессу, чѣмъ грѣшатъ, напр. рѣчи французскихъ ораторовъ. Русскіе ораторы ставятъ себѣ задачей пониманіе характера даннаго лица, чтобы объяснить такимъ образомъ его дѣйствія, такъ или иначе касающіяся процесса; за предѣлы, очерченные необходимостью судебного изслѣдованія, они не считаютъ себя въ правѣ переходить. Въ связи съ этимъ стоитъ и сдержанность въ полемическихъ приемахъ съ противникомъ: обвинитель и защитникъ не забываютъ, что они служатъ одному дѣлу, и что цѣль ихъ стремленій не личный успѣхъ, а осуществленіе правосудія. Поучительный примѣръ въ этомъ смыслѣ представляютъ тѣ дѣла, въ которыхъ приходилось состязаться А. О. Кони и В. Д. Спасовичу.

Таковы важнѣйшія особенности русскаго краснорѣчія. Конечно, они проявляются не у всѣхъ и не въ полномъ объемѣ — одни ближе подходятъ къ идеалу, другіе отстоятъ отъ него на большее разстояніе, какъ это и констатировалось въ предшествовавшемъ изложеніи. Ораторъ, какъ и всякій другой дѣятель, является продуктомъ среды, воспитанія, господствующихъ общественныхъ настроеній, и только наиболѣе выдающіеся люди въ извѣстныхъ отношеніяхъ могутъ стать выше своей эпохи. Одно

изъ важнѣйшихъ золь современной общественной жизни заключается въ томъ, что воспитаніе готовить—и не только въ Россіи,—не людей, а специалистовъ, знающихъ относительно хорошо свое искусство или науку; о характеръ и общихъ принципахъ не думаютъ, вслѣдствіе чего вырабатывается нежелательное отношеніе къ дѣлу, вся суть котораго состоитъ въ приобрѣтеніи профессиональной ловкости, далѣе обыкновенно не идутъ, такъ какъ этого достаточно для жизненнаго успѣха и поддержанія профессиональной рутины, для исполненія той «службы», на которую даетъ право дипломъ. Такая подготовка молодыхъ поколѣній въ связи съ другими особенностями современной жизни и даетъ достаточное объясненіе отступленій отъ дороги, указываемой лучшими русскими ораторами, наблюдаемыхъ въ дѣйствительной жизни. На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ поставить замѣчаемое иногда отсутствіе устойчиваго нравственнаго характера, долженствующаго опредѣлять дѣятельность человѣка, устанавливающаго его общее отношеніе къ жизни, съ чѣмъ несомнѣдимъ оппортунизмъ, встрѣчающійся и у русскихъ судебных ораторовъ. Такъ бывають случаи, когда и обвинители и защитники готовятъ свои доводы, смотря по дѣлу, не заботясь о сказанномъ ими раньше, чѣмъ подрываютъ довѣріе къ собственнымъ словамъ и выказываютъ глубокое непониманіе значенія ораторской рѣчи, теряющей смыслъ, если она является не результатомъ убѣжденія оратора, не передаетъ его строго продуманныхъ и взвѣшенныхъ мыслей. Для примѣра я остановлюсь на отношеніи обвиненія и защиты къ матеріалу добытому дознаніемъ и предварительнымъ слѣдствіемъ. Общеизвѣстный фактъ, что все предварительное производство въ Россіи находится въ болѣе, чѣмъ неудовлетворительномъ состояніи, а отсюда получается и различное отношеніе къ нему сторонъ въ уголовномъ процессѣ. Защитникамъ оно даетъ по большей части обильный матеріалъ для нападенія и критики, и ихъ положеніе представляется совершенно опредѣленнымъ: почти въ каждой защитительной рѣчи можно найти мѣста, критикующія слѣдствіе, и каждому адвокату приходится заниматься такой критикой.

Обвинители наоборот по большей части поддерживают, насколько возможно, предварительное производство, на котором основано обвинение, и отстаивают правильность действий полиции и следователей. Процесс Мироновича (убийство Сарры Беккеръ) составил любопытное исключение: в нем действия полиции не поддерживали обвинения, и прокуроръ оказался суровымъ критикомъ полиции вообще и заявилъ, что должна быть принята во внимание «та нравственная неопрятность, которой вообще отличаются сыщики... затѣмъ надо вспомнить, что Мироновичъ былъ прежде полицейскимъ и зналъ такихъ лицъ, а следовательно имѣлъ полную возможность ориентироваться». (Рус. суд. орат., IV, стр. 84). Предварительное следствие в этомъ процессѣ велось какъ и во многихъ другихъ, т. е. плохо, но гражданскій истецъ, адвокатъ, нашелъ возможнымъ его реабилитировать. Онъ призналъ, правда, что «следствие сдѣлало не мало промаховъ», но тѣмъ не менѣе указалъ присяжнымъ «какой громадный трудъ представляютъ собою эти 6 томовъ производства», и на то, что следователь обладаетъ ограниченными материальными средствами, долженъ пользоваться услугами полиции и дальше выставилъ положеніе, что даже «если исчезаетъ вещественное доказательство передъ глазами следователя, если тайны следствія разглашаются, развѣ можно винить здѣсь одного следователя? Конечно, защищать следствие не мое дѣло, но я нахожу, что оно не нуждается въ защитѣ: результаты налицо». (Рус. суд. орат., IV, стр. 97, 99). Результаты следствія были, дѣйствительно, налицо, и краснорѣчіе обвинителей не могло ихъ спасти, кромѣ того они получили и должную отвѣдь отъ защитника Н. П. Карабчевскаго, который справедливо замѣтилъ, что было бы странно, если бы «веденное ложнымъ путемъ следствие вывело на настоящую дорогу — все толкало судей сбиться съ пути, запутаться въ лабиринтѣ», и уничтожилъ жалобы прокурора на тайную полицію, напомнивъ ему, что Мироновичу нельзя ставить въ улику продажность сыщиковъ: «если бы это и было такъ, то развѣ мы не въ правѣ отвѣчать обвинителю: это ваши же креатуры, ваши агенты, уберите ихъ прочь,

если они вамъ не годятся... но разъ вы безъ нихъ безсильны... нечего ихъ обращать въ улику и на ихъ предполагаемой продажности строить все обвиненіе». (Рус. суд. оратор., IV, стр. 105, 106). Этотъ эпизодъ показываетъ, какъ иногда бываютъ мало устойчивы общія начала въ рѣчахъ судебныхъ ораторовъ, и въ какое затруднительное положеніе можетъ поставить ихъ самихъ эта неустойчивость..

Точно также неблагоприятное впечатлѣніе производитъ развязность въ обращеніи съ матеріаломъ и доказательствами, которую можно видѣть въ рѣчахъ нѣкоторыхъ судебныхъ ораторовъ, какъ бы старающихся возмѣстить такимъ способомъ недостатокъ знаній или выйти изъ затруднительнаго положенія. Стремленіе оратора побѣдить смѣлостью и увѣренностью нападенія приводитъ иногда къ пренебреженію чувствомъ мѣры, напр. въ извѣстномъ процессѣ Кедрина съ гласными С.-Петербургской думы по поводу постройки Троицкаго моста представитель обвиненія въ такомъ неясномъ дѣлѣ началъ распространяться о своемъ убѣжденіи въ невинности гласныхъ, обвиняя Кедрина въ клеветѣ, и о своей обязанности защищать невинно обвиняемыхъ, что было совершенно не нужно по обстоятельствамъ дѣла, такъ какъ успѣхъ обвиненія былъ и безъ того обезпеченъ. (Рус. суд. оратор., V, стр. 245). Можно указать, какъ на недостатокъ и на неправильное подражаніе со стороны нѣкоторыхъ судебныхъ ораторовъ, переходящее уже въ простое копированіе стиля и манеры оратора, служащаго образцомъ, вслѣдствіе чего недостатки оригинала, являющіеся у него естественными, у подражателя выступаютъ въ преувеличенномъ видѣ.

Но эти темныя стороны не могутъ помѣшать развитію основныхъ началъ русскаго судебного краснорѣчія, заложенныхъ въ немъ лучшими ораторами, на рѣчахъ и примѣрѣ которыхъ учатся молодыя силы,—пока же можно съ полнымъ основаніемъ повторить, что русскіе судебные ораторы, начавшіе работу, успѣли сдѣлать много, несмотря на затрудненія и препятствія, и значительно облегчили путь своимъ продолжателямъ, которые могутъ идти дальше, пользуясь ихъ трудомъ и опытомъ.